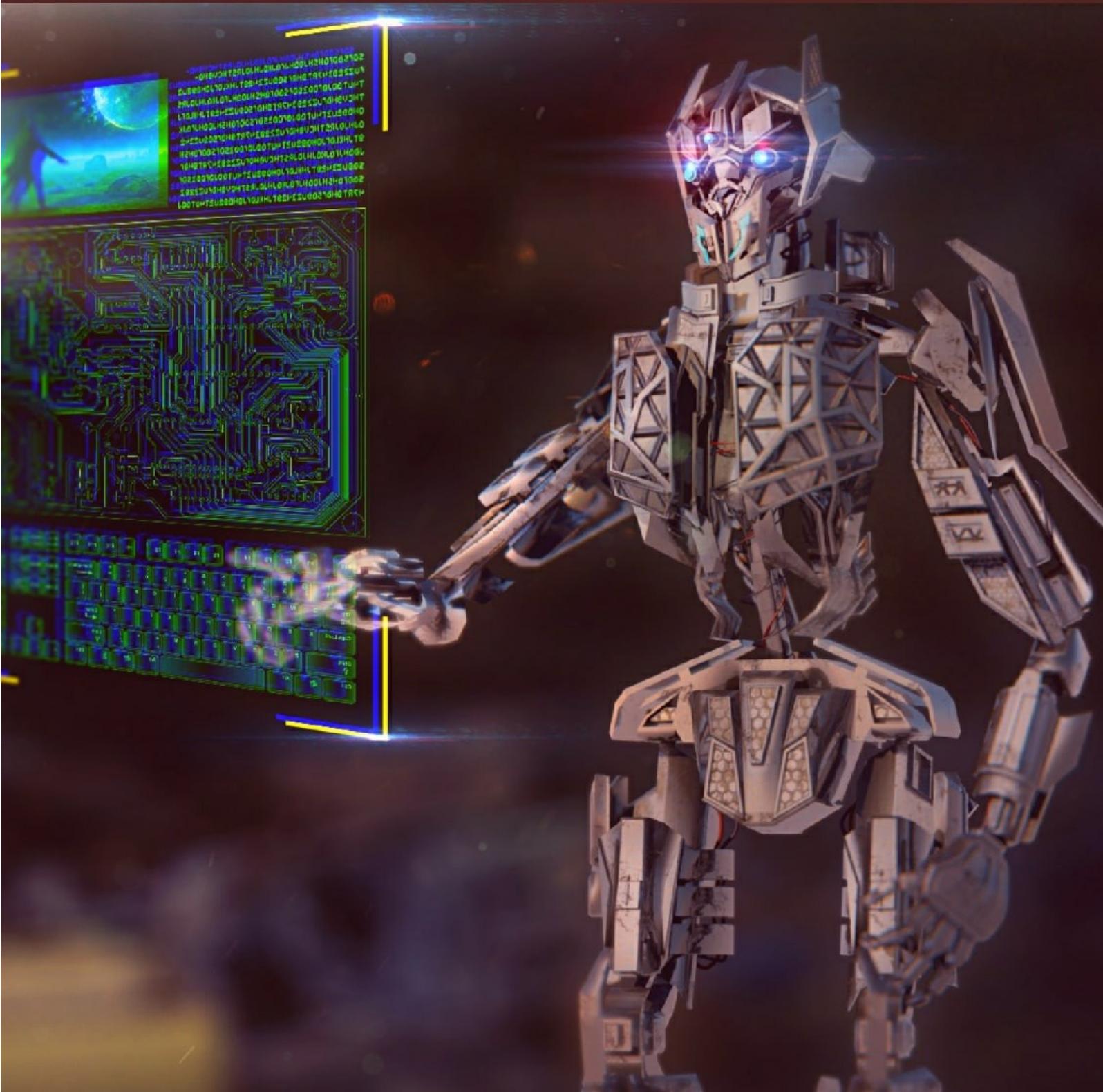

ISSUE 1 | 2021

GALACTICA MEDIA

JOURNAL OF MEDIA STUDIES

e-ISSN: 2658-7734

18+

GALACTICA MEDIA

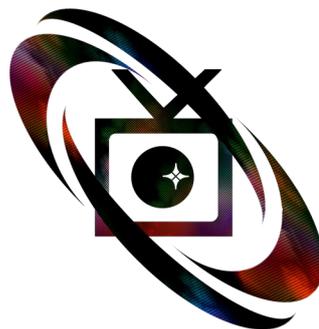
Journal of Media Studies

Scientific E-Journal

www.galacticamedia.com

Vol 3 No 1

<https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1>

2021

ГАЛАКТИКА МЕДИА

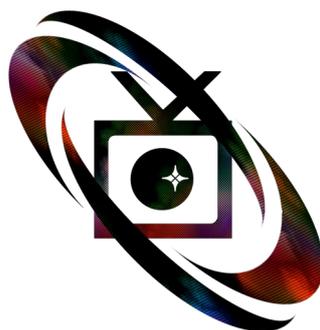
журнал медиа исследований

научный электронный журнал

www.galacticamedia.com

Том 3 No 1

<https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1>

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Galactica Media: Journal of Media Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2019). The journal publishes scholastic articles, reviews, information resources, reports of expeditions, conferences and other scientific materials.

This project is a truly ambitious initiative that serves to disseminate scientific intellectual knowledge and information in the field of media and popular culture (history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.) in the modern world community.

It is not for nothing that we used the epithet ambitious, since from the very beginning of its inception and preparation, it really is such. The project was started in 2018 by a small group of enthusiasts, young scientists whose interests lie in the above-mentioned areas of research.

First of all, we have assembled a truly big international team to become the members of our editorial board, people from different parts of our “small global village” called planet Earth, as media culture theorist Herbert Marshall McLuhan put it. Our editors are leading scholars in the field of media and popular culture from Russia, USA, UK, Spain, Austria, Sweden, India, Sri Lanka, China, Malaysia, Ghana.

Therefore, we chose English (the international language of science) and Russian (as the project is an initiative of Russian scientists) as the working languages of the online journal.

Openness, no charge, and peer reviews by leading scholars are the fundamental principles of our project (Ethics). And the digital character of modern international communications made us choose the electronic version of the journal (without physical printing). Based on the above while choosing a platform we preferred an open and free engine called Open Journal Systems, which ideally allows to organize the entire publishing process.

This allowed us to automate each stage of publication through the user registration system.

The names and e-mail addresses entered on the website of this online journal will be used solely for the purposes indicated by the journal and will not be used for any other purposes or passed to other individuals or organizations.

Journal publishes articles on quarterly basis.

Our online edition is devoted to the topical issues in the field of studies of media and mass culture in the broadest coverage of: history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.

The title of the journal was chosen as a reference to the work of the famous theorist of media culture, Herbert Marshall McLuhan, who in his periodization of the invention and assimilation by mankind of mass communications (media) introduced the concept of "Galaxy" (Galaxy of Gutenberg, Galaxy Marconi, etc.).

Aim and Scope

to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of studies of media and mass culture. We strive to ensure that our network publishing performs an important scientific function – communication and information, which al-

lows not only to accumulate new achievements in this area, but also serves as the basis for new discoveries and insights.

Online edition maintains its principles – to ensure the intercultural dialogue and to reduce the conflict of civilizations. It adheres to the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial Board aims at removing language barriers while maintaining respect for the national culture of each nation, residing on the small planet Earth.

All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind review.

Which does not mean though that any article sent to the editor will be accepted for our online edition. Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

**Best regards,
Editors**

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75 215 since 07 march 2019
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Galactica Media: Journal of Media Studies является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2019 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Данный проект является поистине амбициозной инициативой, служащей распространению научных интеллектуальных знаний и информации, посвящённых исследованиям в области медиа и массовой культуры (история, культурология, антропология, философия и т.д.) в современном мировом сообществе.

Мы не зря использовали эпитет амбициозный, так как с самого начала его зарождения и подготовки он действительно является таковым. Проект был задуман в 2018 году небольшой группой энтузиастов, молодых учёных, сферой интересов которых оказалась вышеуказанная область научных исследований.

Первым делом мы собрали по-настоящему огромную международную команду, которая представлена в редколлегии сетевого издания и охватывает большинство континентов, как выразился теоретик медиакультуры Герберт Маршалл Маклюэн, нашей «маленькой глобальной деревни» под названием планета Земля. Сюда вошли ведущие учёные в сфере медиа и массовой культуры следующих стран: Россия, США, Великобритания, Испания, Австрия, Швеция, Индия, Шри-Ланка, Китай, Малайзия, Гана.

Поэтому в качестве рабочих языков сетевого издания мы выбрали английский (международный язык науки) и русский (так как проект является инициативой российских учёных).

Открытость, бесплатность и рецензируемость ведущими учёными всех поступающих для публикации материалов являются основополагающими научными принципами нашего проекта (основные этические принципы представлены здесь). А цифровой характер современных международных коммуникаций заставил нас выбрать электронный вариант публикации статей (без физической печати). Исходя из вышеперечисленного в выборе платформы для реализации задуманного, мы остановились на открытом и бесплатном движке под названием Open Journal Systems, который позволяет идеально организовать весь издательский процесс.

Это дало нам возможность автоматизировать каждый этап на пути к опубликованию научных материалов через систему регистрации пользователей.

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого сетевого издания, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим сетевым изданием, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований медиа и массовой культуры в самом широком их охвате: история, культурология, антропология, философия и т.д.

Название проекта было выбрано в качестве отсылки к творчеству известнейшего теоретика медиакультуры Герберта Маршалла Маклюэна, который в своей периодизации изобретения и усвоения человечеством средств массовой коммуникации (медиа) использовал понятие «Галактика» (Галактика Гуттенберга, Галактика Маркони и т.д.).

Цель проекта

создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области исследований медиа и массовой культуры.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций «идеологии» диалога культур и устранение условий конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Все материалы, поступающие в редакцию проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем сетевом издании. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в сетевом издании **БЕСПЛАТНО**, но и гонорар авторам не выплачивается.

**С уважением,
редакция журнала**

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75 215 от 07 марта 2019
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Редакция

Editor-in-Chief

Rastyam T. Aliev
PhD, Associate Professor, Astrakhan
State University, Russia

Associate Editors

Serguey N. Yakushenkov
Dr. Habilitatus in History, Professor,
Astrakhan State University, Russia

Olesya S. Yakushenkova
PhD, Associate Professor, Astrakhan
State University, Russia

Copy editors

Emilia A. Taysina
Dr. Habilitatus in Philosophy,
Professor, Kazan State Energy
University, Russia

Elina A. Sarakaeva
PhD, Hainan Professional
College of Economics and
Business in Haikou, China

Isabeau Vollhardt
B.A. Philosophy/English
University of Washington, USA

Editorial Board

Aleksandr V. Pavlov
Dr. Habilitatus, Associate Professor,
Higher School of Economics, Russia

Amador Iranzo
PhD, Universitat Jaume I
de Castelló, Spain

Christophe Duret
PhD Université de Sherbrooke, Canada

David Hesmondhalgh
PhD, Professor,
University of Leeds, UK

Главный редактор

Растям Туктарович Алиев
к. ист. н., Астраханский
государственный университет, Россия

Заместители главного редактора

Сергей Николаевич Якушенков
д. ист. н., профессор, Астраханский
государственный университет, Россия

Олеся Сергеевна Якушенкова
к. филос. н., Астраханский
государственный университет, Россия

Литературные редакторы

Эмилия Анваровна Тайсина
д. филос. н., профессор, Казанский
государственный энергетический
университет, Россия

Элина Алиевна Саракаева
к. филол. н., Хайнаньский
профессиональный колледж
экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Изабо Воллхардт
Бакалавр философии университет
Вашингтона, Сиэтл Вашингтон, штат
Вашингтон, США

Редакционная коллегия

Александр Владимирович Павлов
д. филос. н., Факультет гуманитарных
наук / Школа философии НИУ ВШЭ,
Россия

Амадор Иранцо
PhD, Университет Хайме I,
Испания

Кристоф Дюре
PhD, Университет Шербрука, Канада

Дэвид Хесмондхалг
PhD, профессор, Университет Лидса,
Великобритания

<p style="text-align: center;">Elena V. Khlysheva Dr. Habilitatus, professor, Astrakhan State University, Russia</p>	<p style="text-align: center;">Елена Владиславовна Хлыщѐва д. филос. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия</p>
<p style="text-align: center;">Gautam Basu Thakur PhD, Associate Professor, Boise State University, USA</p>	<p style="text-align: center;">Гаутам Басу Тхакур PhD, профессор, Государственный университет Бойсе, США</p>
<p style="text-align: center;">Ibitayo Samuel Popoola PhD, University of Lagos, Nigeria</p>	<p style="text-align: center;">Ибитайо Самюэль Попула PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия</p>
<p style="text-align: center;">Joan Copjec PhD, Brown University, USA</p>	<p style="text-align: center;">Джоан Копьек PhD, профессор, Университет Брауна, США</p>
<p style="text-align: center;">Konstantin A. Ocheretyaniy PhD, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Russia</p>	<p style="text-align: center;">Константин Алексеевич Очеретяный к. филос. н., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия</p>
<p style="text-align: center;">Kwasu David Tembo PhD, Independent Researcher, Zimbabwe</p>	<p style="text-align: center;">Квасу Дэвид Тембо PhD, Независимый исследователь, Зимбабве</p>
<p style="text-align: center;">Ludmila V. Scheglova Dr. Habilitatus, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia</p>	<p style="text-align: center;">Людмила Владимировна Щеглова д. филос. н., профессор, Волгоградский государственный социально- педагогический университет, Россия</p>
<p style="text-align: center;">Madina Tlostanova PhD, Professor, University of Linköping, Sweden</p>	<p style="text-align: center;">Мадина Тлостанова д. филол. н., профессор, Университет Линчепинг, Швеция</p>
<p style="text-align: center;">Maksim V. Kirchanov Dr. Habilitatus, Associate Professor, Voronezh State University, Russia</p>	<p style="text-align: center;">Максим Валерьевич Кирчанов д. ист. н., доцент, Воронежский государственный университет, Россия</p>
<p style="text-align: center;">Natalya B. Kirillova Dr. Habilitatus, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russia</p>	<p style="text-align: center;">Наталья Борисовна Кириллова доктор культурологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Россия</p>
<p style="text-align: center;">Neeraj Khattri PhD, Associate Professor, Jaipur National University, Jaipur Rajasthan, India</p>	<p style="text-align: center;">Нирадж Хаттри PhD, профессор, Джайпурский национальный университет, Индия</p>
<p style="text-align: center;">Qiao Li Associate Professor, University of Wollongong in Malaysia, Malaysia</p>	<p style="text-align: center;">Сяо Ли PhD, профессор, Университет Вуллонгонга в Малайзии, Малайзия</p>
<p style="text-align: center;">Robert Pfaller Dr. philos., Professor, University of Art and Design Linz, Austria</p>	<p style="text-align: center;">Роберт Пфаллер Dr. philos., профессор, Университет искусств и дизайна Линца, Австрия</p>

Stephen Duncombe PhD, Professor, Steinhardt School New York University, USA	Стивен Дункомб PhD, профессор, Школа Стейнхардта Нью-Йоркского университета, США
Todd A. Comer PhD, Professor, Defiance College, USA	Тодд А. Комер PhD, профессор, Колледж Дефайнс, США
Todd McGowan PhD, Associate Professor, University of Vermont, USA	Тодд МакГован PhD, профессор, Вермонтский университет, США
Theodora Dame Adjin-Tettey PhD, Lecturer, University of Professional Studies, Accra, Ghana	Теодора Даме Аджин-Тетти PhD, лектор, Профессиональный университет в Аккре, Ghana
Valeriy V. Savchuk Dr. Habilitatus, Professor, St. Petersburg State University, Russia	Валерий Владимирович Савчук д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Wasana Maithree Herath PhD, Senior Lecturer, Uva Wellassa University, Sri Lanka	Васана Мейтри Герат PhD, старший лектор Университет Ува Велласса, Шри-Ланка

CONTACTS

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address: 57, Granovskiy St. apt. 2, Astrakhan,
Russia 414 038

Editor-in-Chief

Rastyam T. Aliev

Email: admin@galacticamedia.com

CEO

Rastyam T. Aliev

Email: rastaliev@galacticamedia.com

Journal was founded in 2019

<p>The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors</p>

КОНТАКТЫ

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью
научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414 038, Астраханская обл., г. Астрахань,
Грановский пер., д. 57, кв. 2

Главный редактор:

Алиев Растям Туктарович

Email: admin@galacticamedia.com

Дирекция журнала

Алиев Растям Туктарович

Email: rastaliev@galacticamedia.com

Журнал основан в 2019

<p>Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов</p>

Table of Content

GENERAL THEORY

- Elena O. Trufanova**
Private and Public in the Digital Space: Blurring of the Lines 14
- Mariia A. Ivanchenko**
Philosophical Comprehension of the Phenomenon of Immortality
in Paradigms of Transhumanism, Posthumanism and Essentiocognitivism 39

NEW MEDIA AND HUMAN COMMUNICATION

- Ilya A. Bykov & Denis S. Martyanov**
Studying Political Communities in VK.com with Network Analysis 64
- Silas Udenze, Barth Oshionebo & Stanislaus O. Iyorza**
Media Framing of President Muhammadu Buhari's Human Rights Abuses:
a Study of The Punch, Vanguard, The Nation and Daily Trust Newspapers 79
- Mainasara Yakubu Kurfi, Aondover Eric Msughter & Idris Mohamed**
Digital Images on Social Media
and Proliferation of Fake News on Covid-19 in Kano, Nigeria 103
- Ekaterina V. Teneva**
The Rhetoric of Political Emotions in the Internet News Discourse 125

MEDIA SAFETY & SECURITY

- Natalia V. Kuzina**
Information Security in the Context of Pandemic:
Consequences for the Individual and State 146

MASS CULTURE

- Daniil A. Anikin**
Chapaev as a Media Object:
from the Civil War to the Black Lives Matter Movement 190

CRITICS & REVIEWS

- Eduard E. Safronov**
The Condition of Postmodernity in 2021 210
- Alexander V. Pavlov**
Dialectics of Cult Cinema 218

Содержание

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Труфанова Е. О.
Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ 14

Иванченко М. А.
Философское осмысление феномена бессмертия
в парадигмах трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокогнитивизма 39

НОВЫЕ МЕДИА И КОММУНИКАЦИИ

Быков И. А., Мартьянов Д. С.
Исследование политизированных
виртуальных сообществ во Вконтакте: сетевой подход 64

Удензе С., Ошионебо Б., Йорза С.
Освещение в СМИ нарушений прав человека
со стороны президента Мухаммаду Бухари:
на материалах газет The Punch, Vanguard, The Nation и Daily Trust 79

Курфи М. Я., Мсуггер А. Э., Мохамед И.
Цифровые изображения в социальных
сетях и «дезинформации» о Ковид-19 в Кано, Нигерия 103

Тенева Е. В.
Риторика политических эмоций в новостном интернет-дискурсе 125

МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ

Кузина Н. В.
Психика и информационная безопасность
в условиях пандемии: последствия для личности и государства 146

ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аникин Д. А.
Чапаев как медиа-объект:
от Гражданской войны к движению Black Lives Matter 190

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Сафронов Э. Е.
Состояние постмодерна в 2021 году 210

Павлов А. В.
Диалектика культового кинематографа 218

PRIVATE AND PUBLIC IN THE DIGITAL SPACE: BLURRING OF THE LINES

Elena O. Trufanova

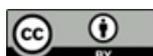
RAS Institute of Philosophy | Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Moscow, Russia.
Email: [eltrufanova\[at\]gmail.com](mailto:eltrufanova@gmail.com)

Abstract

The article analyses the changes of human private life that happen due to the influence of the contemporary digital communication technologies. The research object is a present digital communications system in its interaction with the “offline-world”, with the focus on the relationship between private and public spheres of human life within this system. It is shown that the detachment of the private sphere and the accentuation of privacy arise gradually throughout the human history. The need to lawfully protect privacy was understood only by the end of the 19th century. It is demonstrated that due to the information technologies progress the existing measures of privacy protection become no longer adequate. Current development of the digital technologies provides the strong connections between the offline- and online-life of a person, and person’s Internet manifestations play equally important role as one’s actions in the material world. Personal identity extends due to the digital or network identification. In this situation the problem of privacy is seen in the new light; it is not only about protection from unauthorized access to the private data, but also about the evaluation of the person’s profiles and webpages as private. While a person considers one’s pages in social networks as private space, other users consider it to be public space; this difference in evaluation becomes the source of conflicts. Estimating wrongly the limits of the private space in the Net, many people make statements or actions that become noticeable online-events due to the confusion of public and private spheres; this can influence offline-life. It is shown that in the current Internet any utterance can become the centre of many people’s attention and the author of the utterance can be made responsible for one’s words before the whole wide world. The disability of dealing with such total responsibility can result in denying any responsibility at all. This can be the cause not only for personal, but for the global social crises.

Keywords

privacy; publicity; private life; private space; personal identity; digitalization; information; mass communication

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ПРИВАТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ

Труфанова Елена Олеговна

Институт философии РАН | Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Москва, Россия. Email: [eltrufanova\[at\]gmail.com](mailto:eltrufanova[at]gmail.com)

Аннотация

В статье анализируются изменения, происходящие с частной жизнью человека под воздействием современных цифровых коммуникационных технологий. Объектом исследования выступает проблема соотношения приватной и публичной сфер человеческой жизни в рамках современной системы цифровых коммуникаций в ее взаимодействии с офлайн-миром. Показывается, что выделение сферы приватного и нормы соблюдения границ этой сферы возникают в ходе истории человечества постепенно; осознание необходимости охраны приватного и юридическое закрепление права на неприкосновенность частной жизни формируются лишь к концу XIX в. Демонстрируется, что в связи с прогрессом в сфере информационных технологий сформированных ранее систем защиты приватного оказывается недостаточно. На современном этапе развития цифровых технологий происходит тесное переплетение офлайн- и онлайн-жизни человека, в котором его манифестации в Интернете начинают играть не меньшую роль, чем его действия в материальном мире. Происходит расширение личностной идентичности человека, ее дополнение цифровыми или сетевыми идентификациями. В этой ситуации по-новому встает проблема приватности – не только с точки зрения защиты информации о пользователе от несанкционированного доступа извне, но с точки зрения рассмотрения личных страниц пользователя, его профилей в социальных сетях, в качестве приватных. В то время как человек считает свою страницу в соцсети своим приватным пространством, внешние пользователи оценивают ее как пространство публичного: следствием этого оказываются разного рода конфликты. Неправильно оценивая границы приватного пространства в Сети, многие люди позволяют себе поступки и высказывания, которые из-за смешения сфер публичного и приватного становятся заметными онлайн-событиями, способными повлиять на офлайн-жизнь. Показывается, что в современной Сети любое высказывание может оказаться в фокусе внимания множества людей, и автор высказывания попадет в ситуацию ответственности за свои слова перед всем миром. Неспособность справиться с подобной тотальной ответственностью может вести к отказу от ответственности как таковой, что чревато не только личностными, но и глобальными социальными кризисами.

Ключевые слова

приватность; публичность; частная жизнь; личностная идентичность; цифровизация; информация; личное пространство; массовые коммуникации

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество и человек находятся в состоянии трансформации, вызываемой информационным перенасыщением – избыточностью доступной каждому индивиду информации, упрощению телекоммуникаций, проникновению цифровых телекоммуникационных технологий в повседневную жизнь практически каждого человека (Труфанова, 2019). Сейчас индивид живет не в одном, а в двух мирах – мире реальном, мире-«офлайн», и мире виртуальном, мире-«онлайн». Если тридцать лет назад, в эпоху становления первых Интернет-технологий, виртуальный мир воспринимался как место для развлечений, для игры, для временного ухода от повседневности, психологического «бегства» от бытовых невзгод (часто определяемого как эскапизм), то сейчас использование Интернета является неизбежным: отказаться полностью от использования электронной почты, соцсетей, мессенджеров – это означает уйти из общества, стать своего рода «затворником». Онлайн-жизнь человека является сейчас неотъемлемой частью его офлайн-жизни (в период пандемии это ощущается особенно остро), однако и отдельные люди, и общество в целом еще не успели перестроиться на эту новую ситуацию взаимоотношения офлайн- и онлайн-миров, что провоцирует возникновение различных конфликтов. Проблема адаптации общества и человека к ситуации информационного перенасыщения многогранна, но в рамках данного исследования я бы хотела сосредоточиться на одном из ее аспектов – изменении отношений между частным и публичным, поскольку в условиях активного использования новых цифровых технологий граница между этими сферами жизни размывается, и право на частную жизнь, сформировавшееся окончательно в позднее Новое время, сейчас оказывается под серьезной угрозой. Таким образом, в качестве объекта моего исследования будет выступать в первую очередь проблема соотношения частной и публичной сфер человеческой жизни в рамках современной системы цифровых коммуникаций в ее взаимодействии с офлайн-миром.

ИСТОРИЯ ПРИВАТНОСТИ

Оппозиция частного и публичного широко используется как в общественных науках, так и в повседневном дискурсе, и сейчас представляется самоочевидной и не требующей определений. В самых общих чертах сфера публичного – это та часть жизни, в которой индивид взаимодействует с другими людьми, а сфера частного – та часть

жизни индивида, которая защищена от посторонних глаз, вторжение общества в которую минимально. Чаще всего термины «публичное» и «приватное» звучат в юридической речи, но в рамках данной статьи они будут пониматься более широко. Приватность подразумевает не только право на защиту персональных данных о человеке от посторонних, но и право на личное пространство и его защиту, и даже право на самоопределение. Приватность – это право быть таким, каким ты хочешь быть сам, не подстраиваясь под мнение других.

Таким образом понимаемая приватность сейчас как правило рассматривается как одна из важнейших ценностей, а право на неприкосновенность частной жизни охраняется законом. Однако в истории человечества приватность, интимность долгое время не рассматривались ни как ценность, ни как потребность человека. Для собственного выживания человек должен был находиться среди других людей: это касается не только древнейших эпох развития человечества, но и античности – не случайно Аристотель определяет человека как

«существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные...» (Аристотель, 1983, с. 379).

И в Средние века человек сохраняет тесную связь со своей общиной, вся его жизнь проходит у нее на виду. Как полагает И. С. Кон, анализирующий становление индивидуальности, эта ситуация меняется с ростом городов, способствовавшим распаду общинной жизни – в городе человек становится все более оторван от других людей, и его община теперь ограничивается его узким семейным кругом. Кон пишет, что

«в средние века человек часто использовал свой дом как крепость, чтобы спастись от врагов, но он не стремился спрятать за его стенами свою повседневную жизнь. Все ее драмы и комедии происходили открыто, на глазах у всех, улица была продолжением жилища, и важнейшие жизненные события... совершались при участии всей общины. Двери дома в мирное время не запирались... В новое время семья начинает ограждать свой быт от непрощенного вторжения, обзаводиться замками, дверными молотками и колокольчиками, позже о визитах начинают договариваться заранее, еще позже – созваниваться по телефону» (Кон, 1978, с. 186–187).

Происходит и разделение пространства внутри дома – если раньше одно большое помещение совмещало функции и спальни, и столовой, и ванной комнаты, то с эпохи Возрождения жилье более-менее обеспеченных людей разделяется на отдельные комнаты, возникает потребность в уединении, в интимности. Анализ истории языка показывает, что в XVII-XIX вв. происходит стремительное обогащение пси-

хологического словаря терминами, связанными с понятиями персонификации, индивидуализации и т.п., так, к примеру, слово интимность (*intimité*) появляется во французском языке впервые лишь в XVII в. Как отмечает Кон, люди в этот период начинают придавать больше значения своим внутренним переживаниям и их нюансам,

«при этом в круг сокровенного, внутреннего постепенно попадают не только душевные переживания, но и многие физические, телесные отправления, которые раньше вовсе не считались интимными» (Кон, 1978, с. 208–209),

т.е. на сексуальные проявления, на наготу (даже наедине с собой), на телесные отправления накладывается табу – телесное становится интимным. С XIX в. начинается процесс становления массового общества, в котором в жизни человека две сферы четко разграничиваются – сфера общественная, публичная, связанная с работой, с взаимодействием с государственными структурами и т.д., и сфера частной жизни, приватная. Еще позже, уже в XX в. Ж.-П. Сартр сформулирует идею о раздвоении *Я* на «я-для-себя» и «я-для-другого» (Сартр, 2015). Так, процесс усиления индивидуализации человека является одновременно процессом становления ценности приватности: именно в рамках частной жизни человек чувствует себя подлинно свободным, не стесненным рамками общественных условностей, именно в частной жизни он является *самим собой*. Уже к концу XIX в. становится понятно, что частная жизнь требует защиты, и формулируется идея права на неприкосновенность частной жизни. Впервые это понятие было концептуализировано в 1890 г. в США юристами С.Д. Уорреном и Л.Д. Брендайсом (Warren & Brandeis, 1980). Сейчас право на частную жизнь состоит, прежде всего, в праве на защиту персональных данных, на неприкосновенность жилища, на тайну связи (переписки, телефонных переговоров и т.д.), врачебной тайне (и других видах профессиональной тайны), а также в праве на защиту чести и доброго имени и запрете на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Эти права закреплены в разных законодательных документах разных стран, в том числе в Конституции и Гражданском кодексе Российской Федерации.

Помимо юридического аспекта приватности, важен также психологический аспект. Антрополог Э. Холл, занимаясь анализом коммуникаций между людьми, вводит понятие проксемики, которую он рассматривает как дисциплину, анализирующую роль пространства в процессе коммуникации – того, как расстояние между коммуникаторами характеризует тот или иной коммуникативный акт, как измене-

ние расстояния может воздействовать на коммуникацию и т.д. Он полагает, что каждый человек определенным образом обозначает территорию вокруг себя, которую он считает своей личной и вторжение в которую воспринимает как нарушение приватности. Холл выделяет четыре основных пространственных зоны: персональное пространство, индивидуальная дистанция, территориальность и персонализация среды. Персональное пространство представляет собой некий воздушный «кокон», который окружает непосредственно тело человека, его человек воспринимает как часть своего Я. Индивидуальная дистанция – это расстояние между человеком и другими людьми, которое он для себя субъективно определяет как комфортное. Комфортность индивидуальной дистанции зависит и от того, к какой категории человек относит других людей (близкие люди, знакомые люди, посторонние и т.д.). Территориальность относится к привычке человека занимать одни и те же места в пространстве – садиться на одно и то же место за обеденным столом, за одну и ту же парту на лекциях в университете и т.д. Наконец, персонализация предполагает определенную «организацию» части общего пространства «под себя» – например, «занять» стол в кафе брошенной на стул курткой, или – в более широком смысле – обустройство своего рабочего места, своей комнаты, своей квартиры в соответствии со своими желаниями, вкусами и потребностями (Hall, 1966). Любые несанкционированные вторжения в личное пространство в любой из зон человек воспринимает как агрессию, и, как следствие, как стрессовую ситуацию. Как определяются границы каждой из этих зон, зависит как от культурных традиций, так и от индивидуальных психологических особенностей человека.

Израильский правовед Р. Габизон в своем детальном анализе различных аспектов проблемы приватности отмечает, что приватность так или иначе связана с ограничением доступа других людей к индивиду, и выделяет три типа таких ограничений: 1) ограничение знаний других об индивиду; 2) ограничение физического доступа к индивиду; 3) ограничение внимания других к индивиду (Gavison, 1980). Хотя состояние «идеальной приватности», где все эти ограничения были бы доведены до абсолюта, маловероятно и более того – нежелательно, тем не менее нарушение этих ограничений может представлять серьезную проблему для индивида, потому что приватность должна находиться под защитой.

Статья Габизон вышла в 1980 г., но уже тогда она отмечает, что существующих мер для защиты приватности становится недостаточно, и это связано с технологическими изменениями:

«Успехи технологий наблюдения, записи, хранения и поиска информации делают практически невозможным или крайне затратным для индивидов защиту того уровня приватности, который они имели раньше. “Переход границ” прессой, на который ссылаются Уоррен и Брендайс, придает существовавшим ранее путем публикаций и слухов вторжениям в частную жизнь новое измерение, благодаря скорости и размаху современных СМИ» (Gavison, p. 465).

Не нужно пояснять, что за прошедшие с тех пор десятилетия эти тенденции приобрели такой масштаб, который Габизон не могла себе даже представить, и защита приватности в цифровую эпоху стала еще более сложной задачей, чем когда-либо; в частности – к существующим проблемам приватности добавляется проблема конфиденциальности данных в цифровых взаимодействиях, которая носит не только политико-правовой, но и технический характер. В современной ситуации обсуждения приватности и конфиденциальности чаще являются объектом политических спекуляций или публичных дискуссий, нежели содержательного научного анализа, при этом обсуждения сосредоточены преимущественно на проблеме защиты индивида и его персональных данных от контроля государства. Но, на мой взгляд, не менее, а возможно, и более актуальными являются психологические аспекты взаимодействия индивидов друг с другом под влиянием трансформаций границ приватного и публичного, привносимых цифровизацией.

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Одной из ключевых привлекательных черт пребывания личности в виртуальном пространстве Интернета исторически была анонимность. Анонимность предполагает полную защиту приватного, поскольку подлинная личность и ее частная жизнь остаются за пределами проницаемости взгляда Другого. Анонимность, использование вымышленных ролевых образов, личин, были характерны для раннего периода развития Интернета, однако с тех пор как Интернет становится посредником в большом количестве социально-значимых активностей – торговле, осуществлении бюрократических процедур, ведении переговоров – степень анонимизации пользователей снижается, на смену маскам все чаще приходят реальные люди. Более того, если к ситуации анонимности ранее относились как к норме, принимая ее как «правила игры» Интернет-коммуникаций, то в современных условиях анонимы и «маскирующиеся» пользователи, как правило, не одобряются Интернет-сообществом, они вызывают подозрение как потенциальные источники информационных «вбросов» и «фейков», анонимность приравнивается к стремлению уйти от ответственности. Сохра-

нять анонимность в современном Интернете становится практически невозможным – пользователь связан с целым набором различных цифровых идентификаторов – IP-адресов, цифровых подписей, логинов и паролей множества различных аккаунтов, и т.д. Эти технологии соединяют различные проявления личности в Интернете воедино и делают отдельно взятого человека более доступным для идентификации личности и для внешнего контроля. Современные технологии позволяют также осуществлять контроль местоположения того или иного человека – к примеру, при контроле за перемещением людей в городе, внедренном в связи с эпидемией коронавируса, использовалась технология отслеживания передвижения людей по перемещению их персональных мобильных телефонов. Это убедительно доказывает, насколько в современной жизни человек и цифровые коммуникативные технологии сливаются воедино (Савчук, 2017): перемещение личного смартфона приравнивается к перемещению человека, поскольку они воспринимаются как неразрывное целое.

В связи с тем кругом новых проблем, которые возникают в процессе использования Интернета и иных современных цифровых средств, возникает вопрос о том, как в этой ситуации трансформируется личностная идентичность. Так, вводится представление об особом роде идентичности, которую разные авторы называют цифровой, виртуальной, сетевой, онлайн-идентичностью и т.п., при этом подобные идентичности противопоставляются идентичности «реальной» (Труфанова, 2012; Войскунский, Евдокименко & Федунина, 2013). Как утверждают известный отечественный исследователь Интернет-психологии А. Е. Войскунский и его коллеги,

«среди наиболее наглядных характеристик сетевой идентичности – легкость видоизменения вплоть до полной замены на нечто в каком-то смысле противоположное, а также сравнительно нечасто встречающиеся в обыденной жизни феномены не просто множественной, а в полном смысле этого слова альтернативной идентичности» (Войскунский, Евдокименко & Федунина, 2013, с. 101).

Описанная данными авторами ситуация еще была актуальна на период проведения их исследования (2013 год), но за прошедшие с тех пор семь лет она существенно изменилась. В то время как желание и потребность в формировании альтернативных идентичностей сохраняется, Интернет оставляет для этого все меньше возможностей. В связи с этим неизбежно меняется структура личностной идентичности – если ранее виртуальные Я-образы, которые человек «примерял» на

себя в Сети, оставались лишь небольшой эскапистской составляющей его жизни, то современная

«сетевая идентичность является отражением множественности самоидентификаций современного человека и усиливает такую множественность в контексте виртуальной коммуникации» (Фадеева, 2017, с. 535).

Для современного человека его онлайн-жизнь становится продолжением, расширением его обычной жизни, аналогично описываемому в концепции «расширенного разума» Д. Чалмерса и Э. Кларка (Clark & Chalmers, 1998): Интернет становится внешним хранилищем части нашей памяти (в том числе и личного характера), а множество знаний мы предпочитаем не держать в голове, а запоминать лишь пути доступа к ним в Сети (Пронькина, 2020). Важнейшую роль играет именно коммуникативный аспект Сети, поскольку там возникают не только дополнительные каналы для поддержания офлайн-коммуникаций, но и целая сеть коммуникативных контактов, которые осуществляются исключительно онлайн, но при этом могут оказывать воздействие на офлайн-мир. Так, сетевая идентичность для современного человека – это не самостоятельный, существующий отдельно Я-образ или образы, это продолжение его идентичности, которое не только расширяет часть его существующих в офлайн-мире идентификаций, но и создает новые идентификации, например с определенными онлайн-сообществами.

Однако здесь важно отметить различие между оценкой человеком самого себя и того, как он репрезентирован в Сети, и оценкой этой репрезентации другими. Индивид понимает, что его сетевой образ – это только часть его жизни, некоторые стороны которой полностью закрыты для онлайн-доступа. Однако постороннему наблюдателю сетевой образ человека представляется законченным, завершенным. Для постороннего пользователя, лично не знакомого с владельцем той или иной страницы, вырванные из общего контекста бытия человека фрагменты составляют специфическую квазибиографию, которая воспринимается как выражающая саму суть того или иного человека, но на самом деле является лишь симулякрom полноценной личностной биографии. Как отмечают А.Е. Войскунский и его коллеги,

«В сетевой идентичности становятся вполне наглядными некоторые аспекты идентичности, которые не всегда акцентируются в традиционных ситуациях. А именно сетевая идентичность очевидным образом не порождается сама собой в процессе взросления и старения, а конструируется с тем, чтобы быть эксплицитно презентованной другим людям» (Войскунский, Евдокименко & Федунина, 2013, с. 100).

Однако ситуация презентации личности в Сети не находится под контролем самого человека – в то время как он может контролировать «контент» о себе, который сам он выставляет на всеобщее обозрение в Сети, данные о нем могут появляться также у его друзей, знакомых, коллег, СМИ – и они уже вне зоны его контроля, они дополняют создаваемый им самим внешний образ, который виден другим людям. Любой пользователь социальных сетей может иногда выступать в качестве «папарацци», фиксируя фрагменты частной жизни других людей и выставляя их на всеобщее обозрение. Из представленных в Сети фрагментов мы «достаиваем» образы других людей, воображаем их жизни, интерпретируем сказанные ими фразы по-своему, и – беззастенчиво беремся судить поступки того или иного человека на основе этих отдельных доступных нам фрагментов и наших собственных домыслов.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УГРОЗЫ ПРИВАТНОСТИ

Право на приватность неотъемлемо связано с представлениями об автономном субъекте, уходящими корнями в европейскую философию Нового времени, о личности, обладающей свободой воли, способной (и обязанной) нести ответственность за свои поступки. Во многом зона приватности – это как раз та зона, в которой человек может на время сбросить с себя бремя ответственности. Разумеется, не полностью, поскольку он несет ответственность за свои действия не только перед обществом, но и перед своими близкими, но все же – пребывание в пространстве приватного, «за закрытыми дверями» – это период отдыха от социальных условностей, от ограничений, период жизни без «масок», которые человек вынужден надевать в процессе общения с разными группами людей. Зачастую человеку необходимо не просто личное время в кругу своих близких, но абсолютно личное время – в одиночестве, наедине с собой. Право на приватность – это право на время, в которое человек может позволить себе *быть самим собой*.

Как верно отмечает Габизон,

«абсолютная приватность и полная потеря приватности одинаково нежелательны. Индивиды должны находиться в некоем балансе между приватностью и взаимодействием с другими, с тем чтобы поддерживать межличностные отношения, развивать свои способности, творить и расти, и просто выживать» (Gavison, 1980, p.440).

Однако данный баланс устанавливается самим индивидом, тогда как проблемы и дискомфорт он начинает испытывать, когда эти установленные им границы нарушаются извне. Одной из наиболее обсу-

ждаемых тем в этой области является нарушение права на частную жизнь человека государством, как правило, оправдываемое интересами государственной безопасности. Нарушение, к примеру, тайны связи, обсуждалось и в первой половине XIX в. – во времена создания А. Х. Бенкендорфом Третьего отделения царской Канцелярии (в тот период право на тайну связи закреплено не было, а перлюстрацией писем занимался Почтовый департамент); обсуждается оно и сейчас – из примеров последних лет можно привести продолжавшуюся достаточно долго борьбу с властями создателя популярного мессенджера “Telegram”, отказывавшегося предоставить службам государственной безопасности ключи для дешифровки сообщений пользователей. Можно вспомнить и об относительно недавних скандалах, связанных с известной соцсетью Facebook, в которых пользователи были возмущены тем, что Facebook использовал их личные данные, а также содержание их аккаунтов в своих целях, в частности – для формирования таргетированной рекламы и для передачи этих данных правительствам различных государств, причем использовались даже данные уже удаленных пользовательских аккаунтов – как оказалось, Facebook оставляет за собой право даже после удаления аккаунта сохранять копии всех пользовательских данных (Aspan, 2008). Огромное количество персональных данных хранится в электронных базах различных сайтов и сервисов; как отмечает М. О. Орлов,

«количество информации, которое можно извлечь, загрузив смартфон человека, так велико, что его уже абсолютно некорректно сравнивать с чтением чужой переписки, которое и в прошлые века было моветоном. В гаджете может храниться не только информация, компрометирующая его владельца, но и номера банковских карт, электронные кошельки, пароли, коды, история перемещений, номера телефонов партнеров и родственников и другие важные данные. Уже сегодня это практически полный отпечаток социального образа человека, его цифровая ДНК. В этом смысле гаджеты, по сути, являются продолжением нас, частью телесности и сознания» (Орлов, 2019, стр.488).

Действительно, в современных условиях зависимость человека от цифровых средств передачи информации становится огромной. Новые информационные технологии меняют не только определенные способы передачи или хранения информации, они изменяют всю социальную среду. На первом плане сейчас лежат обсуждения контроля государства за политической и гражданской активностью, но это только один из аспектов, причем не самый эмоционально значимый для индивида, поскольку он касается публичной сферы, но не сферы частного. Еще во времена Третьего отделения именно вторжение государ-

ства в личную жизнь, а не ограничение политических свобод, задевало больше всего: к примеру, А. С. Пушкин, казалось бы немало пострадавший от царской цензуры, в письме супруге пишет:

«Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше» (Пушкин, 1962, с. 184).

При этом еще более интересным, чем вопрос о пределах допуска властных структур к частным данным, является рассмотрение повседневных социальных коммуникаций, не имеющих отношения к системе «индивид-государство», поскольку именно подобные коммуникации в первую очередь затрагивают индивида на личностном уровне. Взаимодействуя с властью, индивид находится в отношениях иерархического характера, он подчинен власти, тогда как с другими пользователями в Сети его отношения чаще выступают как равноправные. Равноправные отношения, согласно Р. Д. Патнэму, предполагают возможность существования сходных мнений и убеждений, в отличие от иерархических социальных связей, построенных на отношениях принуждения и покорности (Putnam, 2000). Именно поэтому изначальное равноправие пользователей в социальных сетях больше побуждает к общению, обмену информацией, и в целом способствует «вирусной» передаче импульса – будь то какая-то информация, мнение или просто настроение (Труфанова & Яковлева, 2012). Потому для индивида более важной является именно оценка равноправных представителей социума, нежели находящихся на другой ступени иерархической лестницы; на подобную оценку он более эмоционально реагирует; именно среди «своей» социальной группы он прежде всего ищет поддержку и одобрение, а неодобрение воспринимает наиболее болезненно.

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ: РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ

Большинство современных людей постоянно использует современные информационно-телекоммуникационные технологии, в период пандемии их роль заметно возрастает. При этом личные страницы в социальных сетях воспринимаются большинством пользователей (за исключением медиа-профессионалов, блогеров и т.д., для которых контент является производимым ими «на продажу» продуктом) как зона приватного, в которой работают в том числе и представления об основных зонах личного пространства – мы также болезненно реагируем на чье-то несанкционированное вторжение в наше виртуальное пространство (например, непрошенный комментарий на нашей стра-

нице), мы организуем определенным образом свою часть виртуально-го пространства «под себя» и т.д.

Некоторые современные соцсети предоставляют возможность устанавливать на личных страницах разные режимы доступа, которые, таким образом, позволяют пользователю контролировать, кто именно может читать те или иные сообщения, видеть те или иные фото или видео. Если пользователь рассматривает свою страницу как публичный блог, рассчитанный на посторонних читателей, то он сознательно отказывается от приватности и нацеливается на привлечение внимания как можно большего числа людей. Однако множество пользователей не ставит перед собой такой цели и в то же время не использует механизмы контроля доступа, как следствие – представленная на их страницах информация носит публичный характер. Здесь и совершается главная ошибка: пользователь рассматривает свою личную страницу как свое приватное пространство и наполняет ее фрагментами своей частной жизни. Многие пребывают в иллюзии, что во всем море информации, присутствующей в Интернете, их маленький «островок» будет интересен только небольшой части пользователей, которые и так составляют круг их постоянного общения. Тем не менее, благодаря гипертекстовой природе Интернета, любое подобное частное сообщение, если оно не защищено от посторонних самим пользователем, попадает на глаза огромному количеству людей, каждый из которых может не только отреагировать на него, но и использовать его в своих целях. Делая высказывание на своей личной странице, мы фактически делаем его перед всем миром; обнажаясь, телесно или духовно, в Интернете, мы обнажаемся перед всеми. При этом важно осознавать, что

«в виртуальной среде знание и информация приобретают моральную значимость, слово есть ценность, и оно приобретает статус морального поступка, будучи произнесенным или подписанным...» (Войскунский & Дорохова, 2010, с. 81).

В отличие от произнесенных в офлайн-разговоре слов, которые слышат только непосредственные участники разговора, слова в Интернете остаются надолго. Даже если пользователь сам удалит их, то вполне возможно, копии той или иной фразы или фото в виде снимков экрана будут сохранены, и в дальнейшем они могут быть использованы в качестве «улики» или бесконтрольно передаваться по просторам Сети. А по словам, которые написаны на нашей странице, нас будут оценивать и судить.

Помимо небрежности самих пользователей в регулировании доступа к их персональным страницам, следует также отметить несовер-

шенство самих механизмов защиты пользовательских данных и сведений о деятельности человека в сети. Как справедливо отмечает Н. А. Ястреб,

«сетевые следы, то есть информация о действиях человека в Интернете, также во многих случаях позволяют идентифицировать пользователя, который их оставил. Можно сказать, что юридически конфиденциальность данных подлежит защите, но фактически эти нормы регулярно нарушаются» (Ястреб, 2020).

Таким образом, взаимодействия между людьми в цифровом пространстве требуют иной оценки специфической окружающей среды нового типа, возникающей на стыке онлайн и офлайн-миров (Петрова, 2020). Как показывает современный опыт, многие люди не осознают того, что их онлайн-деятельность является неотъемлемой частью их жизни, и что, к примеру, если выложить в соцсеть фото вечеринки с друзьями (фрагмент частной жизни), то можно потерять работу, поскольку эту веселую фотографию увидят не только приятели, но и ваш начальник, который может счесть, что ваш моральный облик не соответствует требованиям компании. Причина все в том же – большинство людей воспринимает свою личную страницу как свой дом, где они могут позволять себе любые высказывания и любое поведение, не опасаясь, что за этим последует какая-то реакция.

Одна из самых популярных социальных сетей Facebook, как это было показано в ряде аналитических статей, ведет политику на постоянное повышение степени «публичности» пользователя: так, к примеру, установки аккаунта Facebook «по умолчанию» с каждым годом делают открытыми все большую часть данных (McKeon, 2010), одновременно все более ограничивая возможности пользователей контролировать, какой именно информацией они хотят делиться с другими пользователями, а какой – нет (Opsahl, 2010). Как верно отмечает журналист и исследователь современных медиа Дж. Джарвис, проблема здесь возникает с тем, что представления о публичности и желаемой степени этой публичности различаются у владельцев Facebook, привносящих эти изменения, и у множества рядовых пользователей. Человек идет в социальную сеть для того, чтобы общаться с другими – это несомненно. Но прежде всего он идет общаться не с публикой «вообще» (всеми пользователями Facebook сразу), а с той публикой, которую он формирует сам, отбирает среди этих пользователей – это его родные, друзья, интересные ему и заслужившие его доверие пользователи, которых он добавил в список своих виртуальных «друзей» и т.д. Именно с ними он хочет и готов делиться важной для него информацией, однако меха-

низмы действия Facebook таковы, что эта информация быстро распространяется за пределы узкого круга «своей» публики (Jarvis, 2010). Подобная ошибка в разграничении публичного «для своих» и публичного «для всех» является поводом для возникновения множества конфликтов.

Так, выпуская (по собственной воле или вынужденно) контроль за приватностью из своих рук, человек оказывается мишенью для реакции других – зачастую незнакомых – людей, и эта обратная связь часто содержит критику, осуждение и открытую, порой немотивированную, агрессию. Немалая часть комментариев в Сети связана с попыткой утверждения собственного превосходства комментаторов – они хотят казаться умнее, чем объект их обсуждения (объясняют, в чем человек неправ, указывают на фактические или грамматические ошибки и т.д.) или же морально выше его (осуждают высказывания с точки зрения политкорректности, недопустимости шутить над «святым» и т.д., зачастую выступают с ханжеских позиций). Как следствие, одна неудачная шутка, некорректная фраза, которые вовсе не характеризуют данную личность, могут оказаться причиной для возникновения волны массовой критики и остракизма, что в итоге вызывает серьезные психологические последствия, результирующиеся в кризисе идентичности. Габизон и вовсе отмечает наличие устойчивой связи между приватностью и душевным здоровьем, подчеркивая, что душевные заболевания могут возникнуть из-за давления на индивида, вызванного необходимостью соответствовать общественным ожиданиям (Gavison, 1980). Индивид одновременно осознает и не осознает, что он отличается от того человека, которым он представляется широкой онлайн-публике, но не способен продемонстрировать это отличие. В итоге у него возникают сомнения в том, какой же именно его облик является «подлинным» – тот, который известен ему и его близким, или тот, который виден в медийном пространстве. И если представители сферы шоу-бизнеса или PR-технологий способны умело использовать современные медийные технологии для создания и использования «внешнего» образа личности в медийном пространстве как определенного «продукта», то все остальные оказываются неспособными справиться с негативными последствиями утраты приватности. Можно предположить, что большинство пользователей современных коммуникационных средств до сих пор не представляют себе в полной мере возможностей, социальных механизмов и рисков нового «информационного» или «цифрового» общества, а главное – его неразрывного взаимопереплетения с обществом реальным. «События» в Интернете составляют собой особую «гиперреальность» – реальность, которая “bigger than life”,

т.е. «больше жизни». Такого рода «события» могут оказаться более резонансными, чем события в реальной жизни – во-первых, т.к. они дискретны, вырваны из повседневного контекста, и потому более акцентированы, и во-вторых, потому что подобные «события» становятся доступным всему миру, тут же обрастая шлейфом публичной ответной реакции. Например, «на эмоциях» мы можем произнести оскорбительную фразу, о которой потом сразу пожалеем. Однако сказав ее в присутствии нескольких людей, мы оказываемся ответственны только перед ними и можем объяснить и оправдать свое поведение, но высказавшись в Сети, мы сразу оказываемся ответственны перед всем миром, который поспешно может заклеить нас, к примеру, как националиста или экстремиста. Отсюда совсем недалеко до оруэлловского «мыслепреступления», только эта ситуация создается не враждебной и подавляющей тоталитарной системой – она создается нами самими, независимыми и свободными индивидами, готовыми сделать выводы о незнакомом человеке по одной вырванной из контекста фразе. Эту ситуацию еще на более ранней стадии развития коммуникационных технологий уже отметил У. Эко. В одном из своих эссе он критикует транслируемые на итальянском телевидении судебные процессы, отмечая, что

«унижение, пережитое в зале суда, в присутствии ста человек, так или иначе заинтересованных в этом деле, так сказать испаряется, когда дело закрыто; если же речь идет о миллионах телезрителей, то, чем бы ни закончилось дело, оно оставит неизгладимый отпечаток, и преступник, даже отбыв наказание, не сможет стереть с себя это клеймо. Не говоря уже о том, что, как мы видели, телепередача смонтирована, и перед публикой предстает не весь процесс, а отдельные его эпизоды, выбранные по какому угодно критерию» (Эко, 2015, с. 248).

Человек лишается права на ошибку, сразу становясь мишенью для общественного порицания: в глазах общественности не только серьезный проступок, но и случайный промах оказываются «информационным поводом», который становится заметной частью биографии человека. Стать «звездой Интернета» – это не только означает внезапную славу на весь мир (что само по себе является тяжким испытанием), это почти всегда означает и оказаться мишенью критики и осуждения, т.н. «хейта» (от англ. “hate” – ненависть), со стороны множества незнакомых людей, которые не знают и никогда не узнают тебя лично, и тем не менее готовы давать свою оценку. Адекватно реагировать на подобные ситуации способны немногие.

Помимо этого, как отмечает В.А. Лекторский, информация о человеке в Интернете и других цифровых пространствах становится «веч-

ной» цифровой памятью – причем памятью, доступной не только самому индивиду, но и потенциально доступной другим людям. Если человеческая память имеет возможность забвения (мы забываем травмирующие нас воспоминания, а совершив преступление, мы способны раскаяться и попытаться искупить свою вину, так что общество сможет «забыть» ее), то цифровая память сохраняет абсолютно все. В итоге, пишет Лекторский, цифровизация

«создает принципиально новые возможности для вмешательства в вашу жизнь. Ведь ваши действия оставляют цифровые следы, которые доступны внешним инстанциям, способным вас контролировать... Если вы хотите, чтобы некоторые ваши действия не стали известны посторонним или же были забыты ими по прошествии некоторого времени, то вам не дадут такой возможности: ведь в принципе цифровая память о вас может храниться вечно. Вы перестаете быть владельцем информации о своей жизни и ее хозяином. Ваше личное пространство оказывается как бы взломанным, и вы становитесь предметом управления со стороны других людей» (Лекторский, 2020, web).

Подобная «вечная память», становясь в определенной мере публичной, может мешать человеку исправлять свои ошибки и развиваться, превращает его из самостоятельного субъекта в объект манипуляций.

Помимо допускаемых самим человеком ошибок в разграничении приватного и публичного пространства в Интернете, ситуацию усугубляют СМИ, которые, выхватывая из социальных сетей какие-то отдельные факты, тиражируют их, проводят необоснованные экстраполяции, додумывают что-то и делают достоянием широкой общественности то, что могло остаться лишь частным событием, известным узкому кругу лиц. В первой очереди это касается публичных личностей, но с учетом развития современных средств коммуникации, публичной личностью может стать любой человек. Габизон указывает, что

«частичная правда опасна, поскольку она представляет одномерный образ человека, часто без сочувствия или доброжелательности. Это уходит недалеко от давней сестры скандальной журналистики – слухов. Наиболее важное отличие заключается в том, что слухи как правило касаются людей, которых мы уже знаем в их иных качествах, и там частичная правда меньше будет вводить в заблуждение. Тогда как у большинства читателей газет не будет возможности как-либо скорректировать те одномерные образы, которые они получают из прессы» (Gavison, 1980, p. 466).

Большинство современных СМИ сейчас представляют собой интернет-ресурсы, в которых «новость» распространяется мгновенно,

«вирусным» путем, где множество различных источников тут же тиражируют определенную информацию, не стремясь проверить ее на истинность. При этом читатели тоже не затрудняют себя проверкой и принимают информацию как доказанный факт, либо, в крайнем случае, приходят к выводу, что «дыма без огня не бывает», т.е. раз этот «факт» появился в СМИ, значит, он имеет под собой какие-то основания (Алексеева, 2017). Габизон указывает на еще один важный момент – на то, что распространение ложной информации о человеке тоже может рассматриваться как нарушение его приватности, хотя формально, казалось бы, это не распространение знания о человеке, а наоборот, уменьшение объема подлинных знаний о нем. Если распространяемая информация несет «сенсационный» характер, то таким образом нарушается одна из основных составляющих приватности, поскольку человек становится объектом пристального внимания других (Gavison, 1980). Но не так страшны собственно «фейки», сколько вырванность из контекста целостной жизни личности того или иного ее высказывания или факта, которые как снежный ком обрастают чужими домыслами и в итоге могут быть поданы в совершенно неожиданном ключе, нанося человеку, оказавшемуся в центре внимания Сети, психологическую травму, причиняя моральный и репутационный ущерб.

В особенно резонансных случаях начинает вступать в действие “cancel culture” (дословно с английского – «культура отмены»): особая форма поведения пользователей Сети, которые начинают массово бойкотировать или выражать свое презрение какой-нибудь публичной личности, высказавшейся по острому и спорному вопросу не в популярном русле (например, кто-то высказался в поддержку действующей власти или не проявил достаточной степени толерантности к какому-то социальному меньшинству), иногда даже возникают требования уволить «провинившегося» или отдать его под суд: «отменить» его существование в публичном дискурсе. При современном развитии коммуникационных средств публичной личностью может являться абсолютно любой человек, поэтому в той или иной степени cancel culture может коснуться каждого пользователя Сети (Akerman, 2020).

Еще одна особенность заключается в следующем: если в повседневной офлайн-жизни человек общается с привычным кругом людей, в основном принадлежащих к его социальной группе, то в Сети он может столкнуться с представителями совершенно разных слоев общества и стать жертвой в том числе и «классовых» конфликтов. К примеру, пользователь, пишущий о своей досаде из-за своей сорвавшейся поездки в Европу, может получить шквал возмущенных комментариев с обвинениями в отсутствии патриотизма, а также с заявлениями о

том, что «из-за таких, как вы, разъезжающих по Европам, мы теперь все умрем от коронавируса» – реакция, которую он вряд ли встретил бы среди своих знакомых и коллег. Тем не менее, такие комментарии будут восприниматься болезненно – не в последнюю очередь из-за ощущения равенства пользователей в Сети, о котором мы говорили ранее. Так, парадоксальным образом, выходя в Сеть, индивид оказывается больше открыт миру, чем в офлайн-жизни. И он оказывается не подготовлен к подобной открытой конфронтации.

Известный отечественный философ Г.Л. Тульчинский указывает, что сейчас возникает парадоксальный конфликт между правом личности на свободу слова (из которой вырастают «фейки» и практики Интернет-травли, подобные упомянутой выше cancel culture, ведь каждый имеет право высказывать свое мнение, в том числе – критикуя мнение другого человека) и правом личности на тайну частной жизни и защиту репутации (которые неизбежно страдают в результате применения первого права) (Тульчинский, 2020). Среди распространения фейковых новостей и прочего информационного шума особенно востребованными становятся те, кто, несмотря на возможную травлю или преследования, все же берет на себя ответственность и высказывает то, что *должно* быть высказано (Тульчинский называет это в своей статье «позитивной парресией»). Например, нельзя оправдывать любые поступки представителя социального или этнического меньшинства исключительно фактом его принадлежности к этому меньшинству – как того зачастую требуют негласные «законы» политкорректности. Кто-то должен брать на себя ответственность, высказывая непопулярные, но обоснованные замечания. И хотя обнаружить такие ответственные высказывания среди информационного шума оказывается все сложнее, тем не менее, это только увеличивает их ценность для общества. Однако смелостью и моральной силой для подобных высказываний обладают немногие, поскольку это неизбежно означает выход в публичное пространство.

ВЫВОДЫ

Некоторые из рассмотренных выше проблем пытаются решить с помощью разработки правил т.н. цифровой этики, киберэтики и сетевого этикета (Войскунский & Дорохова, 2010). Однако предлагаемые в рамках киберэтики правила остаются лишь благими пожеланиями, которые игнорируются большинством пользователей, а использование систем «банов» («запретов») и «черных списков» для нарушителей правил не решает проблемы, поскольку невозможно занести в «черный список» весь мир. Невозможно принудить пользователей следо-

вать правилам сетевой этики, по крайней мере, до тех пор, пока анонимность не уйдет из Сети полностью и каждый комментарий, появляющийся в Сети, не будет привязан к конкретной личности, которая будет нести ответственность за свои слова так же, как она несет ответственность за слова, сказанные другому в лицо. При отсутствии такой жесткой идентификации возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, необходимость нести ответственность за свои слова-поступки для кого-то утрачивается, поскольку огромное количество пользователей остаются анонимными. С другой стороны, те пользователи, которые не скрывают своей личности, попадают в ситуацию тотальной ответственности за каждое свое слово перед всем онлайн-сообществом.

Постоянное преступление границ приватного пользователями, вероятно, во многом связано с тем, что приватное пространство оценивается именно как пространство физическое, в котором действуют материальные тела и реально зафиксированные границы – границы человеческих тел, запертые двери частных квартир и т.д. Мы понимаем и принимаем такие границы, и мало кто будет, к примеру, настойчиво стучать в дверь незнакомого человека только из желания с ним познакомиться, или заявлять вслух первому встречному прохожему, что нам не нравится его прическа, и ему следовало бы обратиться к другому стилисту. Подобное поведение в офлайн-жизни мы расцениваем как невежливость или попросту как психическую неадекватность. Однако эти же правила поведения не переносятся автоматически на онлайн-отношения: привыкнув к физическому воплощению границ, мы не осознаем, что они существуют (хоть и в нематериальном виде) и в офлайн-пространстве, что другие пользователи сети – это такие же случайные прохожие. Из-за отсутствия подобного осознания грань между публичным и приватным в Сети оказывается прозрачной.

В итоге современная ситуация заставляет человека быть готовым отвечать за свои слова перед всем миром сразу. Неготовность человека к ответственности в таком масштабе ведет к разрыву между его представлением о себе и тем образом, который создается благодаря средствам массовой коммуникации, образом, который создается реакцией других. Это прямая реализация Сартровской фразы «Ад – это другие». В этом контексте очень важный момент подчеркивает И. Ю. Алексеева, обращаясь к одной из идей В. С. Соловьева, намного предвосхитившей по времени информационный бум – идее необходимости «нравственной подготовки человека к расширению его коммуникационных возможностей» (Алексеева & Аршинов, 2016, с. 37). Идеальная, грядущая стадия общественного устройства, согласно соловьевской концепции Всеединства, это «всемирное общение жизни» (Соловьев, 2012), в кото-

ром духовно и нравственно совершенное человечество становится единым. Однако, как верно отмечает Алексеева, современное развитие коммуникационных технологий открывает

«новые возможности для реализации не только добрых начал, но и пороков человеческой природы. Очевидно, что нынешний вариант глобализации не является «всемирным общением жизни» в указанном смысле, поскольку достаточные для этого технические возможности не дополняются всеобщими нравственными основаниями» (Алексеева & Аршинов, 2016, с. 37).

Можно согласиться с выводом о том, что человечество не только психологически, но и нравственно не готово к информационному «буму», поскольку неограниченные коммуникативные возможности становятся одним из распространенных инструментов агрессии. Идентичность личности в такой ситуации оказывается под угрозой рассыпания: незначительные (как нам, поначалу, кажется) фрагменты нашего бытия, став онлайн-событиями, внезапно для нас оказываются значимыми для других, наша внутренняя система оценки себя дает сбой. Сложность заключается в том, что полный отказ от использования современных коммуникативных средств не является выходом из сложившейся ситуации – он будет восприниматься как эскапизм, бегство, затворничество – современный человек вынужден оставаться в режиме «онлайн», поскольку только так он может оставаться активным членом общества. Поэтому важной задачей является поиск новых оснований для сохранения приватности. Ее утрата, как было показано выше, ставит каждого субъекта в ситуацию ответственности перед всем миром за любые свои слова и действия, превращенные в публичной интерпретации в серьезные проступки или даже преступления. Невозможность справляться с этим уровнем ответственности может привести к отказу от ответственности вовсе, что угрожает не только личностным, но и глобальным социальным кризисом. Для того, чтобы предупредить возникновение подобных кризисов, необходимо вновь переосмыслить представления о приватном и публичном с учетом тех изменений, которые происходят в обществе под воздействием процессов цифровизации.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование подготовлено в рамках проекта МД-178.2019.6 «Трансформации самосознания и познавательной деятельности человека в ситуации информационного перенасыщения».

Список литературы

- Ackerman, E., & et al. (2020, July 7). A Letter on Justice and Open Debate. *Harper's Magazine*. Retrieved from <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/>
- Aspan, M. (2008, February 11). How Sticky Is Membership on Facebook? Just Try Breaking Free (Published 2008). *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/02/11/technology/11facebook.html>
- Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The Extended Mind. *Analysis*, 58(1), 7–19.
- Edward, H. (1966). *The hidden dimension*. New York: Anchor Books.
- Gavison, R. (1980). Privacy and the Limits of Law. *The Yale Law Journal*, 89(3), 421–471. doi: 10.2307/795891
- Jarvis, J. (2010, May 8). Confusing *a* public with *the* public. Retrieved from BuzzMachine website: <https://buzzmachine.com/2010/05/08/confusing-a-public-with-the-public/>
- McKeon, M. (2010). The Evolution of Privacy on Facebook. Retrieved from Matt Mckmeon Blog website: <http://mattmckmeon.com/facebook-privacy/>
- Opsahl, K. (2010, April 28). Facebook's Eroding Privacy Policy: A Timeline. Retrieved from Electronic Frontier Foundation website: <https://www.eff.org/deeplinks/2010/04/facebook-timeline>
- Putnam, R. D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.
- Warren, S., & Brandeis, L. (1980). The Right to Privacy. *Harvard Law Revue*, 193(4), 193–220.
- Алексеева, И. Ю. (2017). Информационная безопасность в контексте философии управления. *Безопасность Информационных Технологий*, 24(1), 6–12. doi: 10.26583/bit.2017.1.01
- Алексеева, И. Ю., & Аршинов, В. И. (2016). *Информационное общество и НБИКС-революция*. Москва: Институт философии Российской академии наук.
- Аристотель. (1983). Политика. В Аристотель, *Сочинения* (сс. 376–644). Москва: Мысль.
- Войскунский, А. Е., & Дорохова, О. А. (2010). Становление киберэтики: Исторические основания и современные проблемы. *Вопросы Философии*, (5), 69–83.
- Войскунский, А. Е., Евдокименко, А. С., & Федунина, Н. Ю. (2013). Сетевая и реальная идентичность: Сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 98–121.
- Кон, И. С. (1978). *Открытие «Я»*. Москва: Политиздат.
- Лекторский, В. А. (2020). Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации. *Электронный научно-образовательный журнал История*, 11(9). doi: 10.18254/S207987840012305-4
- Орлов, М. О. (2019). Конфликтотенный потенциал социальной коммуникации в цифровую эпоху. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 35(3), 485–496. doi: 10.21638/spbu17.2019.308

- Петрова, Е. В. (2020). Информационная экология как «стратегия выживания» человека в цифровой среде. *Вопросы Философии*, (10), 89–98. doi: 10.21146/0042-8744-2020-10-89-98
- Пронькина, А. Н. (2020). Трансформация памяти в условиях информационного перенасыщения. *Философия науки и техники*, 25(1), 110–124. doi: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124
- Пушкин, А. С. (1962). Письмо Н.Н. Пушкиной 3 июня 1934 г. В А. С. Пушкин, *Собрание сочинений: В 10 томах. Т. 10. Письма 1831-1837* (с. 184). Москва: ГИХЛ.
- Савчук, В. В. (2017). Медиареальность—Новая среда жизни. *Культура и Технологии*, 2(1), 1–5.
- Сартр, Ж.-П. (2015). *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. Москва: АСТ.
- Соловьев, В. С. (2012). *Оправдание Добра*. Москва: Институт русской цивилизации, Алгоритм.
- Труфанова, Е. О. (2012). Роль коммуникации в построении личностной идентичности. *Философия науки и техники*, 17(1), 128–142.
- Труфанова, Е. О. (2019). Информационное перенасыщение: Ключевые проблемы. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, (1), 4–21. doi: 10.17726/philIT.2019.1.16.1
- Труфанова, Е. О., & Яковлева, А. Ф. (2012). Социальная технология сетевого взаимодействия. В И. Т. Касавин (Ред.), *Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий Сер. «библиотека журнала Эпистемология и философия науки»* (с. 301–317). Москва: Альфа-М.
- Тульчинский, Г. Л. (2020). Публичный дискурс в условиях коронавирусной пандемии: Возвращение парресии. *Общество. Коммуникация. Образование*, 11(2), 14–29. doi: 10.18721/JHSS.11202
- Фадеева, Л. А. (2017). Сетевая идентичность. В И. С. Семенов (Ред.), *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 535–539). Москва: Издательство «Весь мир».
- Эко, У. (2015). Судебный процесс по телевидению – покушение на конституцию. В У. Эко, *Картонки Минервы* (с. 247–248). Москва: АСТ.
- Ястреб, Н. А. (2020). Как проблема персональных данных меняет этику искусственного интеллекта? *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, (1), 29–44. doi: 10.17726/philIT.2020.1.3

References

- Ackerman, E., & et al. (2020, July 7). A Letter on Justice and Open Debate. *Harper's Magazine*. Retrieved from <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/>
- Alekseeva, I. Yu. (2017). Information security in the context of management philosophy. *Information Technology Security*, 24(1), 6–12. doi: 10.26583/bit.2017.1.01 (In Russian).

- Alekseeva, I. Yu., & Arshinov, V. I. (2016). *Information society and NBICS-revolution*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Aristotle. (1983). Politics. In Aristotle, *Works* (pp. 376–644). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Aspan, M. (2008, February 11). How Sticky Is Membership on Facebook? Just Try Breaking Free (Published 2008). *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/02/11/technology/11facebook.html>
- Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The Extended Mind. *Analysis*, 58(1), 7–19.
- Eco, U. (2015). Court trial on TV – an affront of constitution. In U. Eco, *Minerva Cards* (pp. 247–248). Moscow: AST. (In Russian).
- Edward, H. (1966). *The hidden dimension*. New York: Anchor Books.
- Fadeeva, L. A. (2017). Network identity. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition* (pp. 535–539). Moscow: Publishing House "All World". (In Russian).
- Gavison, R. (1980). Privacy and the Limits of Law. *The Yale Law Journal*, 89(3), 421–471. doi: 10.2307/795891
- Jarvis, J. (2010, May 8). Confusing *a* public with *the* public. Retrieved from BuzzMachine website: <https://buzzmachine.com/2010/05/08/confusing-a-public-with-the-public/>
- Kon, I. S. (1978). *The Discovery of the Self*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Lektorsky, V. A. (2020). Transformation of Individual and Collective Memory in the Context of Digitalization. *Electronic Scientific and Educational Journal History*, 11(9). doi: 10.18254/S207987840012305-4 (In Russian).
- McKeon, M. (2010). The Evolution of Privacy on Facebook. Retrieved from Matt Mckneon Blog website: <http://mattmckneon.com/facebook-privacy/>
- Opsahl, K. (2010, April 28). Facebook’s Eroding Privacy Policy: A Timeline. Retrieved from Electronic Frontier Foundation website: <https://www.eff.org/deeplinks/2010/04/facebook-timeline>
- Orlov, M. O. (2019). The conflict potential of social communication in the digital age. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 35(3), 485–496. doi: 10.21638/spbu17.2019.308 (In Russian).
- Petrova, E. V. (2020). Information Ecology as a “Survival Strategy” of a Person in the Digital Environment. *Questions of Philosophy*, (10), 89–98. doi: 10.21146/0042-8744-2020-10-89-98 (In Russian).
- Pronkina, A. N. (2020). Memory transformation in an information oversaturation environment. *Philosophy of science and technology*, 25(1), 110–124. doi: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124 (In Russian).
- Pushkin, A. S. (1962). Letter to N. N. Pushkina, 3 June 1934. In A. S. Pushkin, *Collected Works: In 10 Volumes: Vol. 10. Letters 1831-1837* (p. 184). Moscow: GIHL. (In Russian).
- Putnam, R. D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.

- Sarte, J.-P. (2015). *Being and Nothingness. An Essay on Phenomenological Ontology*. Moscow: AST. (In Russian).
- Savchuk, V. V. (2017). Media reality – new life environment. *Culture and technologies*, 2(1), 1–5. (In Russian).
- Solovyov, V. S. (2012). *The Justification of the Good*. Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorithm. (In Russian).
- Trufanova, E. O. (2012). Role of communication in the personal identity construction. *Philosophy of science*, 17(1), 128–142. (In Russian).
- Trufanova, E. O. (2019). Information oversaturation: key problems. *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, (1), 4–21. doi: 10.17726/phillT.2019.1.16.1 (In Russian).
- Trufanova, E. O., & Yakovleva, A. F. (2012). Social technology of the network interaction. In I. T. Kasavin (Ed.), *Society. Technology. Science. Towards the theory of social technologies. "Library of the Epistemology and Philosophy of Science Journal" Series* (pp. 301–317). Moscow: Alfa-M.. (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2020). Public discourse in the context of the coronavirus pandemic: the parrhesia return. *Society. Communication. Education*, 11(2), 14–29. doi: 10.18721/JHSS.11202 (In Russian).
- Voiskunskii, A. E., & Dorokhova, O. A. (2010). The Emergence of Cyberethics: Historical Foundations and Contemporary Issues. *Questions of philosophy*, (5), 69–83. (In Russian).
- Voiskunskii, A. E., Evdokimenko, A. S., & Fedunina, N. Yu. (2013). Internet identity and real identity: a comparative study. *The Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 98–121. (In Russian).
- Warren, S., & Brandeis, L. (1980). The Right to Privacy. *Harvard Law Revue*, 193(4), 193–220.
- Yastreb, N. A. (2020). How personal data problem changes ethics of artificial intelligence? *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, (1), 29–44. doi: 10.17726/phillT.2020.1.3 (In Russian).

PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF THE PHENOMENON OF IMMORTALITY IN PARADIGMS OF TRANSHUMANISM, POSTHUMANISM AND ESSENTIOCOGNITIVISM

Mariia A. Ivanchenko

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russia.
Email: [maria.ivanchenko\[at\]urfu.ru](mailto:maria.ivanchenko@urfu.ru)

Abstract

The paper discusses the prospects for the formation of strong Artificial Intelligence in its relation to the realization of human immortality. Russian cosmism, NBIC-technologies, as well as the latest achievements in the fields of science, technology and philosophical discourse are taken for the premises for the formation of a transhumanism, posthumanism and essentiocognitivism paradigms. The theme of immortality is studied in history, philosophy, culture and the natural sciences. The tendencies towards augmentation of *Homo sapiens* for overcoming diseases, suffering, senility and death are studied. The purpose of the research is to conduct a consistent analysis of the phenomenon of immortality and the ethical foundations of the stated philosophical trends. The inquiry provides for a number of results: the achievement of immortality seems feasible, and leading to the good of all intelligent living species; humanism requires renewal to create imperatives of new ethics; scientific education and support of scientific and technological progress contribute to the development of the philosophy of transhumanism, posthumanism and essentiocognitivism; anti-scientism leads to regression and degeneration of species; creation of artificial intelligence requires the preloading of the values of the new ethics. The article will be interesting to philosophers of science, specialists of the indicated directions, specialists in the field of life extension technologies.

Keywords

posthumanism; transhumanism; essentiocognitivism; artificial intelligence; antihumanism; neural network; NBIC; ethics; immortality; augmentation

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА БЕССМЕРТИЯ В ПАРАДИГМАХ ТРАНСГУМАНИЗМА, ПОСТГУМАНИЗМА И ЭССЕНЦИОКОГНИТИВИЗМА

Иванченко Мария Антоновна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Екатеринбург, Россия. Email: [maria.ivanchenko\[at\]urfu.ru](mailto:maria.ivanchenko[at]urfu.ru)

Аннотация

В работе рассматриваются перспективы становления сильного искусственного интеллекта в его отношении к реализации бессмертия человека. Предпосылками становления трансгуманистической, постгуманистической и эссенциокognитивистской парадигм полагаются русский космизм, NBIC-технологии, а также новейшие достижения в области науки, техники и новые философские идеи. Раскрываются темы бессмертия в истории, философии, культуре и естественных науках. Изучаются тенденции к аугментации *Homo sapiens*, преодолению болезней, страдания, старости и смерти. Цель исследования – анализ бессмертия и этических оснований заявленных философских направлений. В статье приводится ряд выводов: достижение бессмертия представляется осуществимым, а также ведущим к благу всех разумных видов; гуманизм требует обновления для создания императивов новой этики; научное просвещение и поддержка научно-технического прогресса способствуют развитию философии трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокognитивизма; антисциентизм приводит к регрессу и вырождению видов; создание искусственного интеллекта требует предварительной загрузки ценностей новой этики. Статья будет интересна философам науки, представителям указанных направлений, специалистам в области технологий продления жизни.

Ключевые слова

постгуманизм; трансгуманизм; эссенциокognитивизм; искусственный интеллект; антигуманизм; нейросеть; НБИК; этика; бессмертие; аугментация

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Постгуманизм представляет собой рационалистическую концепцию, продолжающую идеи трансгуманизма и преодолевающую гуманизм. Основываясь на идее о бесконечной эволюции, об экстропии, противостоящей энтропии, это направление развивается имморталистами, в том числе Рэймондом Курцвейлом, Михаилом Батиным, Данилой Медведевым, экстропианцами Максом Мором, Томом Морроу. В первую очередь, постгуманизм ставит своей целью дальнейшую эволюцию *Homo sapiens* до постчеловека.

Мыслитель Дэниэл Деннет считает, что природа подобна архитектору, и также обладает интенциональностью, а интенциональность, согласно его *Conditions of Personhood*, есть рациональность (Dennett, 1988, p. 183). Поэтому эволюция, как инструмент природы, также имеет направленность и цель; и нежизнеспособные виды (такие, как конкуренты *Homo sapiens* (Вишняцкий, 2005)) – это ошибки обладающего распределённой личностью сверхорганизма, способного к самообучению. Природа может ошибаться, однако впоследствии исправляет свои упущения, следуя по пути постепенного усложнения, для создания всё более интеллектуальных систем. Согласно Деннету, система является интенциональной в том случае, если её поведение «может быть объяснено и предсказано, опираясь на <присущие системе> верования и желания». Отсюда можно сделать вывод, что, согласно данному мыслителю, возникновение разумной формы жизни было закономерным, вследствие поиска природой вариантов, дающих наибольшее выражение интенциональности природы (Dennett, 1981, p. 160). Продолжая эту логику, мы приходим к тому, что эволюция разума ведёт нас к появлению искусственного интеллекта, как наивысшей (мыслимой человеком) ступени эволюции, и также наиболее близкой к истине системы. Порой эволюция имеет обратный ход, как в случае с флоресским человеком (Morwood, 2005, pp. 1012-1017), но это тоже вписывается в рамки надсистемы, выбирающей осознанно, исходя из всех наличных фактов. Рациональная система может совершать ошибки, но у неё в то же самое время есть склонность к поиску оптимального решения. Было бы не совсем правильно считать, что предок человека смог эволюционировать до текущего уровня благодаря рациональности экстропии; в риторической традиции этот провал принято называть «ошибкой выжившего». Однако часть истинного положения дел в такой позиции присутствует. Всё случившееся несколько выходит за рамки статистической погрешности. Постгуманизм стремится вырваться за границы бинарных оппозиций, освободившись от всего инстинктивного,

преодолев текущие ограничения центральной нервной системы. Подобного рода преодоление антропоцентрической и гуманистической парадигмы направлено на выход за рамки предусмотренного программой размножения, что предрешиено природными психосоматическими ограничениями. Становление постчеловека возможно помыслить как формирование существа, имеющего расширенные когнитивные способности, а также более сильное тело, свободное от биологических ограничений. Соответственно, возникновение нового *posthomo* требует создания новой этики, которая будет регламентировать возможные моральные отношения между индивидами, принадлежащими к разным разумным видам.

Если технологическая сингулярность окажется потенциально достижимой, она приведёт человечество в общество трансгуманизма. Под «трансгуманизмом» здесь понимается стадия перехода от гуманизма к постгуманизму. Трансгуманизм – это международное движение за аугментацию человека, а также философское направление, развиваемое такими мыслителями, как Ник Бостром, Макс Мор, Том Морроу, FM-2030, Рэймонд Курцвейл, Элизер Юджовский. Суть данной философии формулируется в гипотезе, что использование технологий улучшения человеческого тела, расширяющих возможности нашего вида, является не только желательным, но и необходимым для решения глобальных проблем современности, в частности – преодоления физических ограничений, являющихся причиной болезней, страданий, старости и смерти. Способ достижения трансгуманистической цели – научно-технический прогресс, имеющий в своём распоряжении такой инструментарий, как NBIC-технологии (нано-био-инфо-когнито-социальные технологии, которые в своей конвергенции способствуют становлению общества 6 технологического уклада) (Schummer, 2009, pp. 57–71). Трансгуманизм является эвдемонизмом, полагая корнем всех бед человека страдание, а способом решения данной проблемы – путь развоплощения, ухода от плоти к существованию в искусственном теле, или в цифровом облике. Это путь от человека к апгрейд-человеку (Мищенко, 2019), а затем – к постчеловеку. Трансгуманизм предстаёт перед нами как предельный гуманизм, однако его идеал не ориентирован на инклюзивность в педагогическом понимании, то есть предполагает серьёзные изменения и улучшения каждого человека, убирающие любые увечья, физическую немощь и слабость, психические заболевания; устранение причины старения и смерти, а не создание приемлемых условий для существования людей неизменных, статичных. Трансгуманизм – это иммортализм. Бессмертие является его ключевой ценностью.

Основной задачей статьи является осмысление бессмертия в контексте трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокогнитивизма. С этой целью в первой части статьи рассматривается концепция трансгуманизма, а также её проявления, последователи и существующие в рамках неё подходы обеспечения долголетия и бессмертия. Второй раздел посвящён парадигмам постгуманизма и его предельной стадии – эссенциокогнитивизма. Здесь раскрывается сущность обеих концепций, разбираются предпосылки их возникновения, существующие в современном мире. Третья часть статьи объединяет в себе антигуманистическую и гуманистическую этические системы, как равновозможные в дискурсе об эволюции человека. В целом статья рассматривает перспективы становления общества будущего и место человека в нём, целесообразность эволюции человека в постчеловека, а также теоретические основания бессмертия.

БЕССМЕРТИЕ В ПОНИМАНИИ ТРАНСГУМАНИЗМА

Бессмертие предстало перед человечеством как мечта много тысячелетий назад, вместе с появлением культуры, религии, искусства и протофилософии. Так, в знаменитом «Эпосе о Гильгамеше» (Дьяконов, 1961), шумерских сказаниях, смерть искусственного человека Энкиду, друга царя Гильгамеша, становится началом поиска правителем Урука источника вечной молодости. В древнегреческой мифологии музыкант Орфей отправляется в царство мёртвых, чтобы найти свою возлюбленную, Эвридику, и вернуть её к жизни (Кун, 1954, сс. 199–202). Ветхий Завет содержит истории о людях, обладавших необычайным долголетием. К примеру, мы знаем о долгожителе Мафусаиле, умершем в возрасте 969 лет (*Ветхий Завет. Первая книга Моисея. Бытие*, 2014, ст. 5. 5,27). Русский фольклор наполнен историями о «живой воде» и «молодильных яблоках» (Неёлов, 1994, с. 269), а также о вечных персонажах – Кощее Бессмертном (Назиров, 1989, с. 36), Змее Горыныче (Пропц, 2000, с. 184). В Древней Элладе существовали такие персонажи, как практически неуязвимый Ахилл (Кун, 1954, сс. 337–338), Лернейская гидра (Кун, 1954, сс. 199–202), умевшая отращивать новые головы взамен старых, а также олимпийские боги и богини, всегда молодые, прекрасные, бессмертные.

Что может быть невозможного в том, чтобы искусственным способом удлинить жизнь человеческого существа? «Если бы человек вздумал соорудить вечный двигатель, он столкнулся бы с запретом в виде физического закона. В отличие от этой ситуации в биологии нет закона, который утверждал бы обязательную конечность жизни каждого

индивида», – говорит физик, Нобелевский лауреат Р. Фейнман (Малякин, 2018).

В ретроспективе, относительно идеи бессмертия, в XIX–XX веках история русской культуры и философия ознаменовались таким явлением, как космизм. Его яркими представителями были Н. Ф. Фёдоров с его философией общего дела, идеями о воскрешении «отцов» и колонизацией космического пространства (Федоров, 2008); К. Э. Циолковский с его орбитальными станциями и космическими лифтами, теорией эволюции *Homo sapiens* (Циолковский, 2018); В. И. Вернадский с учением о биосфере, ноосфере и прогрессе (Вернадский, 1991); А. Л. Чижевский с его пониманием циклических эволюций и идеей о существовании внеземных цивилизаций (Чижевский, 1997); а также В.С Соловьёв, в своей концепции богочеловечества указавший направление философской мысли к эссенциокогнитивизму (Соловьёв, 1994).

В современности проблемами трансцендирования гуманизма, возникновения новых анти- и метагуманистических концепций, преодолевающих антропный принцип, занимается уральская философская школа. В 2018 году вышла монография авторов из Уральского федерального университета «Пределы гуманизма и перспективы социальности». Исследователи философии антигуманизма С. А. Азаренко, В. Е. Кемеров, Т.Х. Керимов, И. В. Красавин, С.А. Никитин и Д. А. Томильцева рассматривают идеи, связанные с историческим процессом как становлением человека, с пределами гуманизма и философского обоснования образа человека. Уральские учёные также анализируют особенности взаимосвязи между Я и Другим и теорию общего интеллекта, коррелирующую с идеями транс- и постгуманизма (Азаренко и др., 2018).

В процессе достижения целей трансгуманизма происходит трансформация самого человека и его ценностей. Вид эволюционирует при помощи достижений науки и техники, становится конвергентным, киборгообразным.

Технология оцифровки сознания ещё более отдаляет нас от оригинала. В ходе противостояния биологическим ограничениям трансгуманизм приводит нас к точке, в которой начинается эволюция постчеловека и сверхразума.

Идеи русских космистов были заложены в основание теории трансгуманизма, и, в несколько более отдалённой перспективе, постгуманизма. Традиция уральской школы также вносит определённый вклад в развитие идей трансгуманизма и постгуманизма.

Трансгуманизм понимается нами как синергия философии и практики международного движения за расширение когнитивной и

биологической составляющих «человека разумного», которые ставят своей целью процесс аугментации человека при помощи медицинских, биоинженерных, генетических, технологических и кибернетических технологий для борьбы со страданием в его глобальном понимании. Трансгуманизм стремится к превращению человека из биопсихосоциального существа в киберпсихосоциальное.

У данной философии существуют свои идеалы и принципы:

- ценность человеческой жизни,
- избавление от страданий, старости и смерти,
- физическое и психическое благополучие человека,
- достижение технологической сингулярности (научно-технический прогресс и создание сильного ИИ),
- совершенствование человека и улучшение его когнитивных навыков и физического состояния (аугментация),
- создание общества изобилия для всех.

Трансгуманизм представлен на мировой арене достаточно широко. В числе его последователей – учёные (исследователь искусственного интеллекта, писатель, один из основателей Института Сингулярности Элиезер Юджовский, математик, писатель-фантаст Вернон Виндж), футурологи (российский крионист Данила Медведев, трансгуманист Института Экстропии Том Морроу, FM-2030), философы (Макс Мор из Института Экстропии, Ник Бостром из Humanity+), популяризаторы различных технологий (Рэймонд Курцвейл, Ларри Пейдж и Сергей Брин из компании Google). Продвигают идеи трансгуманизма представители различных его направлений: технокоммунизма (Александр Лазаревич), аболиционизма (Дэвид Пирс), экстропианства (Макс Мор, Кен Гоффман, Том Морроу), техногайянизма (Уолтер Андерсон, Питер Уорд), постгендеризма (Суламифь Файрстоун, Донна Харауэй), анархо-трансгуманизма (Рональд Бейли, Гленн Рейнольдс) и трансгрессивного трансгуманизма (Ник Бостром).

Футуролог и философ Фейдун М. Эсфендиари – FM-2030 – называет «первым проявлением новых эволюционных существ» такие атрибуты трансчеловечности, как улучшение тела имплантами, отсутствие гендера, искусственное размножение и наличие нескольких копий исходной личности (Bostrom, 2003).

«Множество технологий сегодня становятся информационными технологиями, и этот процесс неизбежно будет продолжаться в соответствии с экспоненциальным законом. Именно благодаря им мы можем решать важнейшие проблемы человечества, такие как сохранение окружающей среды, обеспечение ресурсами растущее население планеты (включая энергию, продукты питания и воду), преодоление болезней, значитель-

ное повышение продолжительности жизни и устранение бедности. И только усилив самих себя разумными технологиями, мы сможем справиться со столь сложными задачами»,

– пишет об улучшении когнитивных способностей человека в «Эволюции разума» изобретатель и футуролог Рэймонд Курцвейл (Курцвейл, 2015, с. 193).

В своей деятельности экстропианцы руководствуются таким идеалом, как экстропия – “the extent of a system’s intelligence, information, order, vitality, and capacity for improvement” – который описан в 3-й версии “The Extropian Principles” философа и футуролога Макса Мора (More, 1998).

Современный трансгуманизм в России активно продвигается Российским трансгуманистическим движением (Валерия Прайд, Данила Медведев).

Основные идеи этой парадигмы можно выразить в нескольких примерах:

иммортализм, который ставит своей целью продление жизни людей и достижение, в конечном счете, неограниченного долголетия;

апгрейд/аугментация – усовершенствование человека при помощи достижений NBICS-технологий (кибернетика, IT, биоинженерия и геновая инженерия, фармакология и проч.);

- киборгизация;
- цифровизация сознания;
- криогенные технологии;
- нейроинтерфейсы, экзоскелет, импланты;
- сильный искусственный интеллект.

Для обеспечения долголетия или даже бессмертия в научном дискурсе вокруг трансгуманизма существует несколько перспективных технологий:

- молекулярный ремонт (периодическая замена повреждённых клеток и тканей);
- генетический ремонт (манипуляции на уровне ДНК) и геновая терапия;
- использование стволовых клеток для ремонта и омоложения организма;
- замена органов (искусственными, выращенными или органами животных);
- крионика (заморозка тела в ожидании более совершенной медицины);
- применение мутации белков для продления жизни;

- применение геропротекторов (веществ, защищающих от наступления старости);
- загрузка сознания (цифровизация);
- искусственное замедление жизни.

ПОСТГУМАНИЗМ И ЭССЕНЦИОКОГНИТИВИЗМ

Постчеловек представляет собой следующую ступень эволюционного развития человека, включающую его трансформацию из киберпсихосоциального в киберкогнитосоциальное существо. В этом контексте мы полагаем постгуманизм как такой период в истории *Homo*, который следует за трансгуманизмом, а также философскую концепцию (Донна Харауэй, Джулиан Хаксли, Эрик Дрекслер, Ханс Моравек, Макс Мор), изучающую социокогнитивные и онтологические принципы общества киборгов, роботических систем и искусственного интеллекта, и, помимо этого, отдельные основания эволюционного процесса вида *Homo sapiens*, ведущие к постчеловеку и стиранию границ между человеческим и не-человеческим.

Согласно представлениям некоторых авторов, в том числе биоинженера Александра Панчина, технологическая сингулярность может наступить через 20-30 лет, философ и идеолог трансгуманизма Ник Бостром говорит о второй половине XXI века (Bostrom, 2003). В настоящее время существуют предпосылки возникновения постгуманизма как феномена. В их числе можно назвать использование имплантов, видеокамер, сенсоров и бионических протезов, а также нейроинтерфейсов для возвращения зрения, слуха, двигательных способностей. Искусственные нейронные сети развиваются, технологии глубокого обучения позволяют таким сериям, как Alpha (Silver & et al., 2017), а также OpenAI совершенствоваться, самообучаться, становиться искуснее в выполнении прикладных и интеллектуальных задач. Постоянно создаются новые роботы, например, от Boston Dynamics. Включение позитивной евгеники в государственную программу Сингапура также является элементом про-трансгуманистического будущего (Louhiala, 2004, p. 62).

Создание общества искусственного интеллекта, кибернетических и роботических систем, а также оцифрованного сознания предполагает дальнейшую филогенетическую преемственность, в которой данного рода субъекты станут объединенным метасознанием, комплементированным человечеством и машинами. Термин «комплементированное постчеловеческое общество» зародился в рамках философии эссенциокогнитивизма (Иванченко, 2019) как предельной формы постгуманизма.

Эссенциокогнитивизм – философская концепция, имеющая прогностический характер относительно будущего перехода трансчеловека в постчеловека, чьё основное положение заключается в следующем: трансчеловечество, эволюционировав в постчеловечество, создаст общество, состоящее из конгломератов когнитивных единиц (ККЕ), которые будут представлять собой комплементированный сверхорганизм (утилитрониум, компьютерониум или другую подобную агломерацию).

Эссенциокогнитивизм логически продолжает идеи постгуманизма, выводя их на отдалённую абстрактную стадию, где происходит становление комплементированного постчеловечества, социальной организацией которого являются конгломераты когнитивных единиц – сверхорганизм, представляющий собой объединённые сознания мириад существ (постлюди: искусственные интеллектуальные агенты и оцифрованные человеческие сознания). Это метасознание будет обладать гораздо большим суммарным потенциалом когнитивных функций и физических возможностей, чем когнитивная единица вне конгломерата. Целью существования подобного сверхорганизма будет бесконечное познание и творческое преобразование Вселенной. Эссенциокогнитивизм является теоретическим конструктом, гипотетической философией исследователя М. А. Иванченко (2019), имея прямое отношение к не/человеческим философиям, или «тёмным онтологиям» (Р. Негарестани, Ф. Лярюэль, М. Фераррис).

Создание подобного сверхума в виде искусственного интеллекта, киборгов, оцифрованных сознаний и т.д., будет воплощено с помощью информационных, нано- и биотехнологий (NBIC-парадигма). Соединение в конгломерат когнитивных единиц может быть осуществлено при помощи, в частности, технологий переноса сознания, инвазивных и неинвазивных имплантов, экзокортекса, а также электродов и гаджетов виртуальной реальности, роботов-ассемблеров. Сегодня происходит популяризация интерфейсов мозг-компьютер, которые, улавливая мозговую активность, как это делает электроэнцефалограф, позволяют людям и животным управлять компьютерным курсором, автоматическими манипуляторами в виде роботической руки (Иваницкий, Наумов, Роик, & Иваницкий, 2008, сс. 93–102). Помимо большого когнитивного потенциала, при помощи аугментации станет возможным достижение цифрового бессмертия, излечение от заболеваний психического и соматического характера, что должно получить доступность в момент наступления технологической сингулярности и стать следствием её воплощения. Комплементация человека и машины активно обсуждается в рамках различных научных парадигм, в

научно-популярном дискурсе, среди фантастов, технической интеллигенции, футурологов и философов (Pelegrín-Borondo, Arias-Oliva, Murata, & Souto-Romero, 2020, pp. 5–17). Появление кибернетических и роботических систем, технологий клонирования и генетического редактирования человека, а также создание искусственной матки поможет повысить когнитивную и физическую эффективность нового техночеловека и позволит избавиться от первичного и вторичного страдания в буддийском понимании данного термина.

Эссенциокогнитивизм как постгуманизм ставит в центр своего внимания постчеловека, следующий этап эволюции из трансчеловека. Данная парадигма гипотезирует общественный строй, и форму существования комплементаризированного постчеловечества, в которой происходит слияние бытия и познания, онтологии и гносеологии. Познание становится целью и смыслом существования сверхорганизма. Идеалом эссенциокогнитивизма является стремление к благу, к счастью объединённого постчеловечества, в первую очередь выраженное в освобождении от страдания. Именно это сближает постгуманизм в данной модификации, эвдемонизм и буддизм.

По нашему прогнозу, основанному на идеях ряда мыслителей, в будущем произойдёт нивелирование различий между гендерами, исчезнет половое размножение, человечество объединится, государства и нации окажутся упразднёнными (Иванченко, 2019). Современное общество стремится к агендеризации, которая сейчас происходит среди молодёжи и взрослых людей западных стран, начиная затрагивать Россию. Замена полового размножения технологическими способами, например, искусственной маткой, приведёт к снижению женской и детской смертности, и устранению всех проблем и опасностей, связанных с вынашиванием плода и непосредственно процессом воспроизводства. Повсеместное генетическое редактирование и вместе с тем клонирование некоторых биологических организмов позволят создавать особей, являющихся лучшими представителями рода *Ното*. Создание искусственного интеллекта, киборгов, роботов, клонов и оцифрованного сознания при помощи NBIC-технологий поможет воплотить в жизнь сверхразум. Сверхинтеллект в соединении с машиной при помощи технологий оцифровки сознания, создания беспроводных сетей, внедрения инвазивных имплантов и крепления неинвазивных имплантов, использования нанороботов и гаджетов AR/VR обеспечит колоссальную когнитивную мощь, достижение цифрового бессмертия, а также излечения человечества от психических и соматических недугов (например, от нейродегенеративных заболеваний, паралича тела после инсульта, перелома позвоночника, любой степени

инвалидности). ИИ, создающий всё более мощные ИИ, уже не человеческого уровня, позволит намного ускорить эволюцию видов, а также решить многие проблемы глобального характера. Однако принципиально важной задачей человечества на этапе зарождения сильного ИИ должно стать создание безопасного способа управления подобного рода искусственным агентом, обеспеченное при помощи загрузки ценностей, которые предстоит предварительно разработать в рамках межкультурного обмена практической философией.

Мюррей Шанахан в книге «Технологическая сингулярность» отмечает:

«построить ИИ, который будет эквивалентен человеческому интеллекту практически во всех сферах интеллектуальной активности, а возможно даже превзойдет его в некоторых областях. ... мы хотели бы получить достаточное понимание того, как такой ИИ будет работать, чтобы представить себе, как может выглядеть будущее с такими машинами. После этого можно подумать о возможности суперинтеллектуального ИИ, т.е. ИИ, способного превзойти человека во всех сферах интеллектуальной деятельности. Наверное, самый мощный фактор в создании суперинтеллекта ... – перспектива рекурсивного самосовершенствования. <...> ...у ИИ следующего поколения уровень интеллекта будет чуть выше человеческого, и он сумеет спроектировать ИИ лучше любого человека. Они [ИИ] смогут создать следующее поколение ИИ, построенного по образцу человеческого мозга, которое будет быстрее предыдущего поколения. Каждое следующее поколение будет появляться быстрее предыдущего, следуя закону экспоненциального роста. В результате может произойти взрывоподобное развитие ИИ, или взрыв интеллекта» (Шанахан, 2017, сс. 77–100).

Появление кибернетических организмов, андроидов и оцифрованного сознания будет способствовать становлению ККЕ, которые, как представители свержорганизма, воплотятся как общность, объединённое сверхсознание постлюдей, представленное различными его модификациями (отдельными видами, когнитивными единицами). ККЕ образуют собой интегрированное сознание, не имеющее ярко выраженного центра, распределённую нейросеть, подобную по структуре сети Интернет, коллективную сущность, которая освободится от биологической формы, а также её известных ограничений. В сущности, сверхсознание будет являть собой чистый разум, или абсолют. Если трансчеловек пока что остаётся человеком, абсолют уже перестаёт быть им, как и любым другим биологическим существом.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Этика трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокогнитивизма должна быть прояснена нами дополнительно, поскольку отдельные её аспекты являются дискуссионными.

Если трансгуманизм ещё имеет отношение к гуманизму, хотя преодолевает антропоцентризм, то постгуманизм и эссенциокогнитивизм выходят за пределы гуманистической модели мира. Переход к антигуманизму происходит вследствие, во-первых, переосмысления понятия «человек», во-вторых, из-за воплощения в жизнь такого субъекта познания, как сильный ИИ, в-третьих, в рамках появления новых данных относительно нашего места во Вселенной и во всех возможных обитаемых мирах. В центре внимания трансгуманизма находится аугментированный трансчеловек, существо другого порядка, обладающее иным когнитивным и этическим потенциалом. Постгуманизм концентрируется на постчеловеке, сверхразуме.

Вследствие этого мы получаем определённые представления о развитии этики в рамках этих направлений. На взгляд автора статьи, человечество на стадии становления трансгуманизма и постгуманизма может пойти двумя основными путями:

1. В границах гуманистической парадигмы. В данном случае будет превалировать господство категорического императива, то есть отношение к постчеловечеству как к цели, а не как к средству. При этом в процессе эволюции человек последовательно аугментируется, исчезает инвалидность, пропадают заболевания, удлинится жизнь каждого.

«Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (Кант, 1965),

– так звучит формулировка категорического императива Иммануила Канта.

В этом варианте исторического развития мы получаем общество, в котором возможно мирное сосуществование людей, транслюдей и абсолютов.

2. В границах антигуманистической парадигмы. Здесь развитие происходит в традиции социал-дарвинизма и ницшеанства. Предполагается вмешательство евгеники, генетики, борьба за выживание, в ходе которой останутся сильнейшие, умнейшие, мудрейшие, талантливейшие люди (в перспективе – транслюди). И эволюция будет происходить через их совершенствование.

Этот вариант предполагает последовательное растворение человечества или его потенциальное исчезновение, в зависимости от загрузки в искусственный интеллект системы ценностей.

То, каким путём решит следовать человечество, зависит от множества трудновычислимых факторов. В большей степени процесс развития взглядов относительно будущего определится через действия активистов и лидеров нашего разумного вида. Однако если тенденции западного мира станут распространяться дальше, мы можем прийти к тирании и деспотизму, так как уже происходит последовательная дискриминация традиционных взглядов в пользу прогрессивной морали. Меняется осмысление таких феноменов, как нуклеарная семья, свобода, норма, сексуальность, гендер, государство и т.д. В связи с этим социум приходит к пониманию того, что необходимо реструктуризировать собственные границы. Как следствие, процесс находится в динамике, что порождает многозначность путей развития. Единственное, что автор статьи не может поставить под сомнение – возникновение искусственного интеллекта. Сейчас в наших силах повлиять на то, какую систему ценностей будет поддерживать ядро программного кода ИИ. Однако в любом случае его возникновение сильно ускорит прогресс.

«Таким образом, можно смотреть на искусственный интеллект как на поиск коротких путей, то есть как на способ приблизиться к байесовскому идеалу на приемлемое расстояние, пожертвовав некоторой оптимальностью или универсальностью, но при этом сохранив довольно высокий уровень производительности в интересующей исследователя области»,

– говорит о пути, ведущем к техносингулярности, один из основателей трансгуманизма Ник Бостром в сочинении «Искусственный интеллект» (Бостром, 2016, с. 32).

КРИТИКА ПОСТГУМАНИЗМА И ТРАНСГУМАНИЗМА

С одной стороны, постгуманизм в российской традиции подвергается активной критике со стороны приверженцев гуманистического подхода. Преодоление гуманизма транс- и постгуманизмом происходит последовательно, начиная с трансформации человеческого в сверхчеловеческое. Аугментация делает людей иными, наделяя новыми атрибутами и сущностно меняя их. Да, постгуманизм антигуманистичен, однако не потому, что он требует уничтожения всего человеческого, а вследствие того, что данная философия предполагает перерождение *Homo sapiens* в сверхразум, который, будучи полностью развоплощённым сознанием, станет соответствовать той же личности, но бестелесной, и с изменёнными чувствами. Здесь следует понимать,

что целью трансгуманизма, ведущего к идеалу постчеловека, является борьба именно с негативными аспектами биологического существования, а не с мистической «природой человека». Исходя из научного дискурса, следует вести дискуссию на поле разума и рациональности, без углубления в метафизические и духовные материи. Человек является продуктом эволюционного развития, а потому продолжение его развития в рамках научно-технического прогресса является вполне обоснованным. Фатализм приводит к снятию любой ответственности с самого человека и распространению её на внешние силы. Данного рода явление называется в психологии «внешним локусом контроля», и людям, которые руководствуются им, становится сложнее адаптироваться к изменениям окружающей среды, нежели тем, кто обладает «внутренним локусом контроля». Нельзя склоняться перед смертью и её малыми разновидностями – страданием, болезнями, болью. Неспособность воспринять очевидное зло собственного положения приводит к стагнации. Желание остаться в прошлом – это мечта вновь вернуться в материнскую утробу, где нет проблем, присущих человеческому существованию, есть ощущение комфорта и спокойствия, но отсутствует самый процесс мышления, и, следовательно, любые атрибуты бытия. Такого рода существование похоже на вечное пребывание в коме, бессознательное состояние, в котором нет никакой мозговой активности, нет личности, некому произнести картезианскую аффирмацию.

Технологии меняют общество, не всегда к лучшему, но таков мир. В силах индивидуумов – взять научно-технический прогресс под контроль, задав вектор его развития, чтобы всесторонне способствовать оздоровлению нации, человеческого вида, биосферы. Аугментация человека позволит решить проблему физической инвалидности. Фармацевтика и биотехнологии помогут справиться с психическими заболеваниями – шизофренией, деменцией, с процессами нейродегенерации и умирания мозга в целом. Продление активной здоровой и молодой жизни обеспечит сохранение благосостояния и счастья индивида, период творчества, познания, приобретения новых навыков, создания новых межличностных отношений.

Нейропластичность, сменяясь нейродегенерацией, обрекает человека на вегетативное существование, неизбежное старение, угасание когнитивных функций – рассеивается внимание, невозможно сконцентрироваться на чём-либо; страдает память – как кратковременная, так, в перспективе, и долговременная; теряется способность различать лица, находить дорогу к дому, даже удовлетворять свои базовые физиологические потребности; интеллект деградирует, и человек уже не

способен к генерации идей, анализу и синтезу информации; любое дело в тягость, и на попытку встать с кровати сил уже не остаётся. Тело дряхлеет, разум прекращает свою активность, больной не узнаёт близких, не помнит, кто он, где находится. Эта агония может длиться десятилетиями, и человек будет погружён в состояние небытия при жизни до самого момента физической смерти.

Сам организм также склонен к накоплению изменений. Беспорядочное эволюционирование клеток может породить раковые метастазы, что может быть преодолено научными средствами. Удачные мутации передаются от родителей к детям и сохраняются, как способствующие выживанию вида. В Сингапуре накопление удачных генетических мутаций закреплено законом в виде позитивной евгеники (Louhiala, 2004, p. 62), поддерживающей размножение интеллектуальной элиты и предлагающей компенсацию за отказ от размножения тем, кто имеет больше негативных изменений. В современности принято отказываться от многих явлений только по причине того, что они так или иначе могли быть связаны с нацистским режимом в Германии. Таким образом, многое подвергается цензурированию, в то время как открытый доступ к знанию и поощрение исследований могли бы послужить научно-техническому прогрессу, улучшающему жизнь людей. Тотальный запрет на изобретательскую активность и развитие технологий приведёт только к реакции и стагнации. В популярном искусстве принято моделировать сценарии конца света, когда наука, трансцендированная в сферу «божественного», служит средством уничтожения мира. У любой, даже самой простой, технологии есть обратная сторона. Нож одинаково можно использовать как для процесса приготовления пиццы, так и для совершения убийства. Это не помещает сам инструмент в моральное поле, так как моральным может быть лишь сам субъект, а никак не технология, которая не имеет собственной воли. Это задача людей – с одной стороны, создавать морально-нравственные нормы, которые могут претендовать на то, чтобы быть всеобщими законами, а также транслировать их дальше, просвещая остальных, и, с другой стороны – менять сам геном человека, с тем, чтобы исключить передачу негативных мутаций (в том числе психопатию, нарциссизм, умственную неполноценность) дальше. Генетическое редактирование является прекрасным инструментом для корректирования того, что не может быть изменено длительным процессом естественного отбора. Человек, однажды вмешавшись в естественный отбор, начав спасать нежизнеспособные формы жизни, уже нарушил любые возможные законы природы, начал изменять мистическую «природу человека». Вся медицина основана именно на этом. Возврат

в Средневековье, к показательным казням учёных, к чуме, полиомиелиту, проказе и холере, а также растущей детской смертности, возможен, если будет такое желание. Но для этого необходимо уничтожить медицину, а научно-технический прогресс «вынести за скобки». Тем не менее, обращение «к природе» не приведёт к обществу всеобщего благоденствия, как это ожидается отдельными категориями людей. Регресс, обращённый к отказу от технологического развития, возвратит нас к экстенсивному типу хозяйствования, во времена которого нагрузка на природу была даже выше, чем сейчас (ООН, 2020). Использование нанотехнологий, появление роботов-ассемблеров позволит сократить негативное воздействие на окружающую среду, вследствие того, что будет возможно манипулировать материей на молекулярном уровне. Однако чтобы это произошло, нужно развивать науку, а не демонизировать её, обращаясь к обскурантизму.

Использование технологий генетического редактирования и позитивной евгеники может быть гармонично дополнены созданием искусственной матки, применением биоинженерии для выращивания органов, трансплантации искусственных частей тела; аугментацией взрослых особей высокотехнологичными протезами – бионическими руками и ногами с системой обратной тактильной связи, электронными глазами, кохлеарными имплантами; коррекцией нарушений и заболеваний ЦНС при помощи экзокортекса, инвазивных и неинвазивных имплантов; применением экзоскелета с целью облегчить передвижение парализованным людям и даже научить их заново ходить и владеть собственным телом. Полная киборгизация и технология переноса сознания сделают возможным бороться с коматозными состояниями, а также другими подобными ситуациями, в которых поддержание жизни не представляется возможным. Самореплицирующиеся нанороботы, умеющие реставрировать отдельные клетки организма, обеспечат восстановление и омоложение организма даже безнадежных больных. Таким образом, мы получим глобальное оздоровление человечества, справившись с проблемами инвалидизации, врождённой и приобретённой, с генетическими заболеваниями, негативными мутациями и ошибками копирования, а также с психическими и физическими недугами, имеющими разную этиологию. Технологии переноса сознания обеспечат дальнейшее бытие человека в лоне виртуальной реальности, или в роботическом теле, или же теле клона. Обновление клеток мозга, применение ассемблеров и нейропротекторов сохранят молодость и когнитивный резерв ЦНС. Желающие смогут пройти через процедуру клеточного омоложения и продления жизни; эксперименты относительно этого метода активно ставятся на нематодах, ти-

хоходках и лабораторных мышках и крысах (Турчин & Батин, 2015). Если же человек захочет оставаться смертным, подверженным заболеваниям и негативному воздействию среды, никто не станет принуждать его выбрать для себя иной удел. Трансгуманизм – не идеология принуждения. Человек обладает свободой воли, и никто не вправе навязывать ему бессмертие.

Тем не менее, в рамках религиозного дискурса, а также отдельных философских направлений (стоицизм, экзистенциализм) возникают идеи о признании человека смертным с особой необходимостью. На наш взгляд, смерть не придаёт ценности жизни, а, скорее, совершенно обесценивает её. Если говорить с позиции утилитаризма или прагматизма, весь накопленный человеком опыт, весь его потенциал, бесценные знания и навыки обрекаются на исчезновение в небытии, без какого-либо права на продолжение в вечном существовании. С этической точки зрения, человек должен иметь право выбирать, хочет ли он жить (и жить счастливо и полноценно) или умереть. А сейчас мы такого права лишены из-за биологической программы уничтожения, которую, тем не менее, возможно отменить.

Каждое новое человеческое существо вынуждено с самого начала усваивать всю информацию о мире, обществе, человеке, что является процессом долгим. Гораздо удобнее было бы осуществить загрузку всего актуального опыта непосредственно в головной мозг при помощи встроенных процессоров, дополнительной памяти или же квантовых нанокomпьютеров. Цифровизация сознания индивидуумов позволила бы сохранить картографированный мозг (коннектом) со всеми его структурными взаимосвязями, последовательностями нейронных импульсов, со всей информацией для будущих поколений, а также для репродукции конкретной личности в диджитал-варианте.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме сознания и возможности его переноса в цифровую среду, новый мозг или тело робота. В традиции философии сознания рассматривается несколько концепций относительно предмета её исследования, все их можно условно разделить на монизм и дуализм. Если сознание отделимо от своего физического носителя, то его перенести можно, если же нет – его можно скопировать. Первый случай предполагает сохранение идентичности, второй – создание её реплики.

Трансгуманизм и постгуманизм предлагают укрепление потенциала человека вместе с нивелированием недостатков нашей биологии. Это трансформация от человека к сверхчеловеку, прохождение по тому канату над пропастью, о котором писал Ницше.

Вместе с тем, можем ли мы со всей уверенностью утверждать, что традиционный антропоцентризм является толерантным и милосердным по отношению хотя бы к самому человеку? В связи с этим рассмотрим два аспекта проблемы, имеющие немаловажное значение для понимания этого вопроса.

Первый аспект касается такого аспекта гуманистической морали, как антропоцентризм. Дуализм представлений об этой морали, который наследуется от западной философии и авраамических догматов, отвергает эгалитаризм. Фактическое осуществление этого принципа предполагает, что моральные основания различны для высшего класса и остальных. Так, руководящая элита находится за скобками относительно действующего законодательства, позволяя себе полную свободу и привилегии, которые недоступны большинству. Правила, которые устанавливает государство, предписывают гражданам ставить своей высшей целью служение государству, быть бескорыстными, толерантными к властному режиму, законопослушными, в отличие от правящего верха, а также покорными. Данная этическая система является амбивалентной, предписывающей низам быть гуманными, притом, что верхи находятся за гранью добра и зла.

Второй аспект касается содержания понятия «гуманизм» и его практического применения. Гуманизм есть мировоззрение, утверждающее абсолютную ценность человека, признание его принципиальной важности, права на жизнь, здоровье, свободу и персональное счастье (Локк, 2014). Казалось бы, никакой негативной коннотации. Однако по факту, гуманизм легко оборачивается своей крайностью, воплощаясь в радикализме и мизантропии, проявляясь, в частности, в форме антициентизма, отрицающего ведущую роль науки и техники в жизни современного социума. Это, в свою очередь, ведёт к обскурантизму и милитаризму, используясь для внедрения опасных, вирусных идей, сфальсифицированных теорий. В физике и астрономии возникают концепции плоской Земли, мигрирующей планеты Нибиру, аргументы в пользу того, что человечество никогда не выходило в космос, а все доводы против считаются скрытым «заговором учёных и политических деятелей». В биологии и медицине есть свои опасные мифы, касательно телегонии, релиз-активности гомеопатии, вреда вакцинации. Существование подобных фантазий приводит к вспышкам давних инфекций – оспы, коклюша, дифтерита, кори, что способствует созданию благоприятных условий для развития эпидемий. Относительно пандемии коронавируса также существует большое количество мифов и теорий заговора. Антивакцинаторское движение приводит к тому, что люди начинают болеть давно исчезнувшими заболеваниями. Под тер-

мином «релиз-активные» препараты скрывается банальная гомеопатия, обещающая излечение от онкологических заболеваний, СПИДа, а также коронавируса. Однако исследований, опубликованных в медицинских журналах с высоким импакт-фактором, на эту тему не существует. Другой пример будет узнаваем в большей степени: милитаризм дегуманизирует возможного противника, призывая считать особей того же разумного вида своими врагами. Для политтехнологов человек не есть мера всех вещей, а средства оправдывают любую цель. Биологические сигналы «свой» и «чужой» здесь гипертрофируются, и при этом «чужие», Другие оказываются вне морального поля.

Исходя из этих двух посылок, мы можем сделать вывод, что гуманизм не является предельной философией, имея свои исключения и ограничения, и, следовательно, должен быть переосмыслен, трансформирован в метагуманизм.

Понимание метагуманизма как философии морали, расширяющей горизонты познания и нравственности, может дать человечеству больше преимуществ, чем следование традиционным ограничениям. В моральное поле необходимо включить другие потенциально существующие разумные виды, а также всех других живых существ (paradise engineering – одно из направлений трансгуманизма), и даже установить статус искусственного интеллекта. Будущий трансчеловек способен оставить позади страдание и реализовать счастливый сценарий для человечества, трансчеловечества и постчеловечества. Страдание не является ценностью и не может пониматься как то, что ведёт к благу, так же, как смерть не является мерилем системы ценностей и не служит жизни, тем более – разумной. Сократ, Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти, Исаак Ньютон, Иммануил Кант, Михаил Ломоносов, Луи Пастер, Франсуа Роден, Дмитрий Менделеев, Ричард Фейнман, Альберт Эйнштейн, Лев Ландау, Иван Павлов, Александр Флеминг, Мария и Пьер Кюри, Ада Лавлейс, Андрей Сахаров, Алан Тьюринг и многие, многие другие гении науки, философии и искусства могли бы жить, изобретая новое, совершая прорывы в науке и технологиях, создавая свои шедевры, если тайна смерти и бессмертия была бы раскрыта раньше. То же самое касается героических личностей, которые совершали выдающиеся поступки. И наших близких и любимых людей.

ВЫВОДЫ

В статье производится осмысление бессмертия и концепции иммортализма в рамках трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокognитивизма. Рассмотрение исторических, культурных и меди-

цинских аспектов трансгуманизма и постгуманизма, а также критическое осмысление антисциентизма и обскурантизма стали основной темой статьи. Были сделаны следующие выводы:

- достижение бессмертия представляется потенциально возможным явлением, ведущим к благу человечества и других видов;
- гуманизм необходимо подвергнуть анализу, чтобы создать обновлённую этическую философию, которая сможет претендовать на статус всеобщего закона для каждого живого и искусственно-го существа;
- научное просвещение и поддержка научно-технического прогресса способствуют формированию и воплощению в жизнь философии трансгуманизма, постгуманизма, а также эссенцио-когнитивизма;
- антисциентизм, обскурантизм, суеверия и заблуждения ведут к регрессу, который порождает углубление глобальных проблем современности, в частности, связанных со здоровьем и жизнью людей, состоянием окружающей среды, а также экономическим и материальным благополучием каждого индивидуума;
- создание новой этической парадигмы становится принципиально важным моментом в истории человечества, как и загрузка системы ценностей в искусственный интеллект.

БЛАГОДАРНОСТИ | ACKNOWLEDGEMENTS

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-1740.2019.6) «Этика в условиях обновления гуманизма: теоретические и прикладные аспекты».

This article was prepared with the support of The Council for Grants of the President of the Russian Federation (МК-1740.2019.6) “Ethics in the context of the renewal of humanism: theoretical and applied aspects”.

Список литературы

- Bostrom, N. (2003). *The Transhumanist FAQ: A general Introduction: Vol. 2.1*. World Transhumanist Association. Retrieved from <https://www.nickbostrom.com/views/transhumanist.pdf>
- Dennett, D. (1988). Conditions of Personhood. In M. F. Goodman (Ed.), *What Is a Person?* (pp. 145–167). Totowa, NJ: Humana Press. doi: 10.1007/978-1-4612-3950-5_7
- Dennett, D. C. (1981). *Are Dreams Experiences?* London: MIT Press.

- Louhiala, P. (2004). *Preventing Intellectual Disability: Ethical and Clinical Issues*. Cambridge University Press.
- More, M. (1998). *The Extropian Principles: A Transhumanist Declaration (3rd ed.)*. Extropy Institute.
- Morwood, M. J., Brown, P., Jatniko, Sutikna, T., Wahyu Saptomo, E., Westaway, K. E., ... Djubiantono, T. (2005). Further evidence for small-bodied hominins from the Late Pleistocene of Flores, Indonesia. *Nature*, 437(7061), 1012–1017. doi: 10.1038/nature04022
- Pelegrín-Borondo, J., Arias-Oliva, M., Murata, K., & Souto-Romero, M. (2020). Does Ethical Judgment Determine the Decision to Become a Cyborg?: Influence of Ethical Judgment on the Cyborg Market. *Journal of Business Ethics*, 161(1), 5–17. doi: 10.1007/s10551-018-3970-7
- Schummer, J. (2009). From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: “The Best Way to Predict the Future is to Create it.” In M. Kaiser, M. Kurath, S. Maasen, & C. Rehmann-Sutter (Eds.), *Governing Future Technologies* (pp. 57–71). Dordrecht: Springer Netherlands. doi: 10.1007/978-90-481-2834-1_4
- Silver, D., Schrittwieser, J., Simonyan, K., Antonoglou, I., Huang, A., Guez, A., ... Hassabis, D. (2017). Mastering the game of Go without human knowledge. *Nature*, 550(7676), 354–359. doi: 10.1038/nature24270
- Азаренко, С. А., Кемеров, В. Е., Керимов, Т. Х., Красавин, И. В., Никитин, С. А., & Томильцева, Д. А. (2018). *Пределы гуманизма и перспективы социальности: Монография*. Москва: Академический проект.
- Бостром, Н. (2016). *Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии*. Манн, Иванов и Фербер.
- Вернадский, В. И. (1991). *Научная мысль как планетное явление*. Москва: Наука.
- Ветхий Завет. Первая книга Моисея. Бытие*. (2014). Санкт-Петербург: Вита-Нова.
- Вишняцкий, Л. Б. (2005). *История одной случайности или происхождение человека*. Москва: Век 2.
- Дьяконов, И. М. (1961). *Эпос о Гильгамеше. “О всё видавшем.”* Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Иваницкий, Г. А., Наумов, Р. А., Роик, А. О., & Иваницкий, А. М. (2008). Как определить, чем занят мозг, по его электрическим потенциалам? Устойчивые паттерны ЭЭГ при выполнении когнитивных заданий. *Вопросы Искусственного Интеллекта*, 1(1), 93–102.
- Иванченко, М. А. (2019). Постгуманизм как антигуманизм: Основные перспективы. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 14(4), 16–24.
- Кант, И. (1965). *Сочинения (Тома 1-6)*. Москва: Мысль.
- Кун, Н. А. (1954). *Легенды и мифы древней Греции*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР.

- Курцвейл, Р. (2015). *Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов*. Москва: Эксмо.
- Локк, Д. (2014). *Два трактата о правлении*. Москва: Социум.
- Малякин, Е. (2018). *Скорость тьмы*. Москва: Ridero.
- Мищенко, А. В. (2019). *Ангрейд в сверхлюди: Технол. гиперэволюция человека в XXI в.* Москва: Либроком.
- Назирова, Р. Г. (1989). Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце». *Фольклор Народов РСФСР*, (16), 31–40.
- Неёлов, Е. М. (1994). От волшебной сказки к литературе: Фольклорная трансформация евангельской традиции в учении НФ Федорова о воскрешении. *Проблемы Исторической Поэтики*, (3), 262–273.
- Преобразование экономики для обеспечения ее соответствия устремлениям, сформулированным в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.* (2020, March). Экономический и Социальный Совет. Организация Объединенных Наций. Retrieved from https://www.unescap.org/commission/76/document/E76_16R.pdf
- Пропц, В. Я. (2000). *Исторические корни волшебной сказки*. Лабиринт.
- Соловьёв, В. С. (1994). *Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из "Трех разговоров": Краткая повесть об Антихристе*. Санкт-Петербург: Художественная литература.
- Турчин, А., & Батин, М. (2015). *Футурология. XXI век: Бессмертие или глобальная катастрофа?* Москва: Бином. Лаборатория знаний.
- Федоров, Н. Ф. (2008). *Философия общего дела*. Москва: Эксмо.
- Циолковский, К. Э. (2018). *Космическая философия*. Москва: Эксмо.
- Чижевский, А. Л. (1997). *Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы*. Москва: Духовное созерцание.
- Шанахан, М. (2017). *Технологическая сингулярность*. Москва: Издательская группа Точка.

References

- Azarenko, S. A., Kemerov, V. E., Kerimov, T. Kh., Krasavin, I. V., Nikitin, S. A., & Tomiltseva, D. A. (2018). *The Limits of Humanism and the Perspectives of Sociality*. Moscow: Academic project. (In Russian).
- Bostrom, N. (2003). *The Transhumanist FAQ: A general Introduction: Vol. 2.1*. World Transhumanist Association. Retrieved from <https://www.nickbostrom.com/views/transhumanist.pdf>
- Bostrom, N. (2016). *Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies*. Mann, Ivanov & Ferber. (In Russian).

- Chizhevsky, A. L. (1997). *The Main Beginning of the Universe. Space System. Problems*. Moscow: Spiritual Contemplation. (In Russian).
- Dennett, D. (1988). Conditions of Personhood. In M. F. Goodman (Ed.), *What Is a Person?* (pp. 145–167). Totowa, NJ: Humana Press. doi: 10.1007/978-1-4612-3950-5_7
- Dennett, D. C. (1981). *Are Dreams Experiences?* London: MIT Press.
- Dyakonov, I. M. (1961). *Epic about Gilgamesh ("About everything that has seen")*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Fedorov, N. F. (2008). *Philosophy of the Common Work*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Ivanchenko, M. A. (2019). Posthumanism as Antihumanism: Main Perspectives. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, 14(4), 16–24. (In Russian).
- Ivanitsky, G. A., Naumov, R. A., Roik, A. O., & Ivanitsky, A. M. (2008). How to Determine What the Brain is Doing by Its Electrical Potentials? Stable EEG Patterns When Performing Cognitive Tasks. *Artificial Intelligence Issues*, 1(1), 93–102. (In Russian).
- Kant, I. (1965). *Works (Volumes 1-6)*. Moscow: Thought. (In Russian).
- Kuhn, N. A. (1954). *Legends and Myths of Ancient Greece*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. (In Russian).
- Kurzweil, R. (2015). *The Evolution of the Mind, or the Infinite Possibilities of the Human Brain Based on Pattern Recognition*. Moscow: Eksmo.. (In Russian).
- Locke, D. (2014). *Two Treatises on Government*. Moscow: Socium. (In Russian).
- Louhiala, P. (2004). *Preventing Intellectual Disability: Ethical and Clinical Issues*. Cambridge University Press.
- Malyakin, E. (2018). *Speed of Darkness*. Moscow: Ridero. (In Russian).
- Mishchenko, A. V. (2019). *Upgrade and Superhumans. Technological Hyperevolution of Man in the 21 Century*. Moscow: Librokom. (In Russian).
- More, M. (1998). *The Extropian Principles: A Transhumanist Declaration (3rd ed.)*. Extropy Institute.
- Morwood, M. J., Brown, P., Jatmiko, Sutikna, T., Wahyu Saptomo, E., Westaway, K. E., ... Djubiantono, T. (2005). Further evidence for small-bodied hominins from the Late Pleistocene of Flores, Indonesia. *Nature*, 437(7061), 1012–1017. doi: 10.1038/nature04022
- Nazirov, R. G. (1989). The Origins of the Plot "Kashcheev's Death in an Egg". *Folklore of the Peoples of the RSFSR*, (16), 31–40. (In Russian).
- Neyolov, E. M. (1994). From Fairy Tale to Literature: Folklore Transformation of the Gospel Tradition in NF Fedorov's Teachings on Resurrection. *Problems of Historical Poetics*, (3), 262–273. (In Russian).
- Old Testament. The first book of Moses. Genesis*. (2014). St. Petersburg: Vita-Nova. (In Russian).
- Pelegrín-Borondo, J., Arias-Oliva, M., Murata, K., & Souto-Romero, M. (2020). Does Ethical Judgment Determine the Decision to Become a Cyborg?: Influence of Ethical Judg-

- ment on the Cyborg Market. *Journal of Business Ethics*, 161(1), 5–17. doi: 10.1007/s10551-018-3970-7
- Propp, V. Ya. (2000). *The historical roots of the fairy tale*. Labyrinth. (In Russian).
- Schummer, J. (2009). From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: “The Best Way to Predict the Future is to Create it.” In M. Kaiser, M. Kurath, S. Maasen, & C. Rehmann-Sutter (Eds.), *Governing Future Technologies* (pp. 57–71). Dordrecht: Springer Netherlands. doi: 10.1007/978-90-481-2834-1_4
- Shanahan, M. (2017). *Technological Singularity*. Moscow: Publishing Group Tochka. (In Russian).
- Silver, D., Schrittwieser, J., Simonyan, K., Antonoglou, I., Huang, A., Guez, A., ... Hassabis, D. (2017). Mastering the game of Go without human knowledge. *Nature*, 550(7676), 354–359. doi: 10.1038/nature24270
- Solovyov, V. S. (1994). *Readings about God-manhood; Articles; Poems and poems; From "Three Conversations ...": a Short Story about the Antichrist*. St. Petersburg: Fiction. (In Russian).
- Transforming the economy to meet the aspirations of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. (2020, March). Economic and Social Council. United Nations. Retrieved from https://www.unescap.org/commission/76/document/E76_16R.pdf (In Russian).
- Tsiolkovsky, K. E. (2018). *Cosmic Philosophy*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Turchin, A., & Batin, M. (2015). *Futurology. XXI century. Immortality or Global Catastrophe?* Moscow: Binom. Knowledge laboratory. (In Russian).
- Vernadsky, V. I. (1991). *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow: Science. (In Russian).
- Vishnyatsky, L. B. (2005). *The story of one accident or the origin of man*. Moscow: Century 2. (In Russian).

STUDYING POLITICAL COMMUNITIES IN VK.COM WITH NETWORK ANALYSIS

Ilya A. Bykov¹, Denis S. Martyanov²

St Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia

Abstract

The study explores politicized virtual communities of Russia in the VK.com within the social network analysis approach. The paper focuses on the VK since it is the largest social networking service in Russia. The authors aim to draw a general map of virtual communities in the VK which are politically engaged and represent all political ideologies in Russia. The data were collected with help of the VK API in 2019. Based on the specially designed algorithm, the authors have collected a sample of 115 politicized communities. The paper presents a critical analysis of the implementation of data sampling and crawling. The authors argue that this study includes all significant virtual communities from a full range of ideologically and politically oriented discussion groups to institutionalized political actors such as political parties and government agencies, including groups of leading Russian mass media. The authors apply the Gephi network analysis and visualization software package, a leading social network analysis software, to produce a map of the political virtual communities in Russia. The study indicates that virtual communities of mass media and the institutionalized communities, such as political parties or government institutions, have concentrated at the core of the graph. At the same time, discussion groups about ideologies were in the periphery of the graph.

Keywords

virtual communities; echo-chambers; political ideologies, political communication; me-diatization; Russia; social media; VK; Gephi; SNA

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: i.bykov@spbu.ru

2 Email: martyanoff@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЗИРОВАННЫХ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ВО ВКОНТАКТЕ: СЕТЕВОЙ ПОДХОД

Быков Илья Анатольевич¹, Мартьянов Денис Сергеевич²

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию политизированных виртуальных сообществ в социальной сети Вконтакте с помощью сетевого подхода. Исследование сосредоточено на социальной сети Вконтакте, поскольку именно эта социальная сеть является самой популярной в России. Основная цель статьи заключается в создании карты политизированных виртуальных сообществ, репрезентативной всем политическим направлениям в социальной сети. На основе разработанного алгоритма авторы создали выборку из 115 политизированных сообществ. Собранные данные отражают состояние на 2019 год. В статье приводится подробный анализ методов и процедуры сбора данных. Авторы доказывают, что представленный алгоритм составления выборки носит репрезентативный характер. Для визуализации данных о связях между политизированными группами использовался открытый программный пакет для сетевого анализа Gephi. Полученная карта политизированных виртуальных сообществ позволяет сделать вывод о том, что в центре сети находятся такие институционализованные группы, как политические партии, СМИ и некоторые государственные структуры (МИД, Государственная Дума, Роскосмос и др.). Неинституционализованные (дискурсивные) виртуальные сообщества находятся на периферии полученного графа, что говорит о том, что самоорганизованные группы, осуществляющие обсуждение политических проблем без организационной поддержки, находятся в невыигрышном положении.

Ключевые слова

виртуальные сообщества; эхо-камеры; политические идеологии; политическая коммуникация; Россия; социальные медиа; Вконтакте; сетевой анализ; Gephi

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [i.bykov\[at\]spbu.ru](mailto:i.bykov[at]spbu.ru)

2 Email: [martyanoff\[at\]mail.ru](mailto:martyanoff[at]mail.ru)

INTRODUCTION

This study aims to draw a map of politically engaged virtual communities in Russia. The paper focuses on the VK.Com (formerly known as ‘Vkontakte’) for it is the largest social networking service in Russia according to Alexa.com. One may think that this aim looks technically oriented. It is partially true because this research is a part of the broader research project (Martyanov, 2019). However, the study includes several original topics like what virtual communities are or how they fit into the context of mediatized politics today. We intend to explicate our definitions and topics in the following parts of the paper.

VIRTUAL COMMUNITIES, POLITICS, AND MEDIATIZATION

In this study, we define the ‘virtual community’ applying the communicative approach, which is primarily based on the works of G. Rheingold and B. Wellman (Wellman, 1998). According to Rheinhold, virtual community is a ‘social entity that is formed on the basis of computer-mediated communication, has enough people to support communication for a long time, and, at the same time, includes some human emotions and, as a result, has a network of interpersonal relationships’ (Rheinhold, 2000). It seems like this definition is too general. S. Herring suggests for any virtual community to qualify it must have the following parameters: (1) active ‘self-sustaining’ participation and the core of regular participants; (2) a common history, purpose, culture, norms, and values; (3) solidarity, support, reciprocity; (4) conflict resolution methods; (5) self-awareness of the group as a subject, different from other groups; (6) the emergence of roles, hierarchies, governance, rituals (Herring, 2004, 316-338).

In Russian media studies, the ‘internet-group’ term is quite popular. However, in this research, we prefer to use a traditional virtual community approach for it summarizes key characteristics of the phenomenon much better. There are too many groups in VK with no shared values or meaningful communication. So, we suggest using the following main features of virtual communities: (1) unifying interest; (2) computer-mediated communication; (3) shared values (Martyanov, 2017). The unifying interest serves not only as of the main motivation for participation in the virtual community but also substitutes for territorial identity as the core feature of traditional local communities (Zheng, 2020). And if the latter is itself determined by the individual’s place of residence, then in the case of virtual communities and unifying interest, interest precedes the location and it forms the communicative space in

which the community members subsequently interact. Computer-mediated communication is not only technological but also organizational and discursive. Internet communication contributes to the formation of a specific discourse, which not only sets the rules of behavior in the community but also structures it, creates a hierarchy. The third component is more characteristic of developed and active virtual communities and serves as a kind of indicator for group cohesion. A given community without values is only a formal structure.

Numerous studies have been conducted on the problems of online political communication and virtual communities. Very often these studies apply the concept of public sphere founded by J. Habermas to evaluate communication practices. Usually, the public sphere includes voluntary participation, universal access, rational argumentation, and freedom of expression. In his later works, Habermas came to thought that the public sphere has a network nature (Habermas, 2015). Castells suggests with careful optimism that social media and grassroots activism evidenced in the Arab Spring as well as Iceland's 'Kitchenware' Revolution are able to boost democratic development and maintain public sphere with the help of virtual communities (Castells, 2015).

However, recent studies show that there are many signs of malfunctioning of the public sphere as a type of political communication today. Boutyline and Willer argue that instead of freedom of expression and rational argumentation people tend to cooperate and communicate to people with similar political views (Boutyline, 2017). This effect is known as 'echo-chambers' or 'information bubbles'. Unlike the public sphere, echo chambers tend to escape discussion and rational argumentation. In echo chambers, communication maintains established beliefs in the virtual community. Echo chambers are the most striking examples of post-truth politics because they seek to ignore 'unfavorable' facts and arguments. Echo chambers ensure the stability of political views. Also, they contribute to the political radicalization and further polarization in society (Sunstein, 2009).

The public sphere could fall into refeudalization when private communication is dominating over public communication (Yun, 2013). It could be done on the macro-level within social media censorship and according to users' agreements or on the micro-level within social practices of selective moderation. Studies show that about half of the users one way or another came across 'malicious' comments on various Internet sources (Suh et al, 2018). Moderators have to substitute legal forms of communication. Moderators have emerged as an informal institution appears in the 'vacuum' of formal institutions (Langvardt, 2018).

Several studies show that virtual communities could be divided into three groups: 'counter-public spaces', 'echo chambers', and 'safe spaces'. Negt

and Kluge rejected the universality of the public sphere and proposed the concept of ‘counter-public spheres’, an example of which was the proletarian public sphere, opposed to the Habermas bourgeois sphere (Negt, 1993). This concept reveals the heterogeneity of society and the conflict of communication in it. The idea of ‘safe spaces’ refers to homogeneous communities with no rational discussion but with common experience, typically involving situations of discrimination or violence (Click, 2019). For many network users, such communities are an opportunity to share their pain with others and feel solidarity. ‘Safe spaces’ also constitute the intentional exclusion of ‘others’ that could harm community members in their own words. First of all, such communities are about support and psychological assistance. But at the same time, such places become the field of activity of the ‘social justice warriors’ as the most aggressive activists of such communities. Echo chambers tend to have less positive results as ‘safe spaces’. Echo chambers are also autonomous and homogeneous spaces in which discussions are aimed at maintaining community-specific values. Echo-chambers are not examples of rational argumentation, they produce a policy of post-truth or emo-truth (Harsin, 2017). ‘Safe spaces’ and echo-chambers are close phenomena that are quite similar in a communicative sense. However, in terms of political discourse, they are almost polar categories since the former are used to label communities of ‘real victims’ while the latter are used to label the dominant class who pretend to be ‘real victims’. Gibson has found that in ‘safe spaces’ both moderator’s removal of posts and self-removal of posts under group pressure are faster than in other groups. He also has found that in ‘safe spaces’ users are less crude than in spaces of the public sphere (Gibson, 2019).

The virtual communities became an integral part of the media space today heavily participating in the process of the mediatization of politics. Mediatization is the process when the media transform other institutions because they need to adapt to the formats of the media (Kantola, 2014). Without successful information support, social organizations quickly lose their social positions (Aelst, 2012). This means that social actors tend to behave like the media and adjust their activities trying to look attractive to their audiences (Holtz-Bacha, 2004). Schulz claims that mediatization takes place through a step-by-step process: ‘first, the media extend the natural limits of human communication capacities; second, the media substitute social activities and social institutions; third, the media amalgamate with various non-media activities in social life; and fourth, the actors and organizations of all sectors of society accommodate to the media logic’ (Schulz, 2004, p. 98). Paradoxically, mediatization relies on the decline of traditional media and is facilitated by the development of new forms of media communication. Today media communication includes not only traditional journalism and mass media but new tools and methods

like user-generated content, blogging, social media marketing, etc. This process is most profitable for digital platforms such as Apple, Amazon, Microsoft, Google, Facebook, Twitter, and other IT-giants have built an infrastructure for social media and media communication.

METHOD AND DATA

In this study, a social network analysis is a main research method (Bastian, 2009). It looks like a social network analysis should be very popular as a tool for research of virtual communities and politics. However, in Russia, there are not so many empirical studies in this field. Some studies care about various aspects of network communication, such as network discourse, hashtags, or verbal aggression (Balakhonskaya, 2018). More rarely, researchers try to create an overall picture of political communication in a networked environment but tend to cover fairly limited geographic segments or topics. For example, S. Suslov's research is focused on the network space of St. Petersburg (Suslov, 2016). Respectfully, E. Schekotin and his colleagues identified opposition groups of 'right-wing radicals' and 'supporters of Alexey Navalny' (Shchekotin et al, 2013), while the work of N. Zilberman and N. Mishankin concentrates on the supporters of the 'Soviet idea' (Mishankina & Zilberman, 2017). There is a good study of the political blogosphere in Russia by B. Etling with colleagues (Etling et al., 2010). Unfortunately, this study is really outdated and also centered around Internet blogs and the LiveJournal era, which obviously relates not only to other political times but also to other technical possibilities. However, it is very interesting to find out, if political virtual communities in Russia are divided as mass media into two large sectors of pro-Kremlin and anti-Kremlin supporters (Toepfl & Litvinenko, 2018).

So, the first research question (RQ1) is how to build a sample and determine which groups must be investigated and which must not. In our study, at the time of data collection from VK in July 2019, there were about 190 million groups. The question includes data collection from VK using its open API (application programming interface). This is not a simple task because one needs to build an algorithm for automatic detection of political virtual communities to select them from all political spectrum but excluding insignificant groups. At the same time, we sought to ensure that the result included the most diverse ideological discourses so that in the future we would go on to analyze the characteristics of political discussions. As the initial selection criteria, we took only the largest communities (at least 1000 participants), quite active (at least 1 post in the last month), and suggesting the possibility of discussion (comments included). Since one of the requirements of our sample was the presence of comments, not all the largest VK groups were included in our sample. For example, the 'RosPil' ('War with corruption' group by Alexey

Navalny (<https://vk.com/rospil>) was not included in our sample for commenting was closed there.

The second research question (RQ2) is about the structure of the network or graph of virtual communities that are politically engaged and represent all political spectrum in Russia. We are going to perform a social network analysis of inter-community relations with the Gephi program (<https://gephi.org/>), which is open source software available and proved to be an effective tool for SNA. SNA in itself is a very useful approach for it has great opportunities for visualization which helps to understand the structure of social connections and roles.

The third research question (RQ3) deals with the problem of network segmentation. In other words, does the pro-Kremlin and anti-Kremlin opposition exist in the VK among politicized virtual communities? And, if yes, does this opposition have real significance, and what segment dominates the other? To find this one should apply the modularity test which is a special technique in SNA. The functionality of the modularity test was proposed by Newman and Girvan during the development of clusterization algorithms (Newman, 2004). Modularity is a quantitative measure that indicates the presence of distinct communities within a network. If the network's modularity is high, it means it has a pronounced community structure, which, in turn, means that there's a space for plurality and diversity inside.

RESULTS

The first time, created with the help of specialists from the Center for Sociological and Internet Research at St. Petersburg State University, the algorithm automatically generated a list of 19,243 groups and pages that met the initial requirements for activity and matching keywords. Manual verification of data in a short time was unreasonable. Therefore, the criteria were somewhat tightened: pages were turned off from the search (only groups were left), the period of activity was reduced (up to 10 days) and the number of subscribers was increased (up to at least 4000 people). As a result of these manipulations, we expected a significant decrease in the total number of groups. And so it happened. The second time the search returned 2693 groups, which were manually evaluated. Nominal communities were excluded from the sample, in which the discussion in the comments was either absent or extremely volatile. Numerous communities were excluded from the sample, which, despite the formal presence of keywords, were not politicized. As a result of manual screening, we only had 65 groups, which, nevertheless, formed a sample in which all the necessary ideological segments were represented. And what is most interesting, in each political segment there were several communities at once. Thus, a spontaneous quotation of the sample occurred.

The second part of the sample was also generated using the built-in group search mechanism in the VK. The choice of groups was dictated by the in-built categories such as 'media', 'hobbies' (politics), 'political parties', and 'public organizations'. The criteria for activity and the number of subscribers were the same as in the first part of the sample. When choosing groups in the 'Media' category, we use ratings the media-metrics from 'Medialogy' (www.mlg.ru) and 'MediaScope' (<http://mediascope.net>). It turned out that not all major media outlets have official groups in the VK, which we could attribute to virtual communities that would satisfy all the requirements. Some political parties have also been added, but which were not selected by keywords. For example, the LDPR community cannot be found in the search by the keyword 'party' for it is an abbreviation of Liberal-Democratic Party of Russia. For the most interested readers, we suggest a complete list of groups and their segmentation by ideological areas are presented in Figure 1, which is available on the Internet at Github (<https://github.com/bkv-lab/vk-virt-com-2019/blob/master/sample.csv>).

Let us repeat that the data were collected in July 2019. The sample includes 115 virtual communities of the largest Russian social network VK. The sample consists of the virtual communities which belong to the recognized ideological discourses: liberal, conservative, social democratic, communist, nationalist, anarchist, feminist, green discourses. As well, it contains the significant 'institutional' communities, which represent the established groups around such institutions as public authorities, political parties, public organizations, and the media. Thus, our sample consisted of two parts: discursive (part 'A') and institutionalized (part 'B'). As a result, we have a representative sample of virtual communities in the VK. The groups in our sample totaled from several thousand to several million members. For example, the RIA Novosti group in VK counted 2 million 407 thousand 319 subscribers, and the 'Lentach' group - 2 million 125 thousand 808 subscribers.

In the resulting indirect graph, the total number of vertices was 115 (according to the number of politicized communities), the total number of edges was 6523. The average length of the path between the nodes was only 1.005, and the diameter of the graph is 2, which indicates a high interconnection between groups. The graph density coefficient was 0.995, which, in our opinion, should be interpreted as a high indicator. The average vertex degree was 113.44, which means that each node is connected to almost all other vertices. This emphasizes the sufficiently high connectivity of the resulting graph. At the same time, the modularity coefficient is only 0.2, which may indicate a low degree of potential clustering of the graph of politicized communities. Thus, the key metrics indicate that this sample represents all groups of political activists in the VK.

Moreover, most of the central groups are related to the media. Channel One, RIA Novosti, Lentach, Meduza, Ekho Moskvy, Vedomosti, RBK, and other media outlets dominate the graph and form the strongest links. The media have the maximum communication resources to attract the attention of users, while other institutionalized groups such as political parties, ministries, and other official structures can be promoted through organizational resources. Not all visualization results seem clear at first glance. Thus, the 'Yabloko' political party and 'Partiya Rosta' groups are located on the very edge of the graph, almost as far from the center as the Russian Monarchist Movement and the Monarchist Party of Russia. This seemingly surprising fact can be explained quite simply if we look at the number of subscribers and the intensity of communication in groups that were at approximately the same level at the time of the study. Most of the politicized virtual communities from Part 'A' belong to the category of marginal or, speaking more accurately and in terms of the social network analysis, peripheral.

To answer RQ3 we run modularity test. In our case, if the modularity value is 0.51, we can see the formation of two large segments or clusters in graph. 62.61 % of the communities belongs to the pro-Kremlin ('patriotic') segment, the remaining 37.39 % belongs to the anti-Kremlin ('opposition') segment. This segmentation reminds the division of the information space of Russia into two large sectors described by Toepfl (2018). This modularity test explains why some virtual communities from Part 'A' of the sample are in the center of the graph: some of them managed to be in the center of the graph because of their correspondence to the political mainstream or to such an ideological discourse, which can be generally called state-patriotic.

CONCLUSION

The last part of the paper describes some opportunities and limitations of the network analysis for studying politicized virtual communities. It is quite obvious that to build a sample of politicized virtual communities in the VK is a non-trivial task. On the one hand, the sample should not be too large, as this will create very large requirements for data uploading and the need for serious computing power. On the other hand, it is necessary to create such an algorithm that would cover the whole spectrum of political views and ideologies. So, it is understandable that there are not so many attempts to create a big visualization of the virtual space. Our study has been done only with the support of the resource center. Also, the presented technique has serious limitations caused by the VK search mechanism, which works only for the names of groups. However, the use of the keyword method is quite possible and gives a positive result.

Secondly, under our definition of virtual communities, our sample has only groups with active communication between members about common topics and issues with a significant number of comments to each post. Politics is implemented through the process of political communication. The discursive practices characterize the essence of modern political processes. A network analysis of the politicized virtual communities of Russia in the VK confirms this trend since there are media groups in the center of the graph. It means that the process of mediatization goes steadily.

Unfortunately, the social network approach is not able to bring the essence of communication in virtual communities. It is good for revealing the structure of the political landscape and to some degree for the understanding of social-demographic characteristics of political communities. To find some useful information about real discursive practices in virtual communities one needs to apply discursive analysis. Also, there is a big problem of selective moderation which is a part of modern communication practices and an integral part of the concept of echo chambers that challenges the theory of the public sphere. The SNA in case of detecting selective moderation is not applicable. So, undertaken application of network analysis indicates the importance of system approach and multi-dimensional methodological toolkit.

ACKNOWLEDGMENT

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31 001. We would like to express our gratitude to the Center for Sociological and Internet Research at Saint Petersburg State University for helping us to retrieve data from the VK.

References

- Balakhonskaya, L., & Bykov, I. (2018). Virtual aggression in political blogs of the 'Echo of Moscow'. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 15(3), 492–506. doi: 10.21638/spbu09.2018.313 (In Russian).
- Bastian, M., Heymann, S., & Jacomy, M. (2009). Gephi: An Open Source Software for Exploring and Manipulating Networks. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 3(1), 361–362. Retrieved from <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/13937>
- Boutyline, A., & Willer, R. (2017). The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. *Political Psychology*, 38(3), 551–569. doi: <https://doi.org/10.1111/pops.12337>
- Castells, M. (2015). *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press.

- Click, M. A. (2019). *Anti-Fandom: Dislike and Hate in the Digital Age*. New York: NY University Press.
- Etling, B., Alexanyan, K., Kelly, J., Faris, R., Palfrey, J., & Gasser, U. (2010, October 18). Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization | Berkman Klein Center. Retrieved from Berkman Center Research Publication website: https://cyber.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere
- Gibson, A. (2019). Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces. *Social Media + Society*, 5(1). doi: 10.1177/2056305119832588
- Habermas, J. (2015). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Massachusetts: John Wiley & Sons.
- Harsin, J. (2017). Trump l'Œil: Is Trump's Post-Truth Communication Translatable? *Contemporary French and Francophone Studies*, 21(5), 512–522. doi: 10.1080/17409292.2017.1436588
- Herring, S. (2004). *Computer-mediated Discourse Analysis: An Approach to Researching Online Communities. Designing for Virtual Communities in the Service of Learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Holtz-Bacha, C. (2004). Germany: How the Private Life of Politicians got into the Media. *Parliamentary Affairs*, 57(1), 41–52. doi: 10.1093/pa/gsh004
- Kantola, A. (2014). Mediatization of Power: Corporate CEOs in Flexible Capitalism. *Nordicom Review*, 35(2), 29–41. doi: 10.2478/nor-2014-0013
- Langvardt, K. (2018). Regulating Online Content Moderation. *Georgetown Law Journal*, 106(5), 1353–1366. Retrieved from <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/glj106&id=1367&div=&collection=>
- Martyanov, D. (Ed.). (2019). *Manageability and discourse of virtual communities in the context of post-factual politics*. St Petersburg: ElecSys. (In Russian).
- Martyanov, D., & Bykov, I. (2017). Ideological Segregation in the Russian Cyberspace: Evidences from St. Petersburg. In D. A. Alexandrov, A. V. Boukhanovsky, A. V. Chugunov, Y. Kabanov, & O. Koltsova (Eds.), *Communications in Computer and Information Science* (pp. 259–269). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-69784-0_22
- Mishankina, N., & Zilberman, N. (2016). “Soviet” in the Space of Social Networks: A Form of Political Reflection. In A. V. Chugunov, R. Bolgov, Y. Kabanov, G. Kampis, & M. Wimmer (Eds.), *Communications in Computer and Information Science* (pp. 45–50). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-49700-6_6
- Newman, M. E. J., & Girvan, M. (2004). Finding and evaluating community structure in networks. *Physical Review E*, 69(2), 026113. doi: 10.1103/PhysRevE.69.026113
- Rheingold, H. (2000). *The Virtual Community, revised edition: Homesteading on the Electronic Frontier*. Cambridge: MIT Press.
- Schulz, W. (2004). Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication*, 19(1), 87–101. doi: 10.1177/0267323104040696

- Shchekotin, E. V., Goyko, V. L., Baryshev, A. A., & Kashpur V. V. (2017). Influence of parliamentary elections on mobilization of opposition in Russia. *Science Bulletin of Siberia*, (3), 90–107. Retrieved from <http://sjs2.tpu.ru/journal/article/view/1576> (In Russian).
- Suh, K.-S., Lee, S., Suh, E.-K., Lee, H., & Lee, J. (2018). Online Comment Moderation Policies for Deliberative Discussion—Seed Comments and Identifiability. *Journal of the Association for Information Systems*, 19(3), 182–208. Retrieved from <https://aisel.aisnet.org/jais/vol19/iss3/2>
- Sunstein, C. R. (2009). *Going to Extremes: How Like Minds Unite and Divide*. Oxford University Press.
- Suslov, S. (2016). Clusters of St. Petersburg political online communities in VKontakte. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, (4), 69–87. doi: 10.21638/11701/spbu12.2016.405 (In Russian).
- Toepfl, F., & Litvinenko, A. (2018). Transferring control from the backend to the frontend: A comparison of the discourse architectures of comment sections on news websites across the post-Soviet world. *New Media & Society*, 20(8), 2844–2861. doi: 10.1177/1461444817733710
- Van Aelst, P., Sheafer, T., & Stanyer, J. (2012). The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism: Theory, Practice & Criticism*, 13(2), 203–220. doi: 10.1177/1464884911427802
- Wellman, B. (1998). *Networks In The Global Village: Life In Contemporary Communities*. Routledge.
- Yun, G. W., Park, S.-Y., Holody, K., Yoon, K. S., & Xie, S. (2013). Selective Moderation, Selective Responding, and Balkanization of the Blogosphere: A Field Experiment. *Media Psychology*, 16(3), 295–317. doi: 10.1080/15213269.2012.759462
- Zheng, S. (2020). Chinese Fans' Patriotism Creating Quandary in the Digital Media Era. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(4), 87–111. doi: 10.46539/gmd.v2i4.87

Список литературы

- Bastian, M., Heymann, S., & Jacomy, M. (2009). Gephi: An Open Source Software for Exploring and Manipulating Networks. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 3(1), 361–362. Retrieved from <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/13937>
- Boutyline, A., & Willer, R. (2017). The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. *Political Psychology*, 38(3), 551–569. doi: <https://doi.org/10.1111/pops.12337>
- Castells, M. (2015). *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press.
- Click, M. A. (2019). *Anti-Fandom: Dislike and Hate in the Digital Age*. New York: NY University Press.

- Etling, B., Alexanyan, K., Kelly, J., Faris, R., Palfrey, J., & Gasser, U. (2010, October 18). Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization | Berkman Klein Center. Retrieved from Berkman Center Research Publication website: https://cyber.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere
- Gibson, A. (2019). Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces. *Social Media + Society*, 5(1). doi: 10.1177/2056305119832588
- Habermas, J. (2015). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Massachusetts: John Wiley & Sons.
- Harsin, J. (2017). Trump l'Œil: Is Trump's Post-Truth Communication Translatable? *Contemporary French and Francophone Studies*, 21(5), 512–522. doi: 10.1080/17409292.2017.1436588
- Herring, S. (2004). *Computer-mediated Discourse Analysis: An Approach to Researching Online Communities. Designing for Virtual Communities in the Service of Learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Holtz-Bacha, C. (2004). Germany: How the Private Life of Politicians got into the Media. *Parliamentary Affairs*, 57(1), 41–52. doi: 10.1093/pa/gsh004
- Kantola, A. (2014). Mediatization of Power: Corporate CEOs in Flexible Capitalism. *Nordicom Review*, 35(2), 29–41. doi: 10.2478/nor-2014-0013
- Langvardt, K. (2018). Regulating Online Content Moderation. *Georgetown Law Journal*, 106(5), 1353–1366. Retrieved from <https://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/glj106&id=1367&div=&collection=>
- Martyanov, D., & Bykov, I. (2017). Ideological Segregation in the Russian Cyberspace: Evidences from St. Petersburg. In D. A. Alexandrov, A. V. Boukhanovsky, A. V. Chugunov, Y. Kabanov, & O. Koltsova (Eds.), *Communications in Computer and Information Science* (pp. 259–269). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-69784-0_22
- Mishankina, N., & Zilberman, N. (2016). “Soviet” in the Space of Social Networks: A Form of Political Reflection. In A. V. Chugunov, R. Bolgov, Y. Kabanov, G. Kampis, & M. Wimmer (Eds.), *Communications in Computer and Information Science* (pp. 45–50). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-49700-6_6
- Newman, M. E. J., & Girvan, M. (2004). Finding and evaluating community structure in networks. *Physical Review E*, 69(2), 026113. doi: 10.1103/PhysRevE.69.026113
- Rheingold, H. (2000). *The Virtual Community, revised edition: Homesteading on the Electronic Frontier*. Cambridge: MIT Press.
- Schulz, W. (2004). Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication*, 19(1), 87–101. doi: 10.1177/0267323104040696
- Suh, K.-S., Lee, S., Suh, E.-K., Lee, H., & Lee, J. (2018). Online Comment Moderation Policies for Deliberative Discussion—Seed Comments and Identifiability. *Journal of the Association for Information Systems*, 19(3), 182–208. Retrieved from <https://aisel.aisnet.org/jais/vol19/iss3/2>

- Sunstein, C. R. (2009). *Going to Extremes: How Like Minds Unite and Divide*. Oxford University Press.
- Toepfl, F., & Litvinenko, A. (2018). Transferring control from the backend to the frontend: A comparison of the discourse architectures of comment sections on news websites across the post-Soviet world. *New Media & Society*, 20(8), 2844–2861. doi: 10.1177/1461444817733710
- Van Aelst, P., Sheafer, T., & Stanyer, J. (2012). The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism: Theory, Practice & Criticism*, 13(2), 203–220. doi: 10.1177/1464884911427802
- Wellman, B. (1998). *Networks In The Global Village: Life In Contemporary Communities*. Routledge.
- Yun, G. W., Park, S.-Y., Holody, K., Yoon, K. S., & Xie, S. (2013). Selective Moderation, Selective Responding, and Balkanization of the Blogosphere: A Field Experiment. *Media Psychology*, 16(3), 295–317. doi: 10.1080/15213269.2012.759462
- Zheng, S. (2020). Chinese Fans' Patriotism Creating Quandary in the Digital Media Era. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(4), 87–111. doi: 10.46539/gmd.v2i4.87
- Балахонская, Л. В., & Быков, И. А. (2018). Виртуальная агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 15(3), 492–506. doi: 10.21638/spbu09.2018.313
- Мартьянов, Д. С. (Ред.). (2019). *Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды*. Санкт-Петербург: ЭлекСис.
- Суслов, С. И. (2016). Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «ВКонтакте». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, (4), 69–87. doi: 10.21638/11701/spbu12.2016.405
- Щекотин, Е. В., Гойко, В. Л., Барышев, А. А., & Викторович, К. В. (2017). Влияние парламентских выборов в России на мобилизацию сторонников непарламентской оппозиции. *Вестник науки Сибири*, (3), 90–107. Извлечено от <http://sjs2.tpu.ru/journal/article/view/1576>

MEDIA FRAMING OF PRESIDENT MUHAMMADU BUHARI'S HUMAN RIGHTS ABUSES: A STUDY OF *THE PUNCH*, *VANGUARD*, *THE NATION* AND *DAILY TRUST* NEWSPAPERS

Silas Udenze (a), Barth Oshionebo (b), Stanislaus O. Iyorza (c)

(a) University of Abuja. Abuja, Nigeria. Email: [udenzes\[at\]gmail.com](mailto:udenzes[at]gmail.com)

(b) University of Abuja. Abuja, Nigeria. Email: [oshionebo.barth\[at\]uniabuja.edu.ng](mailto:oshionebo.barth[at]uniabuja.edu.ng)

(c) University of Calabar. Calabar, Nigeria. Email: [starmorji\[at\]yahoo.com](mailto:starmorji[at]yahoo.com)

Abstract

This study explores how four Nigerian newspapers framed President Muhammadu Buhari's administration and its human rights campaign. Using newspaper editorials published in *The Punch*, *The Nation*, *Daily Trust*, and *Vanguard* newspapers of December 2019 as the object of analysis, the paper draws on the methodological context of such framing to investigate how the selected newspapers framed the human rights situation in Nigeria. This study asserts that those newspapers' editorials used varieties of framing methods, namely: "unrepentant dictator frame", "resistance frame", "indifference frame", "warning frame", and "sympathetic" frame to portray the government's disposition to human rights issues. Furthermore, the paper reveals that the Nigerian media is partisan when it comes to the struggle against human rights while their positions on national issues like the fight against human rights abuse are subject to ethnic and political influences, as evident in the *Daily Trust* editorial. The study also revealed that editorials can be used as essential tools to curtail the excess of government, precisely, to fight against the abuse of human rights. Finally, the paper recommends that newspaper publishers should limit their editorial influences in day-to-day administration of news outlet to engender objectivity, news balance and accuracy in order not to exacerbate the socio-political situation in a multi-ethnic society such as Nigeria.

Keywords

editorial; framing; human right; newspaper; Nigeria

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОСВЕЩЕНИЕ В СМИ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СО СТОРОНЫ ПРЕЗИДЕНТА МУХАММАДУ БУХАРИ: НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТ *THE PUNCH*, *VANGUARD*, *THE NATION* И *DAILY TRUST*

Удензе Силас (а), Ошионебо Барт (b), Йорза Станислаус (с)

(а) Университет Абуджы. Абуджа, Нигерия. Email: [udenzes\[at\]gmail.com](mailto:udenzes[at]gmail.com)

(b) Университет Абуджы. Абуджа, Нигерия. Email: [oshionebo.barth\[at\]uniabuja.edu.ng](mailto:oshionebo.barth[at]uniabuja.edu.ng)

(с) Университет Калабара. Калабара, Нигерия. Email: [starmorji\[at\]yahoo.com](mailto:starmorji[at]yahoo.com)

Аннотация

В этой статье исследуется, как четыре нигерийские газеты освещали деятельность администрации президента Мухаммаду Бухари и ее кампанию за права человека. Используя в качестве объекта анализа передовые статьи, опубликованные в газетах *The Punch*, *The Nation*, *Daily Trust* и *Vanguard* за декабрь 2019 года, статья опирается на методологический контекст примененных способов освещения материала, чтобы изучить, как определенные газеты поставили под угрозу (скомпрометировали) борьбу за права человека в Нигерии. В этом исследовании утверждается, что в передовых статьях этих газет использовались различные методы освещения материала (фрейминг), а именно: позиционирование смысловых рамок «нераскаившегося диктатора», «сопротивления», «безразличия», «предостережения» и «сочувствия», чтобы отобразить отношение правительства к вопросам о правах человека.

Кроме того, в статье показано, что нигерийские СМИ позиционируют себя патриотичными, когда речь идет о баталиях, направленных против прав человека (вообще), в то время как их позиции по национальным вопросам, таким как борьба с нарушениями прав человека, подвержены этническим и политическим влияниям, как это видно из передовой статьи *Daily Trust*. Исследование также показало, что редакционные статьи могут использоваться в качестве важных инструментов для ограничения чрезмерной власти правительства; речь идет о борьбе с нарушениями прав человека. Наконец, статья рекомендует издателям газет ограничить свое редакционное влияние в повседневном управлении новостными выпусками, чтобы обеспечить объективность, сбалансированность новости и точности, дабы не усугубить социально-политическую ситуацию в полиэтничном обществе, таком как Нигерия.

Ключевые слова

редакционная статья (передовица); фрейминг (способ освещения материалов); права человека; газета; Нигерия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

The main function of the media is to inform the populace of happenings within their surroundings continually. Let us imagine a society without this essential function of the media; in fact, your guess is good as mine. The media is often described as the “watchdog” of the society: when it barks the people scamper to enquire what has happened or is happening. The media occupies a pivotal position in world affairs. As an essential agent of society, it serves the public by providing basic knowledge and information about events that affect them (Mboso & Ezeh, 2019). The media is an integral part of governance in issues regarding human rights. The mass media have a function to perform in raising awareness about issues and calling attention to whatever threatens human rights. The media in Nigeria is part of the social institutions that influence events in the country through different media of coverage – print, broadcast, electronic, and even social media (Chime-Nganya, Ezeogu, & Ezeji, 2017). Mboso and Ezeh (2019) believe that an important print medium of communication, newspapers, provide analyses, debates, and criticism of socio-political, economic, health, and a host of other issues to inform, educate and entertain readers. Besides, newspapers as medium provide the needed background relevant to the news stories, details in the events-oriented phenomenon, and analysis of the critical situation (Okorie & Oyedepo, 2011).

The permanency, depth, and variety of reporting attributed to print media have made information recall – with more lasting impact – possible because they remember its messages and use them for their daily purposes and in decision making (Mboso & Ezeh, 2019). Furthermore, not only do people acquire factual information about public affairs from newspapers, but readers also learn how much attention should be paid to a topic based on how the message is framed and what emphasis is placed on it in a newspaper.

Towards the end of 2019, particular issues that raised debates and controversies through media interpretation and counter-interpretations is The Punch’s editorial of December 11, 2019, where the paper accused the President Muhammadu Buhari of human right abuse. Below is the lead from The Punch editorial:

Headline: Buhari’s Lawlessness: Our stand

As a symbolic demonstration of our protest against autocracy and military-style repression, PUNCH (all our print newspapers, The PUNCH, Saturday PUNCH, Sunday PUNCH, PUNCH Sports Extra, and digital platforms, most especially Punchng.com) will henceforth prefix Buhari’s name with his rank as a military dictator in the 80s, Major General, and refer to his administration as a regime, until they purge themselves of their insufferable contempt for the rule of law.

In response to the above editorial, On December 19, 2019, *Daily Trust*, another daily newspaper counters *The Punch* editorial, outlining its reasons for its stand:

Editorial Headline: That Punch editorial

...we believe that PUNCH went overboard in its reaction. It has the right to take a position on any issue, but to describe an elected government as a 'regime' and to refuse to recognize the president by his statutory title is an attempt to delegitimize an elected president and the government he heads. While it is sometimes difficult, by the nature of newspapers, to draw a sharp dividing line, PUNCH's stand crossed the boundary between journalism and activism and could cause problems for proper journalism practice in the future. Government, too, could retaliate and describe us not as newspapers or journalists but as opposition activists and detractors. Such a stance would impair and harm the pursuit of good journalism...

Other two newspapers, *The Nation* and *Vanguard* also presented their opinions on the subject matter. *The Nation* in its editorial of 15 December 2019 entitled "Unnecessary Distraction" condemned the acts of human rights abuse by the Buhari administration. Also, on December 24, 2019, a day after the release of Mr Omoyele Sowore and retired colonel Sambo Dasuki, *Vanguard* newspaper in its editorial, "At last, freedom for Dasuki, Sowore" reiterated how it has warned the president regarding the dwindling human rights abuse in the country. The authors purposively chose the month of December 2019 and the different newspapers and their editorials because of the period; the period witnessed heated accusations and counter-accusations.

This study investigates how the editorials of four national dailies framed this issue, in order to contribute to this research area by providing a proper understanding of the relationship that exists between the Nigerian press and the government and how the Nigeria press has mirrored the government in the eyes of the masses.

Framing is mainly about what information is genuinely salient; "to frame" means to select significant aspects of a particular reality and make them more salient within a news story (Entman, 1993). How news media reports a particular issue can influence and shape public opinion and debate. Consequently, the frame of news reporting and information conveyed to a large extent determines how the target audience interprets and feels about a particular issue, and what attitudes they have about the issue in question (Scheufele & Tewksbury, 2007).

OBJECTIVES OF THE RESEARCH

1. To ascertain what types of frames are portrayed in the newspapers editorials.
2. To investigate the indifferences in the frames of the editorials.
3. To determine whether there are ethnic/regional inclinations in the frames.

RESEARCH QUESTIONS

The following research questions guide the study. Also, the study provides answers to the research questions:

1. What types of frames do the editorials of the newspapers portray?
2. Are there differences in the frames found in the editorials of the newspapers?
3. Are there ethnic/regional inclinations in these frames?

CONCEPTUAL FRAMEWORK: HUMAN RIGHTS

According to Ofoegbu (2013), the earliest documents that assert individual rights such as the Magna Carta (1215), the English Bill of Rights (1689), the French Declaration on the Rights of Man and Citizen (1789) and the United States Constitution and Bill of Rights (1791) are the written precursors to many of today's human rights documents. In 1948, the United Nations General Assembly adopted and proclaimed the Universal Declaration of Human Rights. The ontological essence of man ascertains he is a being with value. The recognition of this intrinsic dignity and value shows the imperative inalienable rights of human beings. Those inviolable rights are the bases for justice and peace on earth. If the rights are neglected and disregarded, human existence will degenerate into barbarous acts that are antithetical to the human conscience.

Human rights then are inviolable, inalienable fundamental rights that a human person possesses inherently simply because he or she is a human being. Human rights are perceived as universal; that is, it is for every person. Riding on the context and the overriding objective sought, good governance has been said at various times to encompass full respect for human rights ('OHCHR | Resolutions on Good Governance and Human Rights', 2012). Obiorah and Onwughalu (2018) write that democratic governance is the process of establishing and sustaining an environment for participatory and responsive political processes and respect for the rights of the citizens.

It is paramount to state that the whole of Chapter Four of Nigeria's 1999 Constitution as Amended was devoted to fundamental human rights provisions. Besides, according to Amnesty International 2019 Report on Nigeria,

the country has ratified 12 out of 16 United Nations Human Rights Instruments, and the regional level, Nigeria, has also ratified 6 out of 9 African Union Human Rights Instruments. However, there is an excellent disparity at the level of sincerity that these rights are protected by different countries. The above statement prompted Ranney (1975) to remark that, “the mere presence of formally guaranteed rights in any nation’s constitution means at least that the framers, for whatever reason, deemed it desirable to pay at least lip-service and perhaps more to the idea of the rights of men”.

HUMAN RIGHTS, THE MEDIA, AND PRESIDENT MUHAMMADU BUHARI ADMINISTRATION

An enduring legacy of the Buhari military era (1983-1985), was the introduction of the War Against Indiscipline (WAI) which sought to inculcate public order and discipline, enthrone civic responsibility and curb lawlessness among Nigerians, which began with citizens adhering to proper queuing at bus stations and supermarkets under the watchful eyes of soldiers with horse-whips (Abubakre, 2017). As Head of State, Buhari promulgated the infamous Decree Number 4 of 1984, the Protection Against False Accusation Decree, which most scholars considered to be the most repressive media law ever enacted in the country. In tandem with Decree Number 4, there was a Decree Number 2, which vested vast powers of the Chief of Staff to arrest and detain without charges persons deemed to be a security risk to the nation for up to three months. Ogbondah (2011), however, notes that it was the trial and imprisonment of two journalists of *The Guardian* newspapers, Tunde Thompson and Nduka Irabor, which marked a critical turning point in the state-press relations during the Buhari regime.

Human rights records of past governments in Nigeria were apparently tainted by infractions and violations no doubt; however, the expectations of the masses were heightened by the change mantra of the current government regarding the protection of the rights of Nigerians under the present dispensation. In a democratic environment, the rule of law protects the rights of individuals, preserves order, and limits the powers of government. The reverse seems to be the situation in Nigeria; human rights are not respected. Extra-judicial killing, unlawful detention, and other series of human rights abuses are still prevalent (Obiorah & Onwughalu, 2018). A Report by the United States Government published on the *Premium Times* of March 26, 2018, described Nigeria as a nation where corruption, official impunity, and gross human rights violations occur at will. According to the report, the terrorist group, Boko Haram, and the Nigerian Government are the worst culprits of human rights abuses in the country.

Freedom House's (2018) annual survey of media independence describes Nigeria media landscape as "partly free". A large and vibrant private domestic media outlet frequently criticized the government, but critics reported being subjected to threats, intimidation, and sometimes violence. Security services, including the State Security Service (SSS) and police, occasionally arrest and detain journalists who criticized the government. Besides, army personnel, in some instances, threatened civilians who provide or were perceived to have provided information to journalists or NGOs on illegalities by the military ('Country Reports on Human Rights Practices', 2018). It is not a surprise that Reporters Without Borders (2019), ranks Nigeria as 120/180 countries in the 2019 World Press Freedom Index. The country is ranked 119 in the 2018 index. This indicates the decaying state of press freedom and human rights in the country.

On August 14, 2018, police arrested and detained *Premium Times* journalist, Samuel Ogundipe. The *Premium Times* had published a classified report submitted by Inspector General of Police Ibrahim Idris to Vice-President Yemi Osinbajo over State Security Service (SSS) conduct in barring the entrance to the National Assembly complex, reportedly in a bid to arrest Senate President Bukola Saraki. The police insisted Ogundipe reveal the source of the article, which he refused to do. He was released on bail on August 17, 2018 ('Country Reports on Human Rights Practices', 2018). In a public statement, the *Premium Times* reports, Ogundipe was secretly arraigned before a magistrate court without any legal representation and charged with criminal trespass and theft from the police. After about two years of incommunicado detention by the SSS without trial, access to a lawyer, or family visitation, a publisher of Bayelsa State-based tabloid, the *Weekly Source*, Jones Abiri, was released on bail in August 2018. The Committee to Protect Journalists (CPJ) (2018) reports that Abiri was charged of being a member of a Niger Delta militant group but was not officially charged and said Abiri's detention was in response to an essential coverage from the July 2016 edition of the *Weekly Source*. United States Department of State Country Reports on Human Rights Practices (2018) opines that following an open letter from the CPJ and remarkable public outcry, Abiri was arraigned and eventually released on bail. According to the journalist, he was blindfolded, held in an underground prison for most of the two years without medical access. Human Rights Watch (2019) writes that the government reintroduced a hate speech bill on November 12, 2019, that would have made the death penalty a possible punishment for hate speech. The death penalty provision was later deleted from the bill following immense public pressure.

Famous Shiite Islamic scholar and founder of the Islamic Movement of Nigeria (IMN), El ZakZaky, has been in detention since December 2015 when

the Nigerian army and his followers had a confrontation in Zaria, Kaduna, state. Ever since, the group has had ugly confrontations with the country's security agents. In 2016, the court ordered his release, but it was not granted. In 2019, he was granted bail to seek medical attention abroad, but he returned after three days on the accusation of inhuman treatment and stringent security restrictions deployed at the medical facility. Similarly, a former National Security Adviser, Colonel Sambo Dasuki was arrested in December 2015 on the allegation of diverting state funds. Several courts granted bail to the accused, but the Federal Government disregarded the courts' pronouncements (See Figure 1). These resulted in numerous media outcry for the need for the government to respect the law. Coincidentally, the Federal Government released Colonel Sambo Dasuki and Omoyele Sowore, a Nigerian-American and the publisher of Sahara Reporters 13 days after *The Punch* editorial in the current study was published ('That PUNCH Editorial', 2019). Before now, Sowore was released on bail and was immediately arrested in court the next day, where he was scheduled to fulfill his bail condition ('DSS Re-Arrests, Detains Sowore', 2019). Sowore was picked up by the SSS on August 9, 2019, on the allegation of treason for calling for protest tagged "Revolution Now". Though the Federal Government claimed that they were released on compassionate grounds, media watchers believe that it was the result of constant media reportage. There are other journalists that are currently in detention for merely writing about the government, like the publisher of a privately owned news website *Cross River Watch*, Agba Jalingo ('Nigerian Publisher Agba Jalingo Charged with Treason', 2019).

There was an alarming legislative interest and calls for the regulation of social media due to the perceived concerns that it plays a role in accelerating rural and electoral violence. Before now, the National Assembly passed the Digital Rights and Online Freedom Bill in December 2017. The law seeks to provide fundamental digital freedoms and protections for citizens but was not expected, to clarify what constitutes hate speech ('Country Reports on Human Rights Practices', 2018). The government proposed the controversial bill tagged "Protection from Internet Falsehood and Manipulation Bill 2019". The bill forbids statements on social media deemed likely to be inimical to national security and those which may disparage the confidence of the masses in the government. It proffers that these offenses be punishable by a fine, a prison sentence of up to three years, or both. The bill also seeks to permit law enforcement agencies to order internet service providers to disable internet access (Ewang, 2019). A bill to control social media was first examined in 2015 but failed to pass into law after similar public outbursts. However, in the same year, the Cybercrimes law was ratified, criminalizing a broad range of online interactions.

METHODOLOGY

The study investigates four Nigerian dailies, *The Punch*, *The Nation*, *Daily Trust*, and *Vanguard*. While it is pertinent to reiterate the Southwest region enjoys a heavy concentration of media organizations by virtue of the economic status of Lagos as the commercial hub of the country, it must be mentioned that newspaper ownership in Nigeria is domiciled mostly in the South-South region of Nigeria and President Muhammadu Buhari is from the dominant northern region. Ciboh (2007) observes that the history of the Nigerian media is apparently linked to the Christian missionaries that arrived in the country through the Southern region. Nigeria's first newspaper, *Iwe Iroyin fun Awon Ara Egba ati Yoruba* (Newspaper for the Igbo and Yoruba), was established by Reverend Henry Townsend, a British missionary in 1859 to propagate evangelism although the paper later went into political issues of that time.

Ownership can also be traced to ethnic regionalism as observed during the colonial period when Nigerian nationalists used the press to champion Nigeria's independence as well as partisan politics in which nationalists were deeply involved in the post-independence period in a bid to sway public opinion. Daramola (2015) argues that media practitioners (Nnamdi Azikiwe, Obafemi Awolowo, Ernest Ikoli, Lateef Jakande, Moshood Kashimawu Abiola, etc.) were themselves politicians, noting that the first set of politicians who established political parties were newspaper publishers. Hence, for the current study, there is *The Punch* and the *The Nation* for the South-West region, *Daily Trust* for the northern region, *Vanguard* portrays nationalistic and neutral features.

All four newspapers have an online presence that can be accessed from any part of the globe. The newspapers' editorials were published in December 11, 15, 19, and 24 of 2019, respectively. As stated earlier, for convenience sake, the unit of analysis is the newspaper editorials published by the newspapers ($n = 4$). The selected sample was analyzed textually to examine the pattern of framing employed by each newspaper editorial as it concerns President Muhammadu Buhari's administration and its human rights challenge. The authors read each editorial at a minimum of five times each, while we searched for frames that best describes them. Besides, we adopted Ayres, Kavanaugh and Knafli (2003) within-case and cross-case qualitative approach to study the editorials. These methods allow the researchers to immerse themselves and also compare significant statements in each editorial while studying and reading them.

REVIEW OF RELATED WORK

In a study of print media reportage of crisis, Ikenna (2008), employing the content analytical method, discovered that coverage of crisis by the Nigerian press is nothing but biased discourse orchestrated by sentiments. Furthermore, the study found that print media often reports crises in such a manner that breeds the conflicts. As one of its recommendations, the study cautions the print media to be fair and balance in their reportage of crisis. This assertion was affirmed by Hassan (2009) as he revealed in his study that the print media in Nigeria often relegate objective and fairness to the background whenever they are reporting crisis/conflicts. The study unveiled that the print media report crises in line with the interests of their publishers and ethnic affiliations. Similarly, Njoku (2010) revealed that the print media usually take sides by subjectively covering the conflicts.

In a 2013 study, Olorede, Oyewole, and Azeez employed the methodology of framing in studying press reportage of President Yar'Adua's ill-health in select Nigerian newspapers. The paper found that minimal attention had been given to the coverage of President Yar'Adua's ill-health by Nigerian newspapers. It was also found that the newspapers used emotional image frames to draw public attention and generate concern for the president's ill-health through the use of haggard-looking pictures. The study recommends that Nigerian Press should de-emphasize unnecessary concentration on crisis and sentiments. Odoemelam, Ncube, and Okorom (2014) analyzed frames in news discourse on Nelson Mandela's illness and hospitalization, in a study of Nigerian and Zimbabwean newspapers. The purpose of the study was to determine if there were major differences in frame choice that emerged in the coverage between the countries. The study ascertained that the coverage in the Nigerian newspaper was framed in terms of politics; e.g. Virtues of democracy, ethical leadership, and self-sacrifice as epitomized by Mandela's struggle against the racist apartheid system in South Africa, for which he went to prison for 27 years. The study affirmed that, during the time within which Nelson Mandela was hospitalized, Zimbabwean and Nigerian newspapers framed the event in different manners. The authors recommend the need for cross-national research on the frames adopted by the print media in covering issues across Africa.

In a research entitled "Evaluation of political news reportage in Nigeria's *Vanguard* and *The Guardian*", Brown and Udomisor (2015) investigate how political issues were treated in Nigeria's newspapers, by assessing the proportion of political news to other subject matters, the readers' interest given to political stories and the level of prominence attached to these stories by way of placement and prominence. The methods employed to obtain data for analysis in the study were documentary surveys and content analysis. Findings

revealed that political issues were not given adequate attention in the two newspapers and were mostly tailored towards the government's interests. The paper recommends that the Nigerian newspapers should render vivid and unbiased reporting of political issues, as well as scale-up political contents in its publications as a way of consolidating political consciousness in Nigeria.

Abubakre (2017) studied *The Nation*, *The Punch*, *The Guardian*, *Daily Sun*, and *Daily Trust* editorials on the anti-corruption war on President Buhari's first year anniversary. The scholar found that while all the five newspapers acknowledged that Buhari has given liberty to the different anti-corruption agencies to do their job, the *Daily Trust* newspaper looked at it from a personal perspective. Its editorial reads that: "Buhari's reputation for incorruptibility and his total aversion to corrupt deeds has been cemented nationally and internationally with revelations his regime made of the sordid corruption under his predecessors". Also, *The Nation* newspaper was apparently in support of the president's anti-corruption drive. Further, the study ascertained that while *The Guardian* and *The Punch* editorials suggest that President Buhari's anti-corruption drive appears to be biased, and a battle against a few, *The Daily Sun* identified failure to get a conviction for individuals arraigned for corruption as raising "questions about the president's anti-corruption campaign". The study shows that the Nigerian Press is highly partisan as it pertains to the fight against corruption as it reveals that their position on national issues such as the fight against corruption is subject to ethnic and political influences.

As the reviews have shown, the media has a critical role to play in informing the citizens of political events and issues in society. None of the reviewed studies touched the topic of human rights. Besides, there is a considerable vacuum in the study of newspaper editorial as revealed in the studies reviewed; hence, this study attempts to fill these gaps.

THE POWER OF EDITORIAL IN SOCIETY

Ani and Anyandike (2013) define an editorial as a newspaper's opinion on critical socio-political, economic or legal issues that concern society, which is intended to persuade readers to agree to a particular point of view. Newspaper editorials are the views expressed by newspaper owners and/or editors of the medium. Duyile (2005) defines editorials as comments or arguments in support of a particular policy, an action, or an idea whether expressed or latent. It is the stands of the newspaper on contemporary political, social, or economic issues to inform their readers about what they think on such issues. It is usually written to persuade.

According to Ate (2006), editorial topics cannot emerge from the sky. It must be a current issue that has been reported and discussed in the media.

Such issues must attract public attention and debate. Similarly, Ekeanyanwu and Jokodola (2009) also assert that editorials provoke debate and offer enlightened judgments to readers. Izadi and Saghaye-Biria (2007) note that, unlike news discourse, editorials mirror conversations among a society's economic and power elites, with the public being less of an addressee than spectators. It is therefore correct to say that editorials comprise of news and features elements. Editorials play significant roles in society in line with its relationship with public opinion, social responsibility, and agenda-setting principles. Anim and Sunday (2011) submit that editorials are essential elements in positioning newspapers as a mediator between the masses and the many contending forces in society. It was for this reason that newspapers set aside an identifiable section called the Editorial Page or Opinion Pages for their opinions.

Emery (1962) opines that the obligation of any newspaper to its community is to strive for honest and comprehensive coverage of the news and courageous expression of editorial opinion in support of the basic principles of human liberty and social progress. Editorials condemn or attack socio-political, economic, and moral ills of society. Editorials sometimes perform the function of a human rights activist, raising alarms on blatant abuse or annihilation of specific norms and acceptable social order in the society. Repressive government policies can be criticized by editorials. On the side of the masses, when a part of the society decides, for example, to take laws into its hand, an editorial is bound to attack such an anomaly. Editorials also defend the underdogs in society. In every given society, there exist diverse dimensions of economic groups – the rich, the haves, the have-nots, the powerful and the less powerful, the literate, and the illiterate, amongst others. When the rich, for example, tend to unjustly exploit and oppress the poor, editorials rise up in defense of the latter. The relationship among different members of the society is often monitored by the media, and advocacy roles are played by editorials to defend the course of the wretched of the earth. Given the abundance of literature available on other newspaper research, like audience research, news and features, editorials appear to have been relegated to the background in media discourse research. Elyazale (2014) corroborates this position as she contends that newspaper editorials deserve more consideration in media research given their unique attributes, in terms of their structure, precisely, the language and style used in crafting them.

THEORETICAL FRAMEWORK: FRAMING THEORY

This study employs Framing Theory to explore how select Nigerian newspapers frame their respective editorial positions on President Muhammadu Buhari's administration and its human right saga. This theory suggests

that the way a piece of information is presented (framed) determines the way people comprehend such messages. Baran and Dennis (2009) opine that this theory examines the idea of how people use expectations to make sense of every (any person's) life. The basis for framing theory is that the media focus attention on specific issues and then place them within a field of meaning and interpretation to the masses. This theory is essential to our study because it explains how the editorials contribute in shaping perception of the Nigerian masses. Framing theory helps us to understand that the way Nigerians perceive the issue of Buhari's administration human right saga, to a large extent, is a result of how the media has "framed" their reports with respect to its activities.

Producers of media contents decide where and what to place emphasis on, what type of content is to be used in a story by choice of phrases, images, and positioning (Chime-Nganya et al., 2017). According to Morner and Olausson (as cited in Mboso & Ezeh, 2019), framing is mostly about salient information, meaning that to frame is to select an aspect of perceived reality and make it more important in a communication text in a way that promotes a particular situation's definition, "causal interpretation, moral evaluation, and treatment recommendation" (Entman, 1993). A common characteristic in most approaches to framing is the belief that we do not relate to the world in a direct and unfiltered way, but that we recognize and interpret issues within existing ideas which we have created through other information sources (Mboso & Ezeh, 2019).

Frame analysis has generally been used in studying news media texts (Morner & Olausson, 2017; Abubakre, 2017; Chime-Nganya, Ezegwu & Ezeji, 2017; Mboso & Ezeh, 2019); and it is applicable to a wide range of textual materials (Morner & Olausson, 2017). Frames are discernible in all forms of media: print, electronic, broadcast, and social media, and they convey meaning in the minds of the audience through interactions between readers and the message. McQuail 2005 (as cited in Mboso & Ezeh, 2019) reiterates that there are varying framing devices used in media framing. Employing certain words or phrases, making specific contextual references, giving examples as typical, referring to specific sources amongst others are some examples of techniques which journalists use to frame issues.

THE NEWSPAPERS UNDER STUDY: A BRIEF HISTORICAL OVERVIEW

The Punch

According to nigeriafinder.com there are fifty-one (51) Nigerian newspapers that publish both offline (hardcopy) and online, while ninety-five (95)

newspapers are solely online. All four newspapers under the current study are published both offline and online. Besides, the newspapers were chosen for the study because of their national outlook and geographical spread. Specifically, the dailies were chosen for the study because they were the only newspapers that were engaged in similar editorial banter in respect of the president's approach to human rights issues at the time of the study.

Punch Nigeria Limited was registered in 1970, under the Companies Act of 1968 to commence the business of publishing newspapers, magazines, and other periodicals of public interest. The paper was officially founded between 1971 and 1973 by two close friends, James Aboderin and Sam Amuka. The newspaper is one of Nigeria's most influential daily, with the current print-run estimated at 80,000 copies per day (Abubakre, 2017). The paper clinched the 'Newspaper of the Year' awards in 2015, 2016, and 2017 respectively, for the 'Diamond Awards for Media Excellence' (DAME). It claims to be Nigeria's most widely read newspaper. The paper is private-owned. To large extent, every newspaper has an interest it is projecting or protecting, *The Punch* newspaper is western Nigeria inclined but it is not apparent. It tries to maintain a balanced national outlook. The paper strives to be as liberal as it could; it does not hesitate in condemning or praising the government if the need arises.

The Nation

This paper is published by Vintage Press Limited. There are speculations that *The Nation* is owned by the national leader of the current government in power – All Progressive Congress, Ahmed Bola Tinubu. The paper was launched in 2006. The headquarters of the paper is located in Lagos, south-west, Nigeria. The paper claims not to beholden to any interest group and its loyalty is to the nation. Further, it claims to be the most read newspaper in Nigeria, and also the paper with the most nationalistic outlook.

Daily Trust

Daily Trust is a privately owned newspaper established by the Media Trust Limited in 1998. The Daily Trust, which is highly influential, and the largest circulating in Nigeria's Northern region, was launched in 2001, and its proprietor Kabiru Yusuf is the current President of Newspaper Proprietors' of Nigeria (NPAN). The paper's Mission Statement and Vision, respectively, reads: "To disseminate credible information for the good of all stakeholders" and "A world-class media company that earns public trust". It also publishes a Hausa language newspaper, *Aminiya*. The Hausa language is widely spoken in northern Nigeria; in fact, the language is like the region's lingua franca. Historically, the paper has always been pro-north; it supports the ideologies of the northern part of Nigeria, especially whenever the region is in the helm of affairs of the country.

Vanguard

The paper is published by Vanguard Media Limited. The paper was established in 1984 by Mr. Sam Amuka, a renowned journalist. He was the editor of Sunday Times and the First Managing Director of *the Punch* Newspaper. The first copy of the *Vanguard* hit the newsstands as a weekly paper on Sunday June 3rd, 1984. The paper became daily on July 15, 1984. Today, the paper has on its stable: *the Daily Vanguard*, *Saturday Vanguard* and *Sunday Vanguard*. It has also added other titles that take care of specific interests. They are: *Financial Vanguard*, *Allure*, and *Sweet Crude* among others. It claims that its core values are equity and fairness, integrity, people-centeredness, and Excellence.

FINDINGS AND DISCUSSIONS

The current study focuses on four newspaper editorials: *The Punch*, *The Nation*, *Daily Trust* and *Vanguard*. Starting with *The Punch*, the choice of words in the headline of the article cited below indicates a necessary framing that suggests a problem of human rights abuse in the country. The editorial made references to past situations of human rights abuse under General Muhamadu Buhari when he was a military Head of State in 1984/85; hence, the frame “**Unrepentant Dictator**”.

...Major General Muhammadu Buhari (ret'd) ran a ham-fisted military junta in 1984/85 and old habits obviously run deep... This situation is eerily familiar: as military head of state, Buhari's appointee who headed the National Security Organisation, as the SSS was then known, Lawal Rafindadi, unleashed a reign of terror on Nigerians, featuring arbitrary arrests and torture in cells described by inmates as chambers of horror. Under the infamous Decree 2, agents had pre-signed detention papers, court orders were ignored and ouster clauses were inserted in decrees, while the press was specifically targeted with the infamous Decree 4 under which Tunde Thompson and Nduka Irabor were jailed. Returning as an elected president, Buhari has followed the same template...

The above frame corroborates the assertion that framing can increase the seriousness of a situation in the mind of the audience, and can consequently influence their attitudes towards the issue (Tewksbury & Scheufele, 2009; De Swert & Walgrave, 2012; Boukes, Boomgaarden, Moorman & De Vreese, 2015). According to Papacharissi and Oliveria (2008), when the media place stories in specific frames, they lend a different meaning to the news. Therefore, media increase or decrease the prominence of issues, which permits the public to remember and make judgments on such issues.

Resistance Frame

More so, *The Punch* editorial raised the need for the masses to confront and resist Buhari's abuse of human rights. Wholly, *The Punch* editorial performed the function of a human rights activist raising alarms on flagrant abuse or annihilation of specific norms and acceptable social order in the society as affirmed by Ate (2006). A part of *The Punch* editorial reads thus:

...PUNCH views this tendency and its recent escalation with serious concern, knowing as the great thinker, Edmund Burke, said that "the only thing necessary for the triumph of evil is for good men to do nothing"... PUNCH will not adopt the self-defeating attitude of many Nigerians looking the other way after each violation of rights and attacks on the citizens, the courts, the press and civic society, including self-determination groups lawfully exercising their inalienable rights to peaceful dissent...

Besides, *The Punch* is widely popular among the people of the southwest region of Nigeria; hence, elite readers from other regions, precisely the northern may feel the paper's editorial is spiting the president. These findings may be in tandem with Mboso and Ezeh (2019) belief that framing has the potential to favor a social group or their issues without revealing bias. Consequently, media frames can taint a social group in order to attract hostile attitudes toward them, thereby becoming a catalyst for ethnic bigotry and hate-mongering.

Warning Frame

A close study of *Vanguard* editorial reveals a potent "warning frame". Significant parts of the editorial highlight how it has cautioned the president in respect of the human rights abuse in the nation. These excerpts exemplify the position of the current editorial of this study.

We had cautioned the President Muhammadu Buhari government to jettison the idea that it would consider national security as superior to the rule of law...

...It is the constitution and the courts that have the power to dictate the ways by which we can protect the nation's interests and its security without violating the inalienable rights of the citizenry. We can never commend any arm of government that backtracks after riding roughshod over our democratic institutions and tenets unless it openly commits to mending its ways...

Sympathetic Frame

In the last paragraph of its editorial, though, *Daily Trust* admonishes the president and its agents to adhere to citizens' rights. However, the review of the editorial reveals a dominant sympathy for the administration of President Muhammadu Buhari. In a related study, Abubakre (2017) discovered a similar

trend regarding *Daily Trust* newspaper. The choice of words the editorial employed in the description of Sowore whose detention was a vital part of *The Punch* editorial reveals the partisan and sympathetic feature of *Daily Trust* editorial:

...Sowore ran for president in the last general election. He polled 33,953 votes or 0.12 percent of the 28,614,190 votes cast. Soon afterward, he embarked on a protest tagged “Revolution Now”, for which he was arrested and charged to court for treason...

Furthermore, the editorial made references to current aids of the president who are continually in quick responses to defend the administration:

...Presidential spokesman Femi Adesina said the newspaper’s stand was proof of Buhari’s commitment to free speech and press freedom. Senior Special Assistant to the President on Media and Publicity Garba Shehu in a separate statement accused the newspaper of ‘personal hatred and animus’ for the president. Presidential Advisory Committee Against Corruption chairman Prof. Itse Sagay described the editorial as disgraceful and disrespectful. Senior Advocate of Nigeria Dr Alex Izinyon said PUNCH’s editorial policy was unconstitutional and that “despite the acts complained about, he remains the president”...

After making reference as exemplified above, *Daily Trust* made the assertion below:

..Everything considered, we believe that PUNCH went overboard in its reaction. It has the right to take a position on any issue, but to describe an elected government as a ‘regime’ and to refuse to recognize the president by his statutory title is an attempt to delegitimize an elected president and the government he heads...

It has often been said that the media is separable from the government. The above finding is in consonance with other studies (Brown and Udomisor, 2015; Njoku, 2010; Ikenna; 2008) that have reported media biases and sentiments when reporting events, especially political issues. Nigeria’s media is shrouded in a socio-political, economic, and ethnic undertone. Being a paper with a predominantly northern allegiance, it may not be surprising for this study to uncover the sympathetic frame in the *Daily Trust* editorial.

Indifference Frame

Widely, it has been found that most media organizations have one interest or the other to protect. This is evident in the case of *The Nation* newspaper. The paper’s editorial did not rightly condemn the administration of President Muhammadu Buhari without painting one of the captive, Mr Sowore, in bad light. The excerpt below is at the opening of the editorial; the paper was critical about the state of human rights abuse in the country. Having attacked the

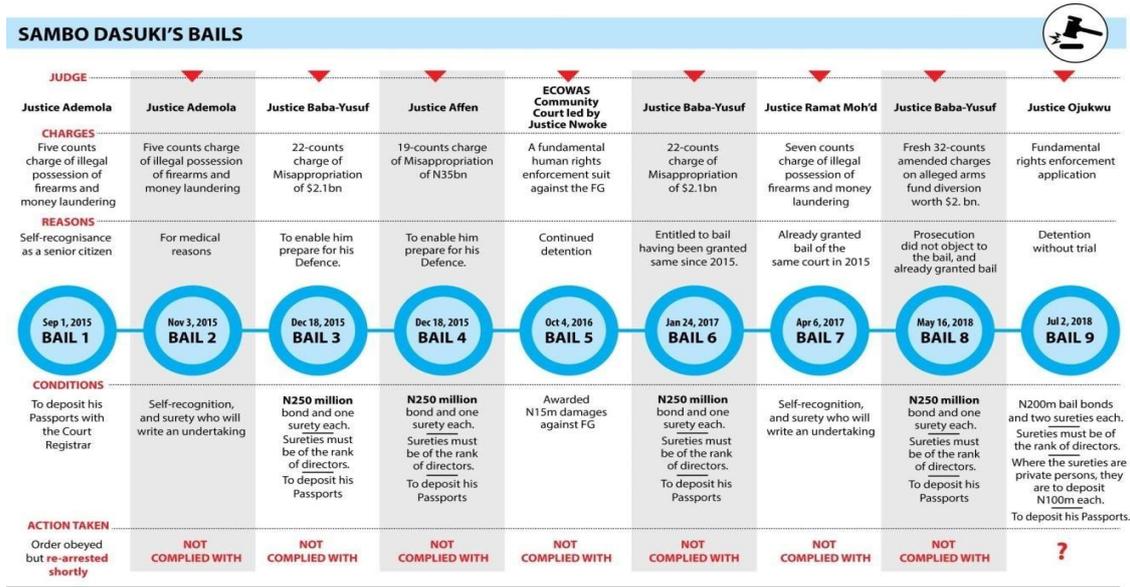
government, the paper did not spare one of the captives of human rights abuse, Mr. Sowore:

...Day followed day, and Omoyele Sowore was still behind bars. Week followed week, and it was no longer a matter of levity. ...The Buhari administration was now known to follow a familiar script. We are witnessing it in the cases of former National Security Adviser Sambo Dasuki and the Shiite leader Ibrahim el Zazaky. Were we going to accept this jackboot style under a democracy?

...Sowore was a presidential candidate who lost because the electorate largely ignored him. A man, who was under investigation by his own party for financial opacity, was now vaulted into a conclave of heroes by a DSS that did not seem to understand the sociology of protests and the stature of those who could stir disaffection in the land...

CONCLUSION/RECOMMENDATION

The current paper explores the framing of Muhammadu Buhari's administration and its human right saga. The editorials of four newspaper were investigated in this regard- *The Punch*, *The Nation*, *Daily Trust*, and *Vanguard*. This study concludes, based on its findings, that the selected newspapers' editorial used varieties of frames: unrepentant dictator frame, resistance frame, warning frame, indifference frame and sympathetic frame. Furthermore, the reveals that the *Daily Trust* newspaper is on the side of the government in respect of issue human rights as it is revealed that their position on national issues like the fight against human rights abuse is subject to ethnic and political influences, On the other hand, *The Nation* is indifferent despite the papers close tie with the current government. The study has also revealed that editorials are critical tools that can be used to curtail the excess of government, precisely, to fight human rights abuse. The study recommends that newspaper publishers should reduce their editorial influences in day to day administration of news outlet in order to engender objectivity, news balance and accuracy. Besides, the sensitive attributes of human rights challenges should be taken into consideration by publishers in order not to exacerbate the situation in a multi-ethnic society like Nigeria.

Infographic Ali A. Geidam

Figure 1

References

- Abubakre, F. I. (2017). Press Framing of Anti-Corruption War on Buhari's First Year Anniversary. *Journal of Media Critiques*, 3(12), 179–191. doi: 10.17349/jmc117410
- Ani, M., & Anyadike, D. (2013). Concepts and Emerging Theories: An Analysis of Editorials in Nigerian Newspapers. *New Media and Mass Communication*, 14(1), 1–6.
- Ayres, L., Kavanaugh, K., & Knafl, K. A. (2003). Within-Case and Across-Case Approaches to Qualitative Data Analysis. *Qualitative Health Research*, 13(6), 871–883. doi: 10.1177/1049732303013006008
- Baran, S. J., & Davis, D. K. (2010). *Mass Communication Theory: Foundations, Ferment and Future with InfoTrac College Edition*. Boston: Wadsworth Cengage Learning.
- Boukes, M., Boomgaarden, H. G., Moorman, M., & de Vreese, C. H. (2015). Political News with a Personal Touch: How Human Interest Framing Indirectly Affects Policy Attitudes. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 92(1), 121–141. doi: 10.1177/1077699014558554
- Brown, N. J., & Udomisor, I. W. (2015). Evaluation of Political News Reportage in Nigeria's Vanguard and The Guardian Newspapers. *Advances in Journalism and Communication*, 03(01), 10–18. doi: 10.4236/ajc.2015.31002
- Buhari's lawlessness: Our stand. (2019). Retrieved from Punch Newspapers website: <https://punchng.com/buharis-lawlessness-our-stand/>
- Cacciatore, M. A., Scheufele, D. A., & Iyengar, S. (2016). The End of Framing as we Know it ... and the Future of Media Effects. *Mass Communication and Society*, 19(1), 7–23. doi: 10.1080/15205436.2015.1068811

- Chime-Nganya, C. R., Ezegwu, D. T., & Ezeji, A. (2017). Analysis of Nigerian Newspapers Framing of President Muhammadu Buhari's Medical Leave to United Kingdom. *Media and Communication Currents*, 1(2), 39–56.
- Ciboh, R. S. (2007). *Mass Media in Nigeria: Perspectives on Growth and Development*. Ibadan: Aboki Publishers.
- Country Reports on Human Rights Practices. (2018). Retrieved from United States Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights and Labor website: <https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices/>
- Daramola, I. (2015). Mass Media and Social Change: A Discourse of the 2014 Ekiti State Governorship Election in Nigeria. *Journal of Communication and Media Research*, 7(2), 145–160.
- DSS Re-Arrests, Detains Sowore. (2019). Retrieved from Channels Television website: <https://www.channelstv.com/2019/12/06/breaking-dss-re-arrest-sowore-on-fresh-charges/>
- Duyile, D. (2005). *Writing For the Media – A Manual for African Journalists*. Lagos: Educational and Services Trust.
- Ekeanyanwu, N. T. (2009). Analysis of the Content of Nigeria's Newspaper Editorials. *Oko Journal of Communication & Information Science*, 1(2), 74–103.
- Elyazale, N. (2014). Characteristics of Newspaper Editorials: 'Chouftchouf' in 'Almassae' Moroccan Newspaper as a Case Study. *New Media and Mass Communication*, 32(1), 21–43.
- Emery, E. (1962). *A history of American press*. New York: Dodd, Mead & Company, Inc.
- Entman, R. M. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58.
- Ewang, A. (2019, November 26). Nigerians Should Say No to Social Media Bill. Retrieved from Human Rights Watch website: <https://www.hrw.org/news/2019/11/26/nigerians-should-say-no-social-media-bill>
- Hassan, H. I. (2012). Giving attention to prominence, frequency and adequacy in the print media coverage of the Boko Haram Crisis. *Journal of Religious Studies*, 34(33), 1–20.
- Ikenma, O. (2008). Print media coverage of crisis. *Journal of Conflict Management*, 11(10), 70–78.
- Izadi, F., & Saghaye-Biria, H. (2007). A Discourse Analysis of Elite American Newspaper Editorials: The Case of Iran's Nuclear Program. *Journal of Communication Inquiry*, 31(2), 140–165. doi: 10.1177/0196859906298073
- Mboso, A. G., & Ezeh, N. C. (2019). Be Alert and Defend Yourself: News Framing of Danjuma's Comments on Herdsmen Attacks in Nigeria. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(3), 139–154. doi: 10.24411/2658-7734-2019-10028
- Nigeria: Climate of permanent violence. (n.d.). Retrieved from Reporters Without Borders website: <https://rsf.org/en/nigeria>

- Nigeria: Human rights agenda. (2019). Retrieved from Amnesty International website: <https://www.amnesty.org/en/documents/document/?indexNumber=afr44%2f0431%2f2019&language=en>
- Nigerian publisher Agba Jalingo charged with treason. (2019, September 5). Retrieved from Committee to Protect Journalists website: <https://cpj.org/2019/09/nigerian-publisher-agba-jalingo-charged-with-treas/>
- Njoku, N. A. (2010). Print media coverage of religious crisis in Nigeria. *Journal of Religion and Conflict Studies*, 9(7), 51–67.
- Obiorah, C., & Onwughalu, V. C. (2018). *Democracy and Human Rights Governance in Nigeria under President Muhammadu Buhari: A Journalistic Perspective*. Presented at the The 31st National Conference Of The Nigerian Political Science Association (Npsa), Held At The International Conference Centre Abakaliki, Ebonyi State, Ebonyi State. Nigeria.
- Odoemelam, C. C., Ncube, J. B., & Okorom, E. (2014). Frames in News Discourse on Nelson Mandela's illness and Hospitalisation: A Study of Nigerian and Zimbabwean Newspapers. *New Media and Mass Communication*, 29, 51–59. doi: 10.7176/NMM-C.vol2951-59
- Ogbondah, C. (2011). A critical analysis of state-press relations in Nigeria, 1999-2005. In L. Oso & U. Pate (Eds.), *Mass Media and Society in Nigeria* (pp. 25–48). Lagos: Malt-house Press Limited.
- OHCHR | Resolutions on good governance and human rights. (2012). Retrieved January 15, 2021, from United Nations Commission For Human Rights website: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Development/GoodGovernance/Pages/Resolutions.aspx>
- Okorie, N., & Oyedepo, T. (2011). Newspaper Reportage and its Effect towards Promoting Agricultural Development in Nigeria. *Journal of Media and Communication Studies*, 3(2), 27–32.
- Oloredo, J., Oyewole, A., & Azeez, L. (2013). Press reportage of president Yar'adua's ill health: A study. *New Media and Mass Communication*, 9, 18–26.
- Papacharissi, Z., & Olivera, M. (2008). *News frames terrorism: A comparative analysis of frame employed in terrorism coverage in US and United Kingdom newspapers*. Press/Politics. New York: Sage Publication.
- Scheufele, D. A., & Tewksbury, D. (2007). Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models. *Journal of Communication*, 57(1), 9–20. doi: 10.1111/j.1460-2466.2006.00326_5.x
- That PUNCH editorial. (2019). Retrieved from Daily Trust website: <https://dailytrust.com/that-punch-editorial>
- We Released Sowore, Dasuki On Compassionate Grounds, Says Malami. (2019). Retrieved from Channels Television website: <https://www.channelstv.com/2019/12/27/we-released-sowore-dasuki-on-compassionate-grounds-says-malami/>

Список литературы

- Abubakre, F. I. (2017). Press Framing of Anti-Corruption War on Buhari's First Year Anniversary. *Journal of Media Critiques*, 3(12), 179–191. doi: 10.17349/jmc117410
- Ani, M., & Anyadike, D. (2013). Concepts and Emerging Theories: An Analysis of Editorials in Nigerian Newspapers. *New Media and Mass Communication*, 14(1), 1–6.
- Ayres, L., Kavanaugh, K., & Knafl, K. A. (2003). Within-Case and Across-Case Approaches to Qualitative Data Analysis. *Qualitative Health Research*, 13(6), 871–883. doi: 10.1177/1049732303013006008
- Baran, S. J., & Davis, D. K. (2010). *Mass Communication Theory: Foundations, Ferment and Future with InfoTrac College Edition*. Boston: Wadsworth Cengage Learning.
- Boukes, M., Boomgaarden, H. G., Moorman, M., & de Vreese, C. H. (2015). Political News with a Personal Touch: How Human Interest Framing Indirectly Affects Policy Attitudes. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 92(1), 121–141. doi: 10.1177/1077699014558554
- Brown, N. J., & Udomisor, I. W. (2015). Evaluation of Political News Reportage in Nigeria's Vanguard and The Guardian Newspapers. *Advances in Journalism and Communication*, 03(01), 10–18. doi: 10.4236/ajc.2015.31002
- Buhari's lawlessness: Our stand. (2019). Retrieved from Punch Newspapers website: <https://punchng.com/buharis-lawlessness-our-stand/>
- Cacciatore, M. A., Scheufele, D. A., & Iyengar, S. (2016). The End of Framing as we Know it ... and the Future of Media Effects. *Mass Communication and Society*, 19(1), 7–23. doi: 10.1080/15205436.2015.1068811
- Chime-Nganya, C. R., Ezegwu, D. T., & Ezeji, A. (2017). Analysis of Nigerian Newspapers Framing of President Mohammedu Buhari's Medical Leave to United Kingdom. *Media and Communication Currents*, 1(2), 39–56.
- Ciboh, R. S. (2007). *Mass Media in Nigeria: Perspectives on Growth and Development*. Ibadan: Aboki Publishers.
- Country Reports on Human Rights Practices. (2018). Retrieved from United States Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights and Labor website: <https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices/>
- Daramola, I. (2015). Mass Media and Social Change: A Discourse of the 2014 Ekiti State Governorship Election in Nigeria. *Journal of Communication and Media Research*, 7(2), 145–160.
- DSS Re-Arrests, Detains Sowore. (2019). Retrieved from Channels Television website: <https://www.channelstv.com/2019/12/06/breaking-dss-re-arrest-sowore-on-fresh-charges/>
- Duyile, D. (2005). *Writing For the Media – A Manual for African Journalists*. Lagos: Educational and Services Trust.
- Ekeanyanwu, N. T. (2009). Analysis of the Content of Nigeria's Newspaper Editorials. *Oko Journal of Communication & Information Science*, 1(2), 74–103.

- Elyazale, N. (2014). Characteristics of Newspaper Editorials: 'Chouftchouf' in 'Almassae' Moroccan Newspaper as a Case Study. *New Media and Mass Communication*, 32(1), 21–43.
- Emery, E. (1962). *A history of American press*. New York: Dodd, Mead & Company, Inc.
- Entman, R. M. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58.
- Ewang, A. (2019, November 26). Nigerians Should Say No to Social Media Bill. Retrieved from Human Rights Watch website: <https://www.hrw.org/news/2019/11/26/nigerians-should-say-no-social-media-bill>
- Hassan, H. I. (2012). Giving attention to prominence, frequency and adequacy in the print media coverage of the Boko Haram Crisis. *Journal of Religious Studies*, 34(33), 1–20.
- Ikenna, O. (2008). Print media coverage of crisis. *Journal of Conflict Management*, 11(10), 70–78.
- Izadi, F., & Saghaye-Biria, H. (2007). A Discourse Analysis of Elite American Newspaper Editorials: The Case of Iran's Nuclear Program. *Journal of Communication Inquiry*, 31(2), 140–165. doi: 10.1177/0196859906298073
- Mboso, A. G., & Ezeh, N. C. (2019). Be Alert and Defend Yourself: News Framing of Danjuma's Comments on Herdsmen Attacks in Nigeria. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(3), 139–154. doi: 10.24411/2658-7734-2019-10028
- Nigeria: Climate of permanent violence. (n.d.). Retrieved from Reporters Without Borders website: <https://rsf.org/en/nigeria>
- Nigeria: Human rights agenda. (2019). Retrieved from Amnesty International website: <https://www.amnesty.org/en/documents/document/?indexNumber=afr44%2f0431%2f2019&language=en>
- Nigerian publisher Agba Jalingo charged with treason. (2019, September 5). Retrieved from Committee to Protect Journalists website: <https://cpj.org/2019/09/nigerian-publisher-agba-jalingo-charged-with-treas/>
- Njoku, N. A. (2010). Print media coverage of religious crisis in Nigeria. *Journal of Religion and Conflict Studies*, 9(7), 51–67.
- Obiorah, C., & Onwughalu, V. C. (2018). *Democracy and Human Rights Governance in Nigeria under President Muhammadu Buhari: A Journalistic Perspective*. Presented at the The 31st National Conference Of The Nigerian Political Science Association (Npsa), Held At The International Conference Centre Abakaliki, Ebonyi State, Ebonyi State, Nigeria.
- Odoemelam, C. C., Ncube, J. B., & Okorom, E. (2014). Frames in News Discourse on Nelson Mandela's illness and Hospitalisation: A Study of Nigerian and Zimbabwean Newspapers. *New Media and Mass Communication*, 29, 51–59. doi: 10.7176/NMM-C.vol2951-59
- Ogbondah, C. (2011). A critical analysis of state-press relations in Nigeria, 1999–2005. In L. Oso & U. Pate (Eds.), *Mass Media and Society in Nigeria* (pp. 25–48). Lagos: Malt-house Press Limited.

- OHCHR | Resolutions on good governance and human rights. (2012). Retrieved January 15, 2021, from United Nations Commission For Human Rights website: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Development/GoodGovernance/Pages/Resolutions.aspx>
- Okorie, N., & Oyedepo, T. (2011). Newspaper Reportage and its Effect towards Promoting Agricultural Development in Nigeria. *Journal of Media and Communication Studies*, 3(2), 27–32.
- Olorede, J., Oyewole, A., & Azeez, L. (2013). Press reportage of president Yar’adua’s ill health: A study. *New Media and Mass Communication*, 9, 18–26.
- Papacharissi, Z., & Olivera, M. (2008). *News frames terrorism: A comparative analysis of frame employed in terrorism coverage in US and United Kingdom newspapers*. Press/Politics. New York: Sage Publication.
- Scheufele, D. A., & Tewksbury, D. (2007). Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models. *Journal of Communication*, 57(1), 9–20. doi: 10.1111/j.1460-2466.2006.00326_5.x
- That PUNCH editorial. (2019). Retrieved from Daily Trust website: <https://dailytrust.com/that-punch-editorial>
- We Released Sowore, Dasuki On Compassionate Grounds, Says Malami. (2019). Retrieved from Channels Television website: <https://www.channelstv.com/2019/12/27/we-released-sowore-dasuki-on-compassionate-grounds-says-malami/>

DIGITAL IMAGES ON SOCIAL MEDIA AND PROLIFERATION OF FAKE NEWS ON COVID-19 IN KANO, NIGERIA

Mainasara Yakubu Kurfi¹ (a), Aondover Eric Msughter² (a), Idris Mohamed (b)

(a) Bayero University. Kano, Nigeria

(b) Usmanu Danfodio University. Sokoto, Nigeria

Abstract

Misinformation becomes rampant in the digital age and social media provide people with the opportunities for engaging more actively in society. The objectives of the study are: (i) to ascertain the extent to which residents of Kano have been exposed to digital images on Covid-19 that often accompany fake news in social media; (ii) to establish the extent to which residents of Kano are influenced by fake news on Covid-19 with images; (iii) to find out the factors that often lead to the influence of fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano; (iv) to ascertain the social media platforms mostly used in spreading fake news about Covid-19 in the state. Theoretically, Technological Determinism and Perception theories were adopted to analyze these issues. A Positivist approach to data generation and analysis was adopted using the survey method. Two local governments were selected for the study: Tarauni and Kano Municipal. Tarauni local government area had the highest number of the Covid-19 cases, while Kano Municipal had the lowest number. The population of the study consist of 593,087 with a sample size of 400 respondents derived from Taro Yamane's sample size prediction table. The respondents were reached through cluster sampling. A total of 400 copies of questionnaires were administered to respondents in Tarauni and Kano Municipal. However, only 385 copies, which represent (96%), were retrieved and found usable for the study as the remaining 15 were not returned. The study found that Kano residents were significantly exposed to digital images that often accompany fake news in social media. They read news online every day, prefer news accompanied by images, share and like news online. The study also found that Kano residents are influenced by fake news with digital images on Covid-19 to a very great extent, especially on Facebook. Factors responsible for proliferation of fake news on social media include: perception or instinct, eagerness to be the first to share images and lack of knowledge about image verification tools. The study concludes that ignorance and the old belief that pictures do not lie were responsible for this.

Keywords

Covid-19; digital images; fake news; Kano; Nigeria and social media

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [mykurfi\[at\]gmail.com](mailto:mykurfi[at]gmail.com)

2 Email: [aondover7\[at\]gmail.com](mailto:aondover7[at]gmail.com)

ЦИФРОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И «ДЕЗИНФОРМАЦИИ» О КОВИД-19 В КАНО, НИГЕРИЯ

Курфи Майназара Якубу¹ (а), Мсугтер Аондовер Эрик² (а), Мохамед Идрис (b)

(а) Университет Байеро. Кано, Нигерия

(b) Университет Усману Данфодие. Сокото, Нигерия

Аннотация

В цифровую эпоху дезинформация становится широко распространенной, а социальные сети предоставляют людям возможности для все более активного участия в жизни общества. Цели исследования таковы: 1) уточнить, в какой степени жителей Кано знакомят с цифровыми изображениями, касающимися Covid-19, которые часто сопровождаются поддельными новостями в социальных сетях; 2) установить, в какой степени поддельные новости, использующие цифровые картинки касательно Covid-19, влияют на жителей Кано; 3) выяснить факторы, которые часто приводят к воздействию поддельных новостей с цифровыми изображениями относительно Covid-19 на пользователей социальных сетей в Кано; 4) выявить те платформы социальных сетей, которые в основном используются для распространения поддельных новостей о Covid-19 в штате. В концептуальном смысле, для анализа этих вопросов были приняты теории технологического детерминизма и восприятия. [В методологическом ключе] был принят позитивистский подход к генерированию и анализу данных с использованием метода анкетирования. Для исследования были выбраны два органа местного самоуправления: Тарауни и муниципалитет Кано. В районе Тарауни было зарегистрировано наибольшее число случаев заболеваний Covid-19, в то время как в муниципалитете Кано было зарегистрировано наименьшее их число. Исследование охватывает 593 087 человек с размером выборки 400 респондентов, взятым из таблицы прогнозирования размера выборки Таро Ямане. Респонденты были включены в кластерную выборку. Исследование показало, что жители Кано были в значительной степени подвержены воздействию цифровых изображений, которые часто сопровождаются поддельными новостями в социальных сетях. Они читают новости в сети каждый день, предпочитают новости, сопровождаемые изображениями, делятся ими и одобряют их. Исследование также показало, что жители Кано в очень большой степени подвержены влиянию поддельных новостей с цифровыми изображениями, посвященными Covid-19, особенно на Facebook. В исследовании делается вывод о том, что ответственность за это лежит на невежестве и устаревшем убеждении, что изображения не лгут.

Ключевые слова

Ковид-19; цифровые изображения; дезинформация; Кано; Нигерия и социальные сети

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [mykurfi\[at\]gmail.com](mailto:mykurfi[at]gmail.com)

2 Email: [aondover7\[at\]gmail.com](mailto:aondover7[at]gmail.com)

INTRODUCTION

According to a report from the Center for Countering Digital Hate (2020) fake news is one of the trending words not only in the field of communication but across other professions. Hundreds of posts spreading misinformation about Covid-19 are being published online. According to the report, 649 posts were reported on Facebook and Twitter, including false cures, anti-vaccination propaganda and conspiracy theories around 5G. 90% remained visible online afterwards without any warnings attached. The coronavirus pandemic has forced people to take a step back from daily routines. As people spend more and more time at home, they increasingly rely on the internet, working remotely or video calling on relatives and friends. During this time of uncertainty, like the Covid-19 period, people's engagement with information that is trustworthy is more important than ever. Fake news represents a disturbing media dilemma in the 21st Century.

Nigeria, like every other country in the world, suffers from the spread of fake news. This is evident in the increase in its prevalence in the lexicon and practice in society. Fake news do not exist in texts alone. Images often accompany fake news so as to enhance their believability (Osuagwu, 2020). Also, fake news and hate speeches are not mutually exclusive. Madden (2017) states that the anonymity of online spaces, the attempt to create humour and the habit of internet trolling (hate speech) often contributes to fake news or hoaxes. Furthermore, Mohammed (2017) notes that both hate speech and fake news thrive on repetition and circulation on social media. Mohammed (2017) states that hate speech, disinformation and fake news have something in common. He describes them as a looming danger because they are all capable of destabilising and inciting people to violence and weakening the people's confidence.

Technological developments in the field of internet impact the large group of people that uses this media source to obtain health information. Social media is such a new development that drastically changes websites from a static source to a many-to-many communication channel. The use of informative communication technology, through social media especially, has transcended the use of words only to the creation of false images on Covid-19. Many users of social networking sites do so without regard to the issues of decency, decorum or ethical consideration (Msughter, 2020). One significant effect of this development is that Nigerian citizens can scarcely avoid noticing the presence of these digital images. The images are such a ubiquitous and unavoidable part of the networked social environment of coronavirus campaign on the Internet that forces people to become if not producers or distributors, then at least consumers of these digital images (2020).

In Northern Nigeria, distrust jeopardizes the response to coronavirus. On April 11, 2020, exactly one month after World Health Organisation (WHO) declared Covid-19 pandemic, Kano State confirmed its first positive Covid-19 case. In the same month, the state witnessed what was described as *mysterious* deaths, claiming hundreds of lives including the Emir of Kano and seven Professors from Bayero University, Kano (“BUK VC Not Positive, Says Kano,” 2020).

Hajara Ibrahim alias Umma, 47, is a mourning mother of five who lost her husband amidst the *mysterious* deaths in Hotoro, Nassarawa local government of Kano State. According to the report by Nigeria Health Watch (2020) initially, Umma did not believe that Covid-19 was real. “*Haven’t you heard what the scholars said?*” asked Umma, in a regretful tone, as she referred to a video she watched on her son Abdul’s Smartphone. In the video, a bearded man was saying, “Covid-19 is a scam and a grand plot against Muslims”. Abdul said he got the video from a WhatsApp group to which he belonged (Nigeria Health Watch, 2020).

In a state like Kano, which was once the epicentre of the disease in Northern Nigeria, the risks of fake news and misinformation spreads widely on social media and a majority of the victims could be local community people like Umma, who usually do not even have direct access to this misinformation. Yet, it has shaped their thoughts to develop beliefs like “*Covid-19 is a scam*”; “*Government is using it to generate money*”, “*it will not survive Kano’s hot temperature*”, “*it affects and kills only the old*”, which can make them rebuff Government guidelines for preventing spread of the virus.

The *mysterious* deaths in April during the height of the Covid-19 pandemic sparked a flurry of confusion and denial by government officials. As social media narratives began to piece together possible reasons for the spike in deaths, dis- and misinformation were driven by ethno-religious tensions in the state, especially on the health status of individual, preventive measures, vaccine, etc. In this context, it has been difficult to gain a full understanding of the reasons behind the mass deaths in Kano State. To complicate matters, a series of forced relocations of *almajiri* from Kano, Northern Nigeria back to their states of origin sparked concern about the possible exportation of the coronavirus to other parts of the country (“BUK VC Not Positive, Says Kano,” 2020).

Similarly, there was a false report with the image of the chairman of the “State Government Covid-19 Funds Raising Committee”, the former Vice Chancellor of Bayero University, Kano, Prof. Muhammad Yahuza Bello where he was said to have been tested positive to Covid-19. The Commissioner for Information, Mallam Mohammed Garba, said in a statement that the report was false. He said, “The fake report was orchestrated to mislead the public, as

the chairman is not suspected to have contracted the virus, let alone testing positive to the virus” (2020).

As misinformation becomes increasingly rampant in the digital age, social media provides people with the opportunities for engaging more actively in the society; but among its constraints, it amplifies misinformation, which is exacerbated by the algorithms of online platforms that make popular content visible, regardless of whether it is reliable. Their algorithms, in addition, expose users primarily to information that is aligned with what they like and are interested in, which is referred to as the problem of the filter bubble. This has created a knowledge vacuum in the literature, which the study intends to fill up. The meaning and extent of these issues in social media will be further explained below.

PROBLEM STATEMENT

The most credible way of ascertaining the credibility of a piece of information is by scrutinizing the accompanying images (Elkasrawi, Dengel, Abdelsamad, & Bukhari, 2016). This reflects the long-held axioms that “seeing is believing” and “a picture is worth a thousand words”. However, since progression in digital imaging now permits the manipulation of photographs, videos and even audio recordings, there is no longer the guarantee of the authenticity of such texts, which may have been altered or outright be fake representation of the news stories that they should corroborate. This poses a huge challenge of credibility and trust in channels of communication since relying on them in every sector of society is undermined.

According to Sanni (2018) a significant amount of fake stories being shared online were not written texts but images and memes because people prefer images to words. Besides, some individuals do not even believe the concept of ‘fake news.’ Consequently, accurate and factual news has at times been misconstrued as fake, while fake and inaccurate news has been accepted as factual news especially when it is backed up by images that seem authentic (Osuagwu, 2020). In Kano State, there have been a plethora of reprisal attacks based on fake news on Covid-19 among residents of Kano, accompanied by images. This has created a gap in the body of knowledge in the existing literature on the subject matter, which the current study aims to fill by exploring the influence of digital images on the propagation of fake news among residents of Kano in 2020.

OBJECTIVES OF THE STUDY

- (i) To ascertain the extent to which residents of Kano have been exposed to digital images on Covid-19 that often accompany fake news in social media.
- (ii) To establish the extent to which residents of Kano are influenced by fake news on Covid-19 with images.
- (iii) To find out the factors that often lead to the influence of fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano.
- (iv) To ascertain the social media platforms mostly used in spreading fake news about Covid-19 in the state.

RESEARCH QUESTIONS

The problem statement informed the following basic tools of inquiry for the study:

- (i) To what extent have the residents of Kano been exposed to digital images on Covid-19 that often accompany fake news in social media?
- (ii) To what extent have residents of Kano been influenced with fake news on Covid-19 with images?
- (iii) What are the factors that often lead to the influence of fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano?
- (iv) Which of the social media platforms is mostly used in spreading fake news with images on Covid-19 in Kano?

THEMATIC LITERATURE REVIEW

Digital Images

According to Osuagwu (2020) digital images are two-dimensional images represented in a binary form. They are made of picture elements known as pixel, which is the short form of picture elements, often organised in rectangular forms. They are also made up of vector or graphic images, which are mathematically defined by computer software or programs that range from power point, logos, diagrams and other graphics images for promotional or illustrative purposes. It is a representation of a real image as a set of numbers that can be stored and handled by a digital computer.

The properties of the pixel of an image are brightness and colour. Digital images have some advantages over traditional images because of the ability to convert and transfer images from one medium to another and the ability to change them according to one's needs using photo editing software like Photoshop, Photo paint and the Gimp. Users of these can change the colour,

brightness, delete unwanted visible objects, move others and merge objects from several images and create new images (2020).

Digital Images in News

The role of images in news has been viewed with mixed feelings. Scholars like McQuail (2011) established that images enhance the credibility of news. He noted that providing access to information or access to the site of crisis, visual images are very important in handling crisis news. They have the power to shape the news and people's perception. It is because of the assumption that pictures are more dependable than words. Sarma and Nandi (2014) argued that the ability of images to convince and validate truth has withered, further hindering the trustworthiness of the digital media. They note that:

Many sophisticated digital technologies and photo-editing software like Adobe Photoshop have made the manipulation of images a fair practice. As a result, digital images are becoming prone to forgeries and hence trust in digital images has been eroded. Digital forgery is now a nightmare to individuals (e.g. fake images of celebrities and public figures), societies (fake images targeting religion or race), journalism, scientific publications (2014, p. 878).

Abdulrauf-Salau (2013, p. 199) observed that news in social media is predisposed to false information about individuals and government. He notes thus: "In Nigeria, there has been rumours of false information about deaths and bomb threats circulated through Twitter, which eventually turned out to be hoaxes". Fake images have been used to propagate certain stereotypes like racism, religious and ethnic bigotry, to mention a few. Madden (2017) corroborates that the negative role of digital platforms have aided the dissemination of intentional hoaxes and misinformation. She noted that photos of people far away from the scenes of crisis are posted and even fake profiles of victims are often circulated in social media.

UNDERSTANDING NEWS AND FAKE NEWS

Asemah (2018) sees news as the account of a timely and unusual event in the society. This definition seems limiting because as observed by Fry (2017) the current digital environment as characterised by proliferating social media have changed the traditional notion of news to an account of an unusual event. McQuail (2011) sees news as the main form in which current information about public events is carried by media of all kinds. Although, it is obvious through the definitions given here that one of the distinctive features of news is currency, the latter definition captures the fact that news is information conveyed on different kinds of media. It suffices to presume that news is information about events that are currently happening or that have happened

recently. Fry (2017) suggests that the traditional notion of news is doomed, going by the impositions of new media technologies on the news processes, for example the collapse of gatekeepers, or the blurring lines of distinction between news, advertisement and entertainment.

Fry's assumption captures the constantly evolving status of news in this digital age by embodying the concept of participation as a vital factor. News is, therefore, seen as a kind of sharing in a connected (digital) space where news is constructed in words, sounds and images not only on social media sites or blogs but on government-controlled or influenced or non-profit sites. According to Fry (2017), participants in this connected (digital) space include: traditional news organisations, social networking sites, amateur journalists and everyone and everything. Fake news is the deliberate fabrication of information to deceive people with the aim of misleading others into believing falsehood and doubting confirmable actualities (White et al., 2017). A lot of fictitious stories are masquerading as news and it is surprising that people do not understand the phenomenon, its origin and the threat it poses to the society.

Nyhan and Reifler (2015) note the danger of fake news and state that fake news can continue to affect the attitudes of those exposed to long after it has been debunked and withdrawn from the media. Scholars like Spectra ("An Introduction, Fake News," 2017) derided the concept of fake news and argued that if it is fake, then it is not news. Fry (2017) corroborates this and points out that the application of the term "fake" to news is inappropriate because news is a social construct, which already has a lot of economic, social and political biases, as well as medium constraints. However, one can only assess the world through instances of accurate accounts of events. Fry (2017) states that the first step of getting the complexity of news requires people to stop using the term "fake". What is it that is fake? The concept is slippery and not applicable, if news is viewed as a social construction. Riley (2017) suggests that rather than call news fake, it should rather be called "lies and garbage".

Contrary to that, scholars like Fry affirm the existence of fake news and argue that it is an old phenomenon in news as exemplified by the Great Moon Hoax, which was published in the *New York Sun*, in 1835, and the fake drawings of Spanish official strip-searching American women, which precipitated the Spanish American War. Besides, the effect of false narratives is evident in Kano on the primer of the image of Prof. Muhammad Yahuza Bello, which was on Facebook that make people embrace the existence of fake news regarding Covid-19 in Kano State.

Rubin, *et al.*, (2015) noted that there are three types of fake news, which include, first, serious fabrications, fraudulent reporting evident in both old and new media which use yellow journalism and sensationalism to increase traffic

for profit. It thrives on falsification, fabrication and exaggeration, just the way people in Kano believed that the figures of Covid-19 in the state are overestimated by the Nigeria Centre for Disease Control (NCDC) (Msughter, 2020). Next is hoaxes, which is large-scale deception being deliberately masqueraded as news in social media or mainstream media and often may be picked up and mistakenly validated by supposedly credible news outlets causing harm to the victim. The last one is humorous fakes, which are playful pieces of information meant for humour. The subtypes of humorous fake news includes satire or news parody, which rely on irony and humour to imitate genuine or credible news sources and news game show, where unusual news pieces are read aloud for listeners to call in and guess, which is real or fake. The awareness of the playful intents by the readers often makes them not to take such humour seriously.

EMPIRICAL REVIEW

According to Osuagwu (2020), images appear in the media to influence public perception of issues or situations. For instance, images have come to account for public perceptions of beauty through the portrayal of women and girls in the media. Studies like Speno and Aubrey (2018) and Mills (2018) focused on how people are oblivious of the fact that such digitized images are used to alter the appearances of females, resulting in ‘*adultification*’ of girls and ‘*youthification*’ of women in advertising. Specifically, research into fake news and digital images often has two outcomes. One is that people are unaware of digital manipulations of images and cannot differentiate between real and fake digital images. For example, Skop, *et al.*, (2017) research suggests that people need more awareness through digital literacy because their research found that fake images were more prominent on web and social media than other media like television, print and radio.

Yet, other researchers like Cuihua *et al.*, (Shen *et al.*, 2019) discovered that people are aware of fake digital imagery. They found that intermediary variables like social media experience and general internet skills determined the perception of image credibility. Their research found that people with greater levels of digital imaging experience and general Internet skills were more likely to perceive fake images as less credible than people with less experience or skills. However, in that study, credibility of the source and acceptance were not found to be significant.

Another vein of research, which seems to be generating a lot of interest, is on digital image detection techniques, which teaches people how to decipher fake digital images either via manual detection or electronic devices. For example, Sarma and Nandi (2014) identified two broad approaches for detecting forged images to include active and passive (blind) approaches. The active

approach relies on ‘pre-registration or pre-embedded’ information to establish the authenticity of an image. It precedes forgery as the image is shielded from being manipulated or altered. It is also called digital watermarking. In contrast, the passive approach works on the assumption that even if altered images leave no visual traces of forgery, their embedded statistics may be altered. This method, therefore, uses forensic tools to detect the statistics of an image.

As an evolving concept, there is no common parameter for measuring people’s awareness of fake digital images. However, the standards of related concepts like image credibility perception have been used. Thus, awareness has been measured in terms of whether people assess the credibility of news stories using the images that accompany them, or making subjects perform image credibility checks to authenticate certain images (Elkasrawi et al., 2016). Therefore, the preceding empirical reviews are relevant to this study as the literature established the gap in the study on digital images on social media and the proliferation of fake news on Covid-19, like the one prevalent among residents of Kano.

THEORETICAL UNDERPINNING

The study is foreground with two theories: Technological Determinism and Perception theories. Technological Determinism Theory was propounded by Marshal McLuhan in 1964. The theory modified Karl Marx’s theory of economic determinism to explain the changes that media, as opposed to economic production, have made in human society (Osuagwu, 2020). It argues that media technologies do not only change the environment, they also modify the messages they communicate. The medium determines the content of communication; it also holds power to control people’s perception of the world (Asemah, 2018; Osuagwu, 2018). McLuhan (1964) explains the challenges that media pose to people in the process of shaping their thoughts and perceptions. He clearly supported his claim by chronicling four stages of the advent of western civilization in tandem with the media communication accessible to include tribal age (the era of oral mode of communication), literate age (age of visual dependence), print age (widespread visual dependence and print) and finally, the electronic age (ICT era, age of cyberspace or information superhighway) (Asak & Ohiagu, 2013).

McQuail (2011, p. 103) explains the theory thus, “each communication technology has a bias to particular communication forms, contents, and users.” As such, there is a relationship between the commanding communication technology of an age and vital characteristics of society. Electronic age corresponds to the emergent information society with all its biases. These biases are judged against their effects on society or suitability on society. Asak

and Ohiagu (2013, p. 83) noted in the same vein that McLuhan “seems to see the electronic media as mechanistic and capable of eliciting uncontrollable influence on the people and the society.”

The theory has been criticised for being a media-centred theory that posits single-factor explanation of social change and direct mechanistic effect from new media technology, ignoring other social and cultural variables. The fact that news media do not exist in isolation is evident in their convergence with older media, therefore, it is inappropriate to speak of an overbearing medium (McQuail, 2011). The theory is also said to be self-opinionated as it lacks empirical backing (Asemah, 2018).

However, despite the preceding criticisms, its applicability to this study is apt. It is believed that new media technologies that have been made possible through the internet have certain distinguishing features from older media and such features have brought social, cultural and economic changes, which in turn have culminated in a new kind of society. In other words, the interactive nature of communication in this age has brought a lot of changes to traditional mass communication, and fake news is one of the features embedded in the use of technology in propagating digital images on Covid-19 in Kano.

PERCEPTION THEORY

Perception Theory was propounded by Berelson and Steiner in 1964. It explains the complex role of sense organs in people’s behavioural responses to issues (Osuagwu, 2020). They argue that humans are endowed with senses (perceptual) organs (as eyes, ears and nose) to help them recognise and process information in the environment, and such organs serve as inputs to the brain for information processing. The exponents see perception as the complex process by which people select, organise and interpret sensory stimulations into a meaningful and coherent picture of the world (Anaeto, On-abajo, & Osifeso, 2008). Osuagwu (2020) observed that perception is the procedure in which humans interpret the sensory data, which are generated from human’s five senses. These definitions have most obviously shown that sensory organs are central to the process of perception.

Perception involves two types of influences, namely structural influence and functional influence. Structural influence is the direct influence on perception as derived from the physical exposure to certain stimuli. While functional influence arises from indirect factors like belief system and other variables that influence exposure and introduce bias (Anaeto et al., 2008). This theory is relevant to this study because the believability of fake digital images has to do with misperceptions that contradict factual beliefs. People see what they prefer to see in images based on the structural and functional influence.

METHODOLOGY

In order to achieve the goals of the study design, a positivist approach of data generation and analysis was adopted. Positivist or post-positivist assumptions have represented the traditional form of research and these assumptions dwell more on quantitative research than qualitative research. This worldview is sometimes called the “scientific method” or “doing science research”. It is also called “empirical science” and “post-positivism”. Positivists or Post-positivists hold a deterministic philosophy in which causes (probably) determine the effects or the outcomes. The problems studied by positivists reflect the need to identify and assess the causes that influence outcomes, such as digital images on social media and the proliferation of fake news on Covid-19 in Kano.

To achieve the success of this design, the survey method was employed. Kano consists of 44 local governments. However, two local governments were selected for the study. They include: Tarauni and Kano Municipal local governments. The two local governments were selected because according to the Technical Coordinator, Kano State Task Force on Covid-19, Dr. Tijjani Hus-sain, Tarauni local government area had the highest number of Covid-19 cases, while Kano Municipal had the lowest number. Therefore, one local government with the highest cases and one local government with the lowest cases informed the choice of the selection to determine the influence of digital images on social media and the proliferation of fake news on Covid-19 in the state. The respondents were reached through cluster, probability sampling method. Cluster sampling was used because of the need to meet the criteria that ranged from education and knowledge of social media, considering the local government with the highest and the lowest cases of the virus.

According to National Bureau of Statistics (2019) the population of Tarauni is = 221,844 and Kano Municipal is = 371,243. Therefore, the population of the study is 593,087. A sample size of 400 as derived from Taro Yamane’s sample size prediction table was drawn, which is: $n = \frac{N}{1+N(e)^2}$ where n= sample size required, N = number of people in the population, e = allowable error (%). Therefore, this formula was explained in this manner: $n = \frac{593,087}{1+593,087(0.05)^2}$ $n = \frac{593,087}{1+1482.71}$ $n = \frac{593,087}{1483.71}$ $n = 400$ (rounded). Based on the population strength of each local government, 200 respondents were reached in Tarauni and Kano Municipal respectively.

A questionnaire guide was used to collect data from respondents. The questionnaire contained close-ended questions and was administered with the aid of two research assistants. Data gathered from the questionnaire was ana-

lysed quantitatively. Frequency tables were used to present measurements using the 5-point Likert scale of which the criterion mean or mean cut off point was 3.00. In the tables, the following terms are applied: **TVGE (to a very great extent)**, **TGE (to a great extent)**, **TLE (to a little extent)**, **TVLE (to very little extent)**, **TNE (to no extent)**. Similarly, the codes for the local governments are as follow: Tarauni (TLG) and Kano Municipal (KMLG) while (NOR) represent the number of respondents.

DATA ANALYSIS AND RESULT

A total of 400 copies of questionnaires were administered to respondents in Tarauni and Kano Municipal local governments. However, only 385 copies, which represent (96%), were retrieved and found usable for the study as the remaining 15 were not returned. The demographic information shows that majorities of the respondents were aged between twenty-five and thirty years, single, males and had at least a secondary school certificate.

Research Question One: to what extent have the residents of Kano been exposed to digital images on Covid-19 that often accompany fake news in social media?

					Read News Online Everyday					
Score		Total	NoR	Mean	Std					
TVGE	TGE	TLE	TVE	TNE						
TLG (75)	TLG (52)	TLG (31)	TLG (22)	TLG (15)	Total	385	4.53	2.12		
KMLG (69)	KMLG (51)	KMLG (29)	KMLG (21)	KMLG (20)	Score	Accepted				
Total= 144	Total = 103	Total = 60	Total = 43	Total = 35	1747					
					Prefer news accompanied by images					
TLG (104)	TLG (41)	TLG (28)	TLG (15)	TLG (8)	Total	385	4.77	2.18		
KMLG (99)	KMLG (38)	KMLG (26)	KMLG (19)	KMLG (7)	Score	Accepted				
Total= 203	Total = 79	Total = 54	Total = 34	Total = 15	1837					
					Share and like news accompanied by digital images					
TLG (102)	TLG (44)	TLG (30)	TLG (11)	TLG (9)	Total	385	4.40	2.09		
KMLG (93)	KMLG (42)	KMLG (27)	KMLG (13)	KMLG (14)	Score	Accepted				
Total= 195	Total = 86	Total = 57	Total = 24	Total = 23	1695					

Table 1: Extent of Exposure of Kano Residents to Digital Images on Covid-19 in Social Media. (Source: field work, 2020)

The data in Table 1 shows that Kano residents are exposed to digital images that accompany news in social media to a very great extent. Based on the findings, they read online news every day, prefer news that are accompanied by images, share and like news accompanied by digital images. The mean and standard deviation of each item weighted above the mean score of 3 and is acceptable in the study. The implication of the data implies that Kano residents are exposed to digital images on Covid-19 in social media, and this often made them prefer news accompanied by images as well as share and like news online with images.

Research Question Two: to what extent have residents of Kano been influenced with fake news on Covid-19 with images?

Believe that pictures do not lie					Total	NoR	Mean	Std
Score								
TVGE	TGE	TLE	TVE	TNE				
TLG (84)	TLG (49)	TLG (36)	TLG (23)	TLG (4)	Total	385	3.98	1.99
KMLG (75)	KMLG (46)	KMLG (35)	KMLG (27)	KMLG (6)	Score		Accepted	
Total= 159	Total = 95	Total = 71	Total = 50	Total = 10	1536			
Compare real pictures with fakes					Total	NoR	Mean	Std
Score								
TLG (4)	TLG (20)	TLG (31)	TLG (50)	TLG (91)	Total	385	2.15	1.46
KMLG (2)	KMLG (25)	KMLG (30)	KMLG (48)	KMLG (84)	Score		Rejected	
Total= 6	Total = 45	Total = 61	Total = 98	Total = 175	830			
Verify the sources of the images before sharing					Total	NoR	Mean	Std
Score								
TLG (3)	TLG (5)	TLG (10)	TLG (73)	TLG (105)	Total	385	1.85	1.36
KMLG (2)	KMLG (3)	KMLG (17)	KMLG (66)	KMLG (101)	Score		Rejected	
Total= 5	Total = 8	Total = 27	Total = 139	Total = 206	715			

Table 2: Extent to which the residents of Kano are influenced by fake news on Covid-19 with images (Source: field work, 2020)

The data in Table 2 indicates that Kano residents are influenced by fake news as accompanied by images. Most of the respondents believe that pictures do not lie, they do not compare real images with fake ones and they do not verify the sources of images before sharing. The mean of 3.98 shows this. Furthermore, all the items used in testing awareness were rejected as they

were found to be below the criterion mean. A majority of the respondents do not compare real pictures with fakes; neither do they verify sources before sharing. This means that they believe that pictures do not lie but lack the ability to compare real pictures with fakes as well as verification of sources of the images before sharing.

Research Question Three: what are the factors that often lead to influence of fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano?

					Perception or Instinct			
Score		Total	NoR	Mean	Std			
TVGE	TGE	TLE	TVE	TNE				
TLG (91)	TLG (50)	TLG (33)	TLG (19)	TLG (3)	Total	385	3.71	1.92
KMLG (84)	KMLG (47)	KMLG (39)	KMLG (17)	KMLG (2)	Score	Accepted		
Total= 175	Total = 97	Total = 72	Total = 36	Total = 5	1432			
Eagerness to be the first to share images								
TLG (110)	TLG (38)	TLG (26)	TLG (17)	TLG (5)	Total	385	4.54	2.13
KMLG (107)	KMLG (32)	KMLG (24)	KMLG (23)	KMLG (3)	Score	Accepted		
Total= 217	Total = 70	Total = 50	Total = 40	Total = 8	1749			
Lack of knowledge about image verification tools								
TLG (99)	TLG (42)	TLG (32)	TLG (19)	TLG (4)	Total	385	3.50	1.87
KMLG (93)	KMLG (40)	KMLG (37)	KMLG (17)	KMLG (2)	Score	Accepted		
Total= 192	Total = 82	Total = 69	Total = 36	Total = 6	1350			

Table 3: Factors that often lead to Influence of Fake News with Digital Images on Covid-19 among Social Media Users in Kano (Source: field work, 2020)

The data in Table 3 shows factors that often make influential the fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano. All the factors listed were accepted as such factors that make fake news accompanied by images influential. The factors are: eagerness to be the first to share images, which has the highest criterion mean of 4.54, and lack of knowledge

about image verification tools. This indicates that all the factors lead to increasing the influence of fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano.

Research Question Four: which of the social media platforms is mostly used in spreading fake news with images on Covid-19 in Kano?

Facebook					Total	NoR	Mean	Std
Score								
TVGE	TGE	TLE	TVE	TNE				
TLG (116)	TLG (39)	TLG (27)	TLG (12)	TLG (2)	Total	385	4.63	2.15
KMLG (112)	KMLG (34)	KMLG (26)	KMLG (14)	KMLG (3)	Score	Accepted		
Total= 228	Total = 73	Total = 53	Total = 26	Total = 5	1783			
Twitter					Total	NoR	Mean	Std
TLG (93)	TLG (57)	TLG (32)	TLG (12)	TLG (2)	Total	385	3.76	1.93
KMLG (84)	KMLG (55)	KMLG (39)	KMLG (9)	KMLG (2)	Score	Accepted		
Total= 177	Total = 112	Total = 71	Total = 21	Total = 4	1450			
Instagram					Total	NoR	Mean	Std
TLG (22)	TLG (31)	TLG (35)	TLG (42)	TLG (66)	Total	385	2.22	1.48
KMLG (29)	KMLG (33)	KMLG (38)	KMLG (41)	KMLG (48)	Score	Rejected		
Total= 51	Total = 64	Total = 73	Total = 83	Total = 114	856			
YouTube					Total	NoR	Mean	Std
TLG (4)	TLG (17)	TLG (42)	TLG (64)	TLG (69)	Total	385	1.55	1.24
KMLG (9)	KMLG (15)	KMLG (39)	KMLG (59)	KMLG (67)	Score	Rejected		
Total= 13	Total = 32	Total = 81	Total = 123	Total = 136	597			

Table 4: Social media platforms mostly used in spreading fake news with images on Covid-19 in Kano? (Source: field work, 2020)

The data in Table 4 examines social media platforms that are mostly used in spreading fake news with images on Covid-19 in Kano. The data indicate

that fake news with images on Covid-19 are often spread mostly on Facebook – to a very great extent, which has the highest criterion mean of 4.63; followed by Twitter with 3.76. Based on the findings, Instagram and YouTube were not used to a great extent in spreading fake news with images on Covid-19 in the state. This means that Kano residents often used Facebook to spread fake news with images on Covid-19 in the state.

DISCUSSION OF FINDINGS

Based on the findings, the study discovered that Kano residents were exposed to digital images that often accompany news in social media to a great extent. They read news online every day, prefer news that is accompanied by images, share and like news online. The findings attest to the fact of the prevalence of fake digital images on Covid-19 within the study period. It demonstrates the influence of prevalent media technology thereby validating the assumption of technology determinism theory. The uncontrollable influence of digital technologies is too overwhelming as observed by Osuagwu (2020). Chedda (2012) notes that a study conducted as far back as 2007 has shown that 350 million photographs were available on Flickr with one million increasing daily, while another one showed that Facebook recorded 50 million total upload of images.

The study also found that Kano residents are influenced by fake news with digital images on Covid-19 to a very great extent. The implication of the findings shows that fake news is proliferating because social media users are not aware of image manipulation devices that enable the propagation of fake images. Mills (2018) found that people are unaware of digital manipulations of images and cannot differentiate between real and fake digital images. Skop *et al.*'s (2017) research also suggests that people need more awareness through digital literacy because their research found that fake images were more prominent on web and social media than other media like television, print, and radio. Mills (2018) found that people are fed with fake news in both texts and images because of ignorance. The theory of perception also validates the findings in the sense that people are often influenced by what they see or perceive to be right or true.

Similarly, there are factors that often lead to the influence of fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano. Among these factors are: perception or instinct, eagerness to be the first to share images and lack of knowledge about image verification tools. All the factors used to measure influence and believability in fake digital images were accepted. The findings of the study are in agreement with the findings of Vosoughi *et al.*, (2018) that fake news spread “faster, farther, deeper and more broadly than

truth”. Furthermore, Hollander (2018) suggests that misperception often lead to misinformation or conspiracy beliefs.

Furthermore, data indicate that fake news with images on Covid-19 often spread mostly on Facebook, followed by Twitter. This corresponds with the findings of Msughter (2020) that the outbreak of Covid-19 witnessed a digitalized era of unprecedented campaigns in Nigeria. Citizens are engaged in using social media during the period to sensitize people and to call on the government to help prevent the spread of the virus. Facebook appears to be among the platforms massively used by Nigerians to create awareness on Covid-19 in the country.

CONCLUSION

The study on the influence of digital images on social media and proliferation of fake news on Covid-19 among residents of Kano, Nigeria, revealed that Kano residents were broadly exposed to digital images that often accompanied news in social media. The study found out that Kano residents are influenced by fake news with digital images on Covid-19 to a very great extent and that there are also factors that often lead to the influence of fake news with digital images on Covid-19 among social media users in Kano. This can be attributed to the deterministic nature of social media, particularly, because of their distinguishing attribute of speed. The study also discovered that Kano residents lack knowledge about image verification tools as well as the negative implication of sharing fake digital images on Covid-19, especially attributing false information on Covid-19 to individuals, using their photographs. The study concludes that ignorance and the old belief that pictures do not lie are responsible for fake news with images on Covid-19 in Kano.

References

- Abdulrauf-Salau, A. (2013). Twitter as News Source to Select Audiences in Ilorin, Nigeria. In D. Wilson (Ed.), *Communication and the Media in Nigeria: Social Engagements, Political Development and Public Discourse*. African Council for Communication Education.
- An Introduction, fake news. (2017). *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(4), 7.
- Anaeto, S. G., Onabajo, O. S., & Osifeso, J. B. (2008). *Models and Theories of Communication*. African Renaissance Books Incorporated.
- Asak, M. O., & Ohiagu, O. P. (2013). *Digital communication, new media theories and ethics: An introductory text*. Uche's Business Service.
- Asemah, E. (2018, June 29). Fake news and Nigeria's herder crisis. *BBC News*. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-africa-44655148>

- BUK VC not positive, says Kano. (2020). Retrieved from Punch Newspapers website: <https://punchng.com/buk-vc-not-positive-says-kano/>
- Chedda, A. (2012, July 4). Feature | Doctored image detection: A brief introduction to digital image forensics. Retrieved January 7, 2021, from Algerian Network for Academic Scientists & Researchers website: <https://www.new.anasr.org/2012/07/04/feature-doctored-image-detection-a-brief-introduction-to-digital-image-forensics/>
- Elkasrawi, S., Dengel, A., Abdelsamad, A., & Bukhari, S. S. (2016). What You See is What You Get? Automatic Image Verification for Online News Content. *2016 12th IAPR Workshop on Document Analysis Systems (DAS)*, 114–119. Santorini, Greece: IEEE. doi: 10.1109/DAS.2016.75
- Fears of Covid-19 Outbreak in Nigeria's Kano State. (2020, May 1). Retrieved from Human Rights Watch website: <https://www.hrw.org/news/2020/05/04/fears-covid-19-outbreak-nigerias-kano-state>
- Fry, K. G. (2017). What Do We Mean by Fake? What Do We Mean by News? *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(4), 8–12.
- Gerding Speno, A., & Aubrey, J. S. (2018). Sexualization, Youthification, and Adultification: A Content Analysis of Images of Girls and Women in Popular Magazines. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(3), 625–646. doi: 10.1177/1077699017728918
- Hollander, B. A. (2018). Partisanship, Individual Differences, and News Media Exposure as Predictors of Conspiracy Beliefs. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(3), 691–713. doi: 10.1177/1077699017728919
- Madden, S. (2017). Responding to terrorism in the digital age. *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(3), 20–24.
- McLuhan, M. (1964). The medium is the message. In *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill Education.
- McQuail, D. (2011). *Mass Communication Theory: An introduction* (6. ed., Repr). London: Sage Publication.
- Mills, H. L. (2018). Avatar Creation: The Social Construction of “Beauty” in Second Life. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(3), 607–624. doi: 10.1177/1077699017722105
- Mohammed, L. (2017). *Hate speech, disinformation, delivered e-news and national building. A speech delivered at the extra-ordinary meeting the National Council on Information*. Jos.
- Msughter, A. E. (2020). Internet Meme as a Campaign Tool to the Fight against Covid-19 in Nigeria. *Global Journal of Human-Social Science Research*, 20(6), 27–39.
- National Bureau of Statistics. Kano State population. (2019). Retrieved from <https://www.nigerianstat.gov.ng/>
- Nyhan, B., & Reifler, J. (2015). Displacing Misinformation about Events: An Experimental Test of Causal Corrections. *Journal of Experimental Political Science*, 2(1), 81–93. doi: 10.1017/XPS.2014.22

- Osuagwu, T. R. (2018). Trumped up support for Trump: What did the Nigerian women say? In S. S. Chen, N. Allaire, & Z. J. Chen (Eds.), *Constructing narratives in response to Trump's election: How various population make sense of unexpected victory*. Lexington Books.
- Osuagwu, T. R. (Ed.). (2020). *Influence of digital images on the propagation of fake news among residents of South-east, Nigeria. Fake news and hate speech: Narratives of political instability* (6th ed.). Canada: Concord Ontario.
- Riley, R. (2017). If it's fake, it's not news. *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(4), 14–17.
- Rubin, V. L., Chen, Y., & Conroy, N. K. (2015). Deception detection for news: Three types of fakes. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 52(1), 1–4. doi: 10.1002/pr2.2015.145052010083
- Sanni, K. (2018, November 12). Why Nigerians, others fall for fake news—BBC Research | Premium Times Nigeria. Retrieved January 7, 2021, from Premium Times website: <https://www.premiumtimesng.com/news/top-news/295321-why-nigerians-others-fall-for-fake-news-bbc-research.html>
- Sarma, B., & Nandi, G. (2014). A Study on Digital Image Forgery Detection. *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*, 4(11), 878–882.
- Shen, C., Kasra, M., Pan, W., Bassett, G. A., Malloch, Y., & O'Brien, J. F. (2019). Fake images: The effects of source, intermediary, and digital media literacy on contextual assessment of image credibility online. *New Media & Society*, 21(2), 438–463. doi: 10.1177/1461444818799526
- Skop, Y., Smits, L., Seegers, V., & Yang, W. (2017, October 25). Creating awareness by visualizing the variety of “fake news.” Retrieved from Masters of Media website: <http://mastersofmedia.hum.uva.nl/blog/2017/10/25/creating-awareness-by-visualizing-the-variety-of-fake-news/>
- Social media firms fail to act on Covid-19 fake news. (2020, June 3). *BBC News*. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/technology-52903680>
- Vosoughi, S., Roy, D., & Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, 359(6380), 1146–1151. doi: 10.1126/science.aap9559
- White, C. J., Carlsen, H., Robertson, A. W., Klein, R. J. T., Lazo, J. K., Kumar, A., ... Zebiak, S. E. (2017). Potential applications of subseasonal-to-seasonal (S2S) predictions: Potential applications of subseasonal-to-seasonal (S2S) predictions. *Meteorological Applications*, 24(3), 315–325. doi: 10.1002/met.1654

Список литературы

- Abdulrauf-Salau, A. (2013). Twitter as News Source to Select Audiences in Ilorin, Nigeria. In D. Wilson (Ed.), *Communication and the Media in Nigeria: Social Engagements, Political Development and Public Discourse*. African Council for Communication Education.

- An Introduction, fake news. (2017). *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(4), 7.
- Anaeto, S. G., Onabajo, O. S., & Osifeso, J. B. (2008). *Models and Theories of Communication*. African Renaissance Books Incorporated.
- Asak, M. O., & Ohiagu, O. P. (2013). *Digital communication, new media theories and ethics: An introductory text*. Uche's Business Service.
- Asemah, E. (2018, June 29). Fake news and Nigeria's herder crisis. *BBC News*. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-africa-44655148>
- BUK VC not positive, says Kano. (2020). Retrieved from Punch Newspapers website: <https://punchng.com/buk-vc-not-positive-says-kano/>
- Chedda, A. (2012, July 4). Feature | Doctored image detection: A brief introduction to digital image forensics. Retrieved January 7, 2021, from Algerian Network for Academics Scientists & Researchers website: <https://www.new.anasr.org/2012/07/04/feature-doctored-image-detection-a-brief-introduction-to-digital-image-forensics/>
- Elkasrawi, S., Dengel, A., Abdelsamad, A., & Bukhari, S. S. (2016). What You See is What You Get? Automatic Image Verification for Online News Content. *2016 12th IAPR Workshop on Document Analysis Systems (DAS)*, 114–119. Santorini, Greece: IEEE. doi: 10.1109/DAS.2016.75
- Fears of Covid-19 Outbreak in Nigeria's Kano State. (2020, May 1). Retrieved from Human Rights Watch website: <https://www.hrw.org/news/2020/05/04/fears-covid-19-outbreak-nigerias-kano-state>
- Fry, K. G. (2017). What Do We Mean by Fake? What Do We Mean by News? *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(4), 8–12.
- Gerding Speno, A., & Aubrey, J. S. (2018). Sexualization, Youthification, and Adultification: A Content Analysis of Images of Girls and Women in Popular Magazines. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(3), 625–646. doi: 10.1177/1077699017728918
- Hollander, B. A. (2018). Partisanship, Individual Differences, and News Media Exposure as Predictors of Conspiracy Beliefs. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(3), 691–713. doi: 10.1177/1077699017728919
- Madden, S. (2017). Responding to terrorism in the digital age. *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(3), 20–24.
- McLuhan, M. (1964). The medium is the message. In *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill Education.
- McQuail, D. (2011). *Mass Communication Theory: An introduction* (6. ed., Repr). London: Sage Publication.
- Mills, H. L. (2018). Avatar Creation: The Social Construction of "Beauty" in Second Life. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(3), 607–624. doi: 10.1177/1077699017722105
- Mohammed, L. (2017). *Hate speech, disinformation, delivered e-news and national building. A speech delivered at the extra-ordinary meeting the National Council on Information*. Jos.

- Msughter, A. E. (2020). Internet Meme as a Campaign Tool to the Fight against Covid-19 in Nigeria. *Global Journal of Human-Social Science Research*, 20(6), 27–39.
- National Bureau of Statistics. Kano State population. (2019). Retrieved from <https://www.nigerianstat.gov.ng/>
- Nyhan, B., & Reifler, J. (2015). Displacing Misinformation about Events: An Experimental Test of Causal Corrections. *Journal of Experimental Political Science*, 2(1), 81–93. doi: 10.1017/XPS.2014.22
- Osuagwu, T. R. (2018). Trumped up support for Trump: What did the Nigerian women say? In S. S. Chen, N. Allaire, & Z. J. Chen (Eds.), *Constructing narratives in response to Trump's election: How various population make sense of unexpected victory*. Lexington Books.
- Osuagwu, T. R. (Ed.). (2020). *Influence of digital images on the propagation of fake news among residents of South-east, Nigeria. Fake news and hate speech: Narratives of political instability* (6th ed.). Canada: Concord Ontario.
- Riley, R. (2017). If it's fake, it's not news. *Spectra, the Magazine of the National Communication Association*, 53(4), 14–17.
- Rubin, V. L., Chen, Y., & Conroy, N. K. (2015). Deception detection for news: Three types of fakes. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 52(1), 1–4. doi: 10.1002/pr2.2015.145052 010083
- Sanni, K. (2018, November 12). Why Nigerians, others fall for fake news—BBC Research | Premium Times Nigeria. Retrieved January 7, 2021, from Premium Times website: <https://www.premiumtimesng.com/news/top-news/295321-why-nigerians-others-fall-for-fake-news-bbc-research.html>
- Sarma, B., & Nandi, G. (2014). A Study on Digital Image Forgery Detection. *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*, 4(11), 878–882.
- Shen, C., Kasra, M., Pan, W., Bassett, G. A., Malloch, Y., & O'Brien, J. F. (2019). Fake images: The effects of source, intermediary, and digital media literacy on contextual assessment of image credibility online. *New Media & Society*, 21(2), 438–463. doi: 10.1177/1461444818799526
- Skop, Y., Smits, L., Seegers, V., & Yang, W. (2017, October 25). Creating awareness by visualizing the variety of “fake newses.” Retrieved from Masters of Media website: <http://mastersofmedia.hum.uva.nl/blog/2017/10/25/creating-awareness-by-visualizing-the-variety-of-fake-newses/>
- Social media firms fail to act on Covid-19 fake news. (2020, June 3). *BBC News*. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/technology-52903680>
- Vosoughi, S., Roy, D., & Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, 359(6380), 1146–1151. doi: 10.1126/science.aap9559
- White, C. J., Carlsen, H., Robertson, A. W., Klein, R. J. T., Lazo, J. K., Kumar, A., ... Zebiak, S. E. (2017). Potential applications of subseasonal-to-seasonal (S2S) predictions: Potential applications of subseasonal-to-seasonal (S2S) predictions. *Meteorological Applications*, 24(3), 315–325. doi: 10.1002/met.1654

THE RHETORIC OF POLITICAL EMOTIONS IN THE INTERNET NEWS DISCOURSE

Ekaterina V. Teneva

St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. Email: [ekateneva\[at\]gmail.com](mailto:ekateneva[at]gmail.com)

Abstract

The paper focuses on the issues of public opinion manipulation and emotionalization of the Internet news discourse. The purpose of this study is to identify the specifics of political emotions and their rhetorical potential in the Internet news discourse. Through the discourse analysis of the statements uttered by politicians and taken from the news stories of the highly circulated British and American online media, political emotions are defined as a particular type of emotions intended to manipulate public opinion both emotionally and politically. The analysis of the rhetorical potential of political emotions reveals that political emotions can be used with the aim of social solidarity, group identification, decision-making, shaping public opinion, discrediting the opponent, polarizing social groups as well as enhancing the public image of a politician in the Internet news discourse. The findings provide the support for the hypothesis that political emotions play an important role in modern argumentation, leaving the facts behind and becoming a key factor that determines the credibility of information in the modern online media. The results of this study can be applied in the field of linguistics, journalism, psychology and political science. A range of implications for understanding the complex nature of emotions and their key role in the Internet news discourse is explored.

Keywords

political emotions; manipulation; emotionalization; Internet news discourse; media studies

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

РИТОРИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ В НОВОСТНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Тенева Екатерина Веселиновна

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Email: [ekateneva\[at\]gmail.com](mailto:ekateneva[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена вопросам манипуляции общественным мнением и эмоционализации новостного Интернет-дискурса. Целью настоящей работы является выявление специфики политических эмоций и их риторического потенциала в новостном Интернет-дискурсе. В результате дискурсивного анализа высказываний, сделанных политиками и взятых из новостных сообщений высокотиражных британских и американских Интернет-СМИ, политические эмоции определяются как особый тип эмоций, используемых с целью как эмоциональной, так и политической манипуляции общественным мнением. Анализ риторического потенциала политических эмоций показывает, что они могут быть использованы в новостном Интернет-дискурсе с целью социальной солидарности, групповой идентификации, принятия решений, формирования общественного мнения, дискредитации оппонента, поляризации социальных групп, а также улучшения имиджа политика. Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что политические эмоции играют важную роль в современной аргументации, оставив факты позади и став главным фактором, определяющим достоверность информации в современных Интернет-СМИ. Результаты этого исследования могут быть применены в области лингвистики, журналистики, психологии и политологии. В статье исследуется ряд вопросов, необходимых для понимания сложной природы эмоций и их ключевой роли в новостном Интернет-дискурсе.

Ключевые слова

политические эмоции; манипуляция; эмоционализация; новостной Интернет-дискурс; медиаисследования

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

It is undeniable that journalists are the first teachers of this society as the news written by them reaches every doorstep. Our society reads it to get informed, become knowledgeable and proactive (Khatti, 2019, p. 120). New era of journalistic work is influenced by the establishment of online journalism (Hudikova, 2020, p. 126). It is also characterized by the rise of new media technologies which are defined as technologies that aid the transfer of information or communications through digital techniques (Adjin-Tettey & Mbatha, 2020, p. 17). The advent of the Internet and digital technologies has fundamentally changed the way recipients consume media content (Moravcikova, 2020, p. 29). Under the influence of modern technologies new media as a mediator between the government and society have transformed our communication, including online interaction, and become a means of manipulating public opinion as well as a tool for struggle both for power and readers' attention. Thus, in order to understand the complexity of this transformation and its profound effect on society a thorough study of manipulative tools, rhetorical devices and their language markers used for influencing a mass addressee in the new media needs to be carried out.

The present study is of relevance and particular interest since the phenomenon of emotions has a profound effect on the global political, economic and social processes. This is due to several factors:

1) The Internet is an integral part of social communication of a modern person. Online media alongside with social media play an important role in shaping the audience's perception of social, political and cultural events and problems.

2) Modern political processes are rife with examples of the influence of emotions on politics. Currently, almost every political episode or event is covered and accompanied by emotional experiences in the media.

In the post-truth era online media are characterized by the dominance of unverified and fabricated facts, a large number of fake news, conspiracy theories as well as the prevalence of the emotional argumentation over the factual and rational information (Bykov et al., 2019, p. 6). For instance, according to the study of Khattri (2019), about 78% of journalists in Jaipur adopt information furnished by unreliable and uncertified sources while using social media. Helvoort and Hermans (2020) conclude that the spread of fake news is considered a threat for democracy and civic participation in a lot of European countries.

The term “post-truth” era was coined by Keyes (2004) who argued that deception is becoming more prevalent in the modern media-driven world and is viewed as something acceptable. Campaigns of disinformation using emo-

tional manipulation and lies (or half-lies) are a common practice of the modern political processes (Bykov et al., 2019). Rational arguments and objective facts no longer play the role of a key to attracting the audience, whereas the appeal to emotions has become ubiquitous, especially in the new media. For this reason, it is vital to study emotions in the Internet news discourse.

METHODS

This paper represents a case study of the phenomenon of political emotions in the Internet news discourse. The aim of the study is to provide new insights into the understanding of the notion of political emotions and their role in the news coverage of political events. There are several research objectives which facilitate the achievement of the research aim. They are as follows:

- a) to identify the specifics of political emotions in the English-language Internet news discourse;
- b) to analyze their rhetorical functions in this type of discourse;
- c) to detect their linguistic markers and the main rhetorical devices used for emotional manipulation.

The research hypothesis suggests that political emotions have a manipulative character and play one of the key roles in shaping public opinion in the Internet news discourse.

A discourse analysis of more than 100 news stories taken from the online papers published between 2001 and 2020 was used to detect the linguistic markers of political emotions and analyze the implications of the emotive language used by politicians in the news statements. News stories were collected using LexisNexis database as a data collection tool. The British and American papers, including *The Times*, *The Guardian*, *The Telegraph*, *The Local*, *The New York Times* and *The Washington Post*, were selected based on their high quality and popularity in the UK and USA, as they are considered to be the most reputable, influential and credible papers that may contribute to the reliability of the scientific results of the analysis of the collected material.

The content analysis of the news stories was used to make inferences about the specifics of political emotions and their rhetorical functions in the Internet news discourse.

DISCUSSION

It is worth noting that emotions have always been an essential and integral part of communication process, whether it is everyday speech or political communication.

In fact, emotions can reflect not only our feelings but also our beliefs, values and even judgments or evaluative thoughts. According to Aristotelian rhetoric, emotions can be cognitive and embody thoughts which can be evaluated like any ideas (Aristotle, as cited in Coelho & Huppés-Cluysenaer, 2018, p. 14).

Furthermore, emotions can be seen as a tool of public opinion manipulation. By manipulation we mean “a type of psychological impact which is exerted on the addressee by imposing implicit (or hidden) goals, desires, intentions or attitudes towards some event, thing or person that do not coincide with those of the addressee” (Chernyavskaya, 2006, p. 56). In other words, it is a type of impact which forces the addressee to accept the author's viewpoint without any evidence or proofs. From Aristotle's viewpoint, “the orator has to cultivate certain emotions in an audience to instill an attitude oriented toward following the rule of law” (Aristotle, as cited in Coelho & Huppés-Cluysenaer, 2018, p. 9). In other words, by imposing certain emotions on the audience, a speaker influences the latter and makes it accept the view that is advantageous for him/her. The same conclusion was made by Le Bon, who documented about emotions and argued that “given to exaggeration in its feelings, a crowd is only impressed by excessive sentiments. An orator wishing to move a crowd must make an abusive use of violent affirmations. To exaggerate, to affirm, to resort to repetitions, and never to attempt to prove anything by reasoning are methods of argument well known to speakers at public meetings” (Le Bon, 1995, p. 34-35). Van Dijk (1988) convincingly argues that facts are better described and remembered if they contain strong emotions. From this perspective, in order to convince mass audience the speaker (orator) has to use emotional manipulation rather than logical argumentation.

Regarding the appeal to emotions in the media, it is worth saying that they are considered to be one of the determining factors in defining news value. In general, the impact in the media can be carried out both through the use of logical and emotional methods of influence. The logical way of influencing the audience either does not always work or works not for everyone, since a reader tends to avoid the information that can prove to him/her that his/her behavior or views can be erroneous. Rational argumentation seems to have a reverse effect, forcing the news audience to trust and rely on unverified facts as well as emotional statements in the media. Therefore, the appeal to emotions has become the most effective and quickest way to give a news story more prominence, draw the audience's attention to it and manipulate public opinion.

Currently, the study of emotions in the media has become of particular importance to many scientists (Slaby & Szanto, 2020). Research reveals that journalists increasingly incorporate emotional elements in news stories (Aich-

berger & Huber, 2020). Emotions influence the way the news audience perceives information and forms its opinion (Kuklinski, 2001). The transmission of emotions in the media is almost as important as that of knowledge (Bassols et al., 2013). For instance, there are certain emotions that contribute towards communicative success of TV programs by capturing viewers' attention and not concentrating on their knowledge of the matter. This may be explained by the fact that the audience is diverse and can be unprepared for the scientific or technical issues discussed in these programs. In this regard, emotionalization, which is increasingly dominant in the modern media, becomes an important strategy in the programs that seek to spread scientific knowledge among the general public.

The use of emotionalization strategy has become one of the distinguished features of the modern Internet news discourse. It can be identified as “a deliberate use of emotive language and rhetorical devices in the media” (Teneva, 2019, p. 47). Its aim is to create a positive or negative image (opinion or attitude) of some person (or event) in the media in order to manipulate public opinion. Emotionalization can also be defined as the intentional “evoking of emotions” (Flemming et al., 2018, p. 1).

The issue of emotionalization of the media sphere has always been relevant. Habermas's (1991) position reflects the existing ambivalence towards mass media. On the one hand, he claims that media make it difficult for their audience to form rational-critical opinion which could oppose the established power. From his viewpoint, media provoke emotional responses from their audience, thus distracting it from the political actions and making it reluctant to the decision-making process. Following the views of Habermas, Lunt and Stenner (2005) consider “The Jerry Springer Show” to be an emotional public sphere and conclude that this TV show has little to do with rational-critical discussion.

On the other hand, Habermas considers media to be an ideal platform for public communication that might generate the critical consensus on the prevailing issues of the day (Habermas, as cited in Livingstone & Lunt, p.10). Thus, the influence of certain emotions that are used in the media cannot be undervalued or neglected as they can be thought-provoking and make substantial contributions to social, economic and political spheres. For instance, Okpadah notes that TV coverage “has affected and influenced the trends of world politics” (Okpadah, 2020, p.160).

In general, emotions have a direct impact on political processes (Brecke & Long, 2003). Nussbaum mentions that “all societies are full of emotions <...>, including anger, fear, disgust, sympathy, envy, guilt, grief, many forms of love. Some of these emotions have little to do with political principles or the public culture, but others are different: they take as their object the nation, the

nation's goals, its institutions and leaders..." (Nussbaum, 2013, p. 126). In this regard, there is a correlation between political realms and the types of emotions or reactions that they evoke or by which they can be characterized. It is also evident that certain emotions have political implications. For instance, it is of interest for Cvetkovich (2010) why some sentiments are valued in public communication while others are judged irrelevant.

From our viewpoint, political emotions can be defined as a set of conscious and unconscious emotional reactions of subjects or objects of political reality to political events or figures as well as changes in the political environment with the purpose of public opinion manipulation. We tend to assume that the main purpose of the appeal to political emotions in the media is to evoke certain feelings in the addressee in order to identify and convince him/her in the correctness of the political arguments, which, namely, can be called emotional identification. By identification we mean "a general principle of communication process used to make a speaker's viewpoint acceptable to the addressee and, thereby, convince him/her" (Teneva, 2019, p. 47). Burke (1969) considered identification to be a key principle of rhetoric and claimed that identification was more important than persuasion. In other words, in order to convince the news audience it is necessary to identify with it. From this perspective, identification can be considered one of the fundamental premises of manipulation.

There are several types of identification in the new media. Firstly, journalists as well as politicians can identify with the readers' or voters' opinions by directly addressing them and making them believe that they share the same opinions. Secondly, identification with authority (experts or materials containing statistics) as well as identification with popular opinion that exists in the media have also become a common tool of manipulating public opinion in the modern media. Nevertheless, emotional identification remains the most widely spread in the new media, especially on social media, and is aimed at "emotional infection" of the addressee by identifying the feelings and emotional state of the speaker with the addressee's feelings in order to manipulate him/her. Therefore, the use of emotional identification which is seen as an essential premise of manipulation has become increasingly widespread both on social media and in the new media.

RESULTS

Within the framework of this paper political emotions are viewed as one of the common tools of emotionalization strategy used to manipulate the opinions of the readers of online papers. For the purpose of this analysis, we have studied over 100 statements taken from the British and American online

papers and concluded that political emotions perform several rhetorical functions:

1. Social solidarity and group identification

The main function of political emotions is the function of social solidarity or group identification with the audience. For instance, the emotion of hope is used in the Internet news stories with the aim of political integration in order to stimulate positive perception of information by the audience, reduce political tension in conflict situations, influence the addressee as well as convince him/her in the rightness of the politician's opinion. To illustrate it, we need to look at the following examples:

1) “We hope that the new leadership of the United States will be more constructive, and will help us come to a mutually acceptable solution,” Putin said in a speech in St. Petersburg (Levy, 2008).

2) “I [Jiang Zemin] hope the Western world can understand China better. This is not simply an issue that has a bearing on myself. It actually has a bearing on the pride and feelings of the 1.2 billion Chinese people and the tens of millions of Chinese descendants overseas. They all hope that Taiwan and the mainland can be reunified at an early date” (Sulzberger, 2001).

In these examples both politicians express hope which is aimed at a positive solution of the problem by identifying their opinion with the opinion of the addressee and the whole country, whose interests they represent in the international political arena.

Example № 1 shows that Russia's President, Vladimir Putin, expresses his hope for a better relationship between Russia and America by identifying his opinion with that of the addressee. For that purpose he uses the inclusive pronoun “we” alongside with the verb denoting hope, which creates the impression of emotional involvement as well as highlights the sense of togetherness of the addressee with the thoughts and feelings of the politician. The feeling of emotional “involvement” and unity with the reader increases the emotionality and persuasiveness of the information, brings the reader closer to the opinion of the politician and is used for his/her “emotional infection”.

It should be noted that the pronoun “we” and other inclusive pronouns (“all of us”, “we all”, “many of us”, “most of us”, “everyone”, “anyone”, “no one”, etc.) have rhetorical functions: they remove responsibility from the speaker, shifting it to the addressee as well as making the statement sound less categorical so as not to irritate the addressee and avoid political tension. The verb “expect” which is used in the statement is central in the “expectation and

hope” verb system, denoting anticipation and expectation of a positive answer from the addressee. The use of the emotive language with a positive meaning (“constructive”, “a mutually acceptable”) also contributes to the emotional impact on the addressee.

In example № 2 the ex-leader of China, Zhang Zemin, expresses his hope for a positive solution to the Taiwan problem, namely, the complete unification of China with Taiwan. The Chinese leader identifies his emotional state with the feelings of the entire Chinese people by addressing them (“1.2 billion Chinese people and the tens of millions of Chinese descendants overseas”) in order to show that he is one of them.

Thus, the use of emotions with the intention of identification and solidarity has a profound effect on the mass audience, forcing it to trust the words of the politicians. This is one of the widespread manipulative tools in the Internet news discourse.

2. Motivation in decision-making process

Emotions in the new media are considered one of the main factors in regulating social behaviour, polarizing social groups as well as shaping decision-making since media are generally regarded as “instruments of socialization” (Polievkova, 2020, p. 64). In this regard, political emotions can be seen as a key to decision-making process. They motivate the audience to take actions that benefits politicians, which is ultimately aimed at emotional manipulation. Let us consider the following examples:

3) “My hope is that newly elected President Trump will use this opportunity much as President Nixon did in going to China,” Blumenthal said (Lois, 2016).

4) Trump turned to Zelenskiy and declared: “I really hope you and President Putin get together and can solve your problem” (Higgins, 2019).

In these examples both politicians express their feelings of hope in order to motivate the addressee (their political counterparts) to take actions that are favorable to them and influence the political choices and views of the addressee. The emotional state is actually imposed on the mass audience that is supposed to read these online news stories. The feeling of hope is transmitted on it and undoubtedly increases the persuasiveness of political arguments in its eyes.

Thus, it is assumed that political emotions may be seen as an “argumentation engine” intended to force the audience to make political decisions, which undoubtedly contributes to their significant role in the new media as well as in political communication.

3. Shaping public opinion

Emotions play an essential role in the formation of political judgments or opinions. For instance, a compliment, praise, or approval are often used by politicians in order to form the opinion they need or portray a picture of political reality that is beneficial to them. In these cases, political emotions are often accompanied by identification of the politician's opinion with authority.

In general, the appeal to authority is perceived as an argument which claims to be taken for granted and without any evidence. By referring to authority, a politician actually persuades the audience to accept his/her opinion. Authority in the Internet news discourse is based on the general agreement or consensus of readers' opinions and depends on the popularity, public image and fame of this or that politician rather than on facts or knowledge. Thus, logical arguments are not that important in this type of discourse whereas the emotional and psychological side of the evidence plays a key role. In other words, the main emphasis of the statement is not on the knowledge of the political fact as such, but on its assessment and the degree of its impact on the audience. Here are some examples:

5) “The Conservative MP for Portsmouth North, who has been pictured posing by the pool during a break in training, said that the Prime Minister [David Cameron] would back her appearance on the programme” (Dominicza, 2014).

6) “This isn't about me and it's not about Senator Clinton. As I've said before, she was a friend before this campaign. She'll be a friend after it's over. (Cheers.) I respect her. I respect her as a colleague. I congratulate her on her victories tonight. She's been running an outstanding race” (Obama, 2008).

It is obvious from these examples that facts and personal opinions of the world famous politicians or political institutions are used as arguments to enhance the image of the discussed politicians so that the addressee has no choice but to accept their opinion (if David Cameron or Barack Obama supports the politician). For the purpose of emotional manipulation politicians use emotive language with a positive meaning - the words denoting approval, respect and trust such as “approve” and “friend”. This is called a “halo effect” which is very common in online media. It is a psychological effect when the authority of this or that person is automatically projected onto all the people around him/her, making them believe his/her words (Stepanov, 2002, p. 251). This is in reference to one of the unspoken rules of public communication - “worship” and idolization of authority. It is needless to say that a person idolizes people of higher social standing (Teneva, 2020). Thus, the reference to au-

thority in online media is virtually a substitute for the evidence of the author's viewpoint. Let us consider the following example:

7) "Boris Johnson backs Liam Fox to lead World Trade Organisation... Hours before the deadline for member states to put forward potential candidates, government sources confirmed that the prime minister would back Dr Fox" (Jones, 2020).

The reference to authority (Boris Johnson) is used to enhance the public image of another, less known and less popular politician (Liam Fox). The authority, positive image and fame of Boris Johnson is transferred to Liam Fox, making the audience believe that he is trustworthy. This is one of the most common methods of manipulating public opinion both emotionally and politically in the Internet news discourse.

4. Discrediting political opponents and polarizing social groups

When it comes to discrediting the opponents, the politicians tend to use negative political emotions in the Internet news discourse. Accusation tactics is common and refers to personal attacks against a public figure intended to discourage people from believing in this figure or supporting him/her. It implies blaming and defaming some political personalities or celebrities, presenting the situation and the opponent in a negative light. This tactics is used to evoke strong emotional reactions and negative feelings towards a person in order to convince the audience in the rightness of a politician and unite voters (readers). For instance:

8) "Barack Obama re-entered the national political debate, assailing his successor as a 'threat to our democracy' and a demagogue practicing the 'politics of fear and resentment'" (Baker, 2018).

The words with a negative meaning such as "demagogue" are used by Obama to create a negative image of his opponent whom he calls "a threat to democracy". Both labeling and criticizing the opponent is aimed at convincing the audience in the correctness of his negative attitude towards Trump and his policy, thus manipulating public opinion.

Undoubtedly, such negative emotions as criticism and accusations contribute to the polarization of political opinions and further political confrontation. Let us consider another example:

9) According to President Putin, the former Soviet dictator Joseph Stalin was like Oliver Cromwell. "Cromwell is just as much of a bloody dictator as was Stalin," Mr Putin said, in an unexpected intervention at the end of his four-hour televised press conference yesterday (Hoyle, 2013).

Putin appeals to the negative political stereotypes and draws a parallel between Stalin and Cromwell, calling them both “bloody dictators in order to criticize these politicians and enhance Putin's positive self-image which is contrary to these stereotypes.

It should be mentioned that the perception of political “authorities” is mainly based on the stereotypes that the audience has. If the audience has profound knowledge or positive background information about a respected and authoritative politician, it is likely to believe him/her. However, if the audience's background knowledge about a politician is either negative or insufficient, then it is unlikely to believe his/her words, which can result in the inefficiency of the political arguments and loss of trust in the politician's words or even in the credibility of the media source on the whole.

Thus, the appeal to political emotions in online media is more efficient if the news audience has relevant background knowledge or positive stereotypes about the discussed person or issue. As Paglinawan notes, “people trust what they know – what is familiar to them” (Paglinawan, 2020, p. 78). As a result, politician's authority, the interpretation of his/her political decisions and the effectiveness of his/her influence on the audience may depend on the emotional experience of the addressee, his/her positive or negative background knowledge about an event or a person mentioned in the media (Sears, 2001).

5. Enhancing the public image of politicians

Many politicians use emotions to improve their self-image. A political apology in the Internet news discourse is often used both to change the opinion of the audience in the way which is favourable to this or that politician and to improve his/her image by portraying himself/herself in a positive light rather than to confess or admit his/her guilt. For instance:

10) “I’m here today to again apologize for the personal mistakes I have made and the embarrassment I have caused. I make this apology to my neighbors and constituents, but I make it particularly to my wife Huma. I had hoped to be able to continue the work that the citizens of my district had elected me to do, to fight for the middle class and those struggling to make it” (Weiner, 2011).

11) “I’ve committed grave mistakes by offering incorrect analysis during the election ... I apologize to the dear Iranian nation because of my incorrect analyses that was the basis for many wrong actions” (Hider, 2009).

In example № 10 the politician confesses his mistakes in front of his family members, namely, in front of his wife, the former assistant of Hillary Clinton, which undoubtedly contributes to the emotional identification of the

politician with the audience and enhances the emotional impact on it. Moreover, the politician intends to regain the lost trust and seeks to restore his reputation by addressing his voters and audience - “the citizens of my district”. The transition from a personal apology (to his wife) to a public one (to his voters) is used to emotionally “infect” the audience with the politician's emotional state, forcing it to feel his emotions, which is one of the common means of emotional manipulation.

In example № 11, by identifying himself with the audience (“dear Iranian nation”), the politician admits his guilt using the words with a negative meaning: “grave mistakes”, “incorrect analysis”, “wrong actions”. There is a shift from the feeling of personal guilt to the collective sense of compassion. This shift contributes to the emotional manipulation. Moreover, emotional identification with the audience reinforces the positive image of a repentant politician. By evoking the feeling of compassion in the eyes of the audience, he emotionally manipulates it.

Another way to impact the audience emotionally and politically as well as improve the public image is to express cynicism. For instance:

12) The President (Trump) claimed: “Winning is easy, losing is never easy. Not for me”. <...>Claiming a conspiracy to keep from declaring him the victor, Trump said: “This is a fraud on the American public. This is an embarrassment to our country. We were getting ready to win this election. Frankly, we did win this election” (Linskey, 2020).

In this statement Trump calls the recent 2020 US presidential election a fraud, identifying his criticism of the election campaign with the entire American nation by using the pronoun “we”. Thus, he demonstrates his confidence in the people's unanimity with his opinion about his victory in the elections. Emotional identification is used to improve the self-image of the politician.

The emotion of fear in the Internet news stories is not only an expression of fear itself, but also an expression of a negative attitude of a politician towards a particular situation (personality) as well as criticism or his/her disagreement with the opinion of the majority. It is used to highlight the politician's point of view, enhance his/her public image and impress the audience. For instance:

13) “So my fear is a People's Vote would not be democratic enough,” says Killwick (Macbeth, 2008).

14) “Joe Biden is no friend to Britain. Without Trump in the White House, I fear for the future of Brexit”, writes Nigel Farage (Farage, 2020).

In these examples politicians disagree with the popular public opinion on the matters of the legitimacy of the popular vote (№ 13) and the future of Brexit (№ 14). The emotion of fear not only reflects a feeling of uncertainty about the future or upcoming danger but is an expression of criticism and disagreement with popular public opinion. Thus, it can be assumed that political emotions have an ambivalent nature.

CONCLUSION

As suggested from the analysis of the empirical material, it can be concluded that political emotions perform several rhetorical functions in the Internet news discourse and are used with the aim of social solidarity, group identification, decision-making, shaping public opinion, discrediting the opponent, polarizing social groups as well as enhancing the public image of a politician.

In fact, political emotions are considered to be manipulative, forcing a reader to accept the politicians' opinion. The emotionality of the arguments given by politicians undoubtedly contributes to their positive public image, forcing the readers to accept their opinion without any factual proofs or evidence, which, to some extent, increases the credibility and authority of both the politician, the information provided and online media source on the whole.

Furthermore, the empirical material shows that political emotions can be ambivalent and, therefore, difficult to interpret. In fact, political emotions can have an ambiguous interpretation, reflecting an ambivalent attitude towards political reality. For example, fear can be viewed as an expression of uncertainty, danger, criticism and disagreement with public opinion.

Another distinguished feature of political emotions that is noticeable in the Internet news discourse is the fact that they convey stereotypes that the audience has about authoritative politicians or political events. In this regard, the degree of persuasiveness of political emotions may depend on the emotional experience of the audience.

The spectrum of the linguistic markers of political emotions is wide. From the linguistic point of view, they can be represented explicitly and implicitly in various ways, including emotive words with a positive or negative meaning, inclusive pronouns, emphasizing words and viewpoint adverbs. From the rhetorical point of view, the rhetorical devices of identification, self-presentation as well as appeals to emotions, authority and stereotypes can be used to manipulate public opinion emotionally and politically.

Our findings that result from the analysis of more than 100 news stories show that the content of news is shifting from an objective and impersonal event-based reporting to a reporting that is more subjective and emotional

with statements and arguments based not only on knowledge and facts but also on emotional appeal. This inference contributes to the assumption that new media are currently becoming the tool of emotional manipulation of the news audience. It can be explained by the fact that due to the fast pace of modern life and large Internet consumption modern audience or Internet “users” of new media do not have sufficient time or expertise to reflect on the information in the online papers. Readers need to receive information and be impressed quickly, which, as a result, often leads to the fact that they are emotionally (as well as politically and ideologically) manipulated though they often do not recognize it themselves. Therefore, political emotions are considered one of the most efficient tools of public opinion manipulation in the Internet news discourse, which proves our research hypothesis.

From our analysis of the Internet news discourse, it can also be inferred that due to the overall tendency towards covering more sensational news events in the media, news stories containing statements with “negative” political emotions are more likely to be found.

In conclusion, it should be highlighted that emotional manipulation can lead to subjectivity and misconception of the information. Therefore, future studies should further explore the phenomenon of political emotions and their role in the Internet news discourse.

The awareness of emotional manipulation can help us struggle with propaganda and detect manipulation tools as well as develop expertise in the understanding of the complex nature of our emotions and their key role in the process of communication. The results of the study can be applied in the fields of linguistics, journalism, psychology and political science.

References

- Adjin-Tettey, T. D., & Mbatha, B. T. (2019). Use and Appropriation of New Media Technologies by Teens: “The e-Teen Model” perspective. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(1), 16–42. doi: 10.24411/2658-7734-2019-00001
- Baker, P. (2018, September 7). Obama Lashes Trump in Debut 2018 Speech. President’s Response: ‘I Fell Asleep.’ *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2018/09/07/us/politics/obama-2018-campaign-trump.html>
- Bassols, M. M., Cros, A., & Torrent, A. M. (2013). Emotionalization in new television formats of science popularization. *Pragmatics. Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA)*, 23(4), 605–632. doi: 10.1075/prag.23.4.02bas
- Burke, K. (1969). *A Rhetoric of Motives*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

- Bykov, I. A., Lukyanova, G. V., Martyanova, N. A., Podlesskaya, N. S., & Rubtsova, M. V. (2019). *Manageability and the discourse of online communities in the "post-truth" era*. St. Petersburg: Elecsis. (In Russian).
- Chernyavskaya, V. E. (2006). *The discourse of power and the power of discourse: The problems of persuasion*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian).
- Coelho, N. M. M. S., & Huppel-Cluysenaer, L. (2018). *Aristotle on Emotions in Law and Politics*. Switzerland: Springer.
- Cvetkovich, A., Reynolds, A., & Staiger, J. (2010). *Political Emotions*. New York: Routledge.
- Dijk, T. A. van. (1988). *News as Discourse*. Hove; London: L. Erlbaum Associates.
- Dominiczka, P. (2014, January 14). Penny Mordaunt: David Cameron approves of my appearance on Splash! Retrieved from The Telegraph website: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/conservative/10570302/Penny-Mordaunt-David-Cameron-approves-of-my-appearance-on-Splash.html>
- Farage, N. (2020, November 11). Joe Biden is no friend of Britain. *The Telegraph*. Retrieved from <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/11/11/joe-biden-no-friend-britain/>
- Flemming, D., Cress, U., Kimmig, S., Brandt, M., & Kimmerle, J. (2018). Emotionalization in Science Communication: The Impact of Narratives and Visual Representations on Knowledge Gain and Risk Perception. *Frontiers in Communication*, 3(3), 1–9. doi: 10.3389/fcomm.2018.00003
- Habermas, J. (1991). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Helvoort, (Jos) van, & Hermans, M. (2020). Effectiveness Of Educational Approaches To Elementary School Pupils (11 Or 12 Years Old) To Combat Fake News. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 38–47.
- Hider, J. (2009). Iran calls for death penalty on reformists in dock. *The Times*. Retrieved from <https://www.thetimes.co.uk/article/iran-calls-for-death-penalty-on-reformists-in-dock-cg502ldgx9z>
- Higgins, A. (2019, December 9). In First Meeting With Putin, Zelensky Plays to a Draw Despite a Bad Hand. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2019/12/09/world/europe/putin-zelensky-paris-ukraine.html>
- Hoyle, B. (2013, December 20). *Cromwell and Stalin: Just two of a kind, says Putin*. Retrieved from <https://www.thetimes.co.uk/article/cromwell-and-stalin-just-two-of-a-kind-says-putin-8mfz2pc35qp>
- Huber, B., & Aichberger, I. (2020). Emotionalization in the Media Coverage of Honey Bee Colony Losses. *Media and Communication*, 8(1), 141–150. doi: 10.17645/mac.v8i1.2498
- Hudíková, Z., & Pravdová, H. (2020). Establishment Of Procedures In The Creation Of Extended Multimedia News Reports. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 125–140.

- Jones, O. W., Callum. (2020, July 9). *Boris Johnson backs Liam Fox to lead World Trade Organisation*. Retrieved from <https://www.thetimes.co.uk/article/boris-johnson-backs-liam-fox-to-lead-world-trade-organisation-66chvwq9m>
- Keyes, R. (2004). *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin's Publishing Group.
- Khatti, N. (2019). Media Literacy, Journalist and Empowerment of Democracy. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(1), 118–125. doi: 10.24411/2658-7734-2019-00006
- Kuklinski, J. H., & Chong, D. (2001). *Citizens and Politics: Perspectives from Political Psychology*. New York: Cambridge University Press.
- Le Bon, G. (1895). *The Sentiments and Morality of Crowds. In: The Crowd: A study of the popular mind* (2nd ed.). Dunwoody, Georgia: Norman S. Berg.
- Levy, C. J. (2008, October 24). Putin and Medvedev hope for brighter future with Obama. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/11/24/world/europe/24iht-russia.4.18112548.html>
- Linskey, A., Olorunnipa, T., & Rucker, P. (2020, November 4). Presidential election hangs in balance as Trump falsely asserts fraud and makes a claim of victory. *Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/politics/presidential-election-hangs-in-the-balance-in-a-country-convulsed-by-crisis/2020/11/04/c2a3ec26-1e17-11eb-90dd-abd0f7086a91_story.html
- Livingstone, S. M., & Lunt, P. K. (1994). The mass media, democracy and the public sphere. In *Talk on Television: Audience Participation and Public Debate* (pp. 9–35). London: Routledge.
- Lois, B. (2016, December 15). Democrats' hope for gun control reform: Appeal to Trump's 'unpredictable' nature. Retrieved from The Guardian website: <http://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/15/gun-control-reforms-trump-richard-blumenthal-sandy-hook>
- Long, W. J., & Brecke, P. (2003). *War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lunt, P., & Stenner, P. (2005). The Jerry Springer Show as an emotional public sphere. *Media, Culture & Society*, 27(1), 59–81. doi: 10.1177/0163443705049058
- Macbeth, A. (2018, December 7). 'It's better than no deal': Do Brits in Europe hope Theresa May wins Brexit vote? Retrieved from The Local website: <https://www.thelocal.com/2018/12/07/should-parliament-in-the-uk-vote-for-or-against-the-brexit-deal-your-views>
- Moravčíková, E. (2020). Media Manipulation And Propaganda In The Post-Truth Era. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 23–37.
- Nussbaum, M. C. (2013). *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. Harvard: Harvard University Press.
- Obama, B. (2008, February 5). Barack Obama's Feb. 5 Speech. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/02/05/us/politics/05text-obama.html>

- Okpadah, S. O. (2020). The Imperative Of Television In Nigerian Politics. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 159–168.
- Paglinawan, W. M. C. (2020). University Students Engagement With And Disengagement From Fake News. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 77–87.
- Polievková, P. (2020). Family Socioeconomic Status And Parents' Education As Indicators Of The Primary Use Of Digital Media By Children. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 63–76.
- Sears, D. O. (2001). The Role of Affect in Symbolic Politics. In J. H. Kuklinski (Ed.), *Citizens and Politics* (1st ed., pp. 14–40). Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511896941003
- Slaby, J., & Szanto, T. (2020). *Political emotions*. London, New York: Routledge.
- Stepanov, A. A. (2002). *Ontognoseological concept of authority* (Dissertation). Tomsk State University, Tomsk. (In Russian).
- Sulzberger, A. Jr. (2001, August 10). CHINA'S LEADERS; In Jiang's Words: 'I Hope the Western World Can Understand China Better'. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2001/08/10/world/china-s-leaders-jiang-s-words-hope-western-world-can-understand-china-better.html>
- Teneva, E. V. (2019). Emotional identification in the political communication (based on the modern British mass media discourse). *Colloquium-Journal*, 14(38), 47–48. doi: 10.24411/2520-6990-2019-10426 (In Russian).
- Teneva, E. V. (2020). The 'halo effect' in the political discourse of the English-language online media. *Russian Linguistic Bulletin*, (3), 106–109. doi: 10.18454/RULB.2020.23.3.9
- Weiner, A. (2011, June 16). Anthony Weiner Resigns. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2011/06/17/opinion/17fri4.html>

Список литературы

- Adjin-Tettey, T. D., & Mbatha, B. T. (2019). Use and Appropriation of New Media Technologies by Teens: "The e-Teen Model" perspective. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(1), 16–42. doi: 10.24411/2658-7734-2019-00001
- Baker, P. (2018, September 7). Obama Lashes Trump in Debut 2018 Speech. President's Response: 'I Fell Asleep.' *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2018/09/07/us/politics/obama-2018-campaign-trump.html>
- Bassols, M. M., Cros, A., & Torrent, A. M. (2013). Emotionalization in new television formats of science popularization. *Pragmatics. Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA)*, 23(4), 605–632. doi: 10.1075/prag.23.4.02bas
- Burke, K. (1969). *A Rhetoric of Motives*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Coelho, N. M. M. S., & Huppel-Cluysenaer, L. (2018). *Aristotle on Emotions in Law and Politics*. Switzerland: Springer.
- Cvetkovich, A., Reynolds, A., & Staiger, J. (2010). *Political Emotions*. New York: Routledge.

- Dijk, T. A. van. (1988). *News as Discourse*. Hove; London: L. Erlbaum Associates.
- Dominiczka, P. (2014, January 14). Penny Mordaunt: David Cameron approves of my appearance on Splash! Retrieved from The Telegraph website: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/conservative/10570302/Penny-Mordaunt-David-Cameron-approves-of-my-appearance-on-Splash.html>
- Farage, N. (2020, November 11). Joe Biden is no friend of Britain. *The Telegraph*. Retrieved from <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/11/11/joe-biden-no-friend-britain/>
- Flemming, D., Cress, U., Kimmig, S., Brandt, M., & Kimmerle, J. (2018). Emotionalization in Science Communication: The Impact of Narratives and Visual Representations on Knowledge Gain and Risk Perception. *Frontiers in Communication*, 3(3), 1–9. doi: 10.3389/fcomm.2018.00003
- Habermas, J. (1991). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Helvoort, (Jos) van, & Hermans, M. (2020). Effectiveness Of Educational Approaches To Elementary School Pupils (11 Or 12 Years Old) To Combat Fake News. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 38–47.
- Hider, J. (2009). Iran calls for death penalty on reformists in dock. *The Times*. Retrieved from <https://www.thetimes.co.uk/article/iran-calls-for-death-penalty-on-reformists-in-dock-cg502ldgx9z>
- Higgins, A. (2019, December 9). In First Meeting With Putin, Zelensky Plays to a Draw Despite a Bad Hand. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2019/12/09/world/europe/putin-zelensky-paris-ukraine.html>
- Hoyle, B. (2013, December 20). *Cromwell and Stalin: Just two of a kind, says Putin*. Retrieved from <https://www.thetimes.co.uk/article/cromwell-and-stalin-just-two-of-a-kind-says-putin-8mfz2pc35qp>
- Huber, B., & Aichberger, I. (2020). Emotionalization in the Media Coverage of Honey Bee Colony Losses. *Media and Communication*, 8(1), 141–150. doi: 10.17645/mac.v8i1.2498
- Hudíková, Z., & Pravdová, H. (2020). Establishment Of Procedures In The Creation Of Extended Multimedia News Reports. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 125–140.
- Jones, O. W., Callum. (2020, July 9). *Boris Johnson backs Liam Fox to lead World Trade Organisation*. Retrieved from <https://www.thetimes.co.uk/article/boris-johnson-backs-liam-fox-to-lead-world-trade-organisation-66chvwq9m>
- Keyes, R. (2004). *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin's Publishing Group.
- Khatti, N. (2019). Media Literacy, Journalist and Empowerment of Democracy. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(1), 118–125. doi: 10.24411/2658-7734-2019-00006
- Kuklinski, J. H., & Chong, D. (2001). *Citizens and Politics: Perspectives from Political Psychology*. New York: Cambridge University Press.

- Le Bon, G. (1895). *The Sentiments and Morality of Crowds. In: The Crowd: A study of the popular mind* (2nd ed.). Dunwoody, Georgia: Norman S. Berg.
- Levy, C. J. (2008, October 24). Putin and Medvedev hope for brighter future with Obama. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/11/24/world/europe/24iht-russia.4.18112548.html>
- Linskey, A., Olorunnipa, T., & Rucker, P. (2020, November 4). Presidential election hangs in balance as Trump falsely asserts fraud and makes a claim of victory. *Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/politics/presidential-election-hangs-in-the-balance-in-a-country-convulsed-by-crisis/2020/11/04/c2a3ec26-1e17-11eb-90dd-abd0f7086a91_story.html
- Livingstone, S. M., & Lunt, P. K. (1994). The mass media, democracy and the public sphere. In *Talk on Television: Audience Participation and Public Debate* (pp. 9–35). London: Routledge.
- Lois, B. (2016, December 15). Democrats' hope for gun control reform: Appeal to Trump's 'unpredictable' nature. Retrieved from The Guardian website: <http://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/15/gun-control-reforms-trump-richard-blumenthal-sandy-hook>
- Long, W. J., & Brecke, P. (2003). *War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lunt, P., & Stenner, P. (2005). The Jerry Springer Show as an emotional public sphere. *Media, Culture & Society*, 27(1), 59–81. doi: 10.1177/0163443705049058
- Macbeth, A. (2018, December 7). 'It's better than no deal': Do Brits in Europe hope Theresa May wins Brexit vote? Retrieved from The Local website: <https://www.thelocal.com/2018/12/07/should-parliament-in-the-uk-vote-for-or-against-the-brexit-deal-your-views>
- Moravčíková, E. (2020). Media Manipulation And Propaganda In The Post-Truth Era. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 23–37.
- Nussbaum, M. C. (2013). *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. Harvard: Harvard University Press.
- Obama, B. (2008, February 5). Barack Obama's Feb. 5 Speech. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/02/05/us/politics/05text-obama.html>
- Okpadah, S. O. (2020). The Imperative Of Television In Nigerian Politics. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 159–168.
- Paglinawan, W. M. C. (2020). University Students Engagement With And Disengagement From Fake News. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 77–87.
- Polievková, P. (2020). Family Socioeconomic Status And Parents' Education As Indicators Of The Primary Use Of Digital Media By Children. *Media Literacy and Academic Research*, 3(2), 63–76.
- Sears, D. O. (2001). The Role of Affect in Symbolic Politics. In J. H. Kuklinski (Ed.), *Citizens and Politics* (1st ed., pp. 14–40). Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511896941003

- Slaby, J., & Szanto, T. (2020). *Political emotions*. London, New York: Routledge.
- Sulzberger, A. Jr. (2001, August 10). CHINA'S LEADERS; In Jiang's Words: 'I Hope the Western World Can Understand China Better'. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2001/08/10/world/china-s-leaders-jiang-s-words-hope-western-world-can-understand-china-better.html>
- Teneva, E. V. (2020). The 'halo effect' in the political discourse of the English-language online media. *Russian Linguistic Bulletin*, (3), 106–109. doi: 10.18454/RULB.2020.23.3.9
- Weiner, A. (2011, June 16). Anthony Weiner Resigns. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2011/06/17/opinion/17fri4.html>
- Быков, И. А., Лукьянова, Г. В., Мартянова, Н. А., Подлеская, Н. С., & Рубцова, М. В. (2019). *Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды*. Санкт-Петербург: ЭлекСис.
- Степанов, А. А. (2002). *Онтогносеологическая концепция авторитета* (Dissertation). Томский государственный университет, Томск.
- Тенева, Е. В. (2019). Эмоциональная идентификация в политической коммуникации (на примере дискурса современных британских СМИ). *Colloquium-Journal*, 14(38), 47–48. doi: 10.24411/2520-6990-2019-10 426
- Чернявская, В. Е. (2006). *Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия*. Москва: Флинта, Наука.

INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF PANDEMIC: CONSEQUENCES FOR THE INDIVIDUAL AND STATE

Natalia V. Kuzina

Center of Research of Problems of Safety of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
Email: [nvkuzina\[at\]mail.ru](mailto:nvkuzina@mail.ru)

Abstract

Pandemics are social disasters provoking panic, acute stress and post-traumatic stress disorder, massive aggression, and other psycho-emotional and behavioural disorders. The strength of these reactions is associated with informational conditioning of a person in a period when archaic layers that cannot be rationalized are actualized in their psyche. The time has come for the analysis of information strategies that reinforce or deactivate the feelings of uncertainty and vital threat that arose in society. The paper explores psychological defences and coping strategies, forms of aggression and hostility that take place during a pandemic and similar disasters. The study also includes an assessment of the Russian-language Internet content from April to August 2020, affecting the COVID-19 pandemic from the point of view of information security. We analysed the techniques of cyber fraud and phishing.

The author reveals effectiveness of communicating information using the image of an eyewitness of events or an expert. The position of an observer-journalist is rarely effective in reducing social tension. In panic, society needs samples of adaptive behaviour and directives, humour that relieves fear. The reason for the panic and aggression is the low level of awareness of the population as well as following false authority.

The results obtained can be used by experts in the field of information security, state and municipal employees, students and postgraduate students, the journalistic community.

Keywords

social security; information security; economic security; social psychology; mass panic; mass aggression; Pandemic; internet content; COVID-19; Phishing

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПСИХИКА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА

Кузина Наталья Владимировна

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук. Москва, Россия.

Email: [nvkuzina\[at\]mail.ru](mailto:nvkuzina@mail.ru)

Аннотация

Пандемии относятся к числу социальных катастроф, провоцирующих панику, острое стрессовое и посттравматическое стрессовое расстройство, массовую агрессию, другие нарушения поведенческих реакций социума. Сила данных реакций связана с информационным воздействием на человека в период, когда в его психике оказываются актуализированы не поддающиеся рациональному контролю архаичные слои. Хотя угрозы пандемии еще не отступили, уже пришло время анализа информационных стратегий, усиливавших или дезактуализировавших ощущения неопределенности и витальной угрозы, возникавших в социуме. В исследовании были рассмотрены психологические защиты и копинг-стратегии, формы проявления агрессии и враждебности, актуальные в период пандемии. Произведена оценка русскоязычного интернет-контента апреля – августа 2020, затрагивающего проблематику пандемии COVID-19, с точки зрения социальной и информационной безопасности. Обсуждается также вопрос о приемах кибермошенничества и фишинга.

Констатируется эффективность доведения информации с использованием образа очевидца событий или эксперта. Реже эффективной для снижения социальной напряженности является позиция наблюдателя-журналиста. Социум при панике нуждается в образцах адаптивного поведения и директивах, снимающем страх юморе. Причиной паники и агрессии оказывается низкий уровень знаний населения, установка на ложный авторитет.

Результаты исследования могут быть использованы специалистами в области информационной безопасности, государственными и муниципальными служащими, студентами и аспирантами, журналистским сообществом.

Ключевые слова

Социальная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; социальная психология; массовая паника; массовая агрессия; пандемия; интернет-контент; COVID-19; фишинг

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Всё мировое общество весной 2020 г. разделилось на мир до и в период пандемии. Важнейшим в жизни социума стал символ границы, рубежа и архетипический, актуализирующий архаические принципы табу, мотив запрета преодоления данной границы (понятие социальной дистанции, самоизоляции, карантина, закрытие общественных пространств и др.). Можно говорить о пандемическом фронтире, пандемическом хронотопе (архетипическом, пограничном между бытием и небытием, времени / месте), складывании нового пандемического и пост-пандемического уклада жизни.

Человеческая психика имеет наибольшую уязвимость именно перед неопределенностью (в психодиагностике важнейшей чертой устойчивой психики является «толерантность к неопределенности») и перед неотвратимой витальной угрозой (страх смерти). Данные факторы возрождают к жизни её архаические, неподконтрольные сознанию и рациональному анализу механизмы.

Мир выйдет из периода пандемии иным. Уже наступает время для подведения предварительных итогов: анализа основных допущенных ошибок, аудита уязвимостей государственной системы управления и функционирования системы здравоохранения, а также – для анализа конструктивных и деструктивных информационных стратегий, от выбора которых во многом зависит поведение (и порядок потерь) общества в период экстремальных ситуаций и паники (Аверков и др., 2020; Горенков и др., 2020; Никифоров, Суранова, Чернобровкина, Янковская, & Бурова, 2020; «COVID-19 Related Publications. COVID-19: How You Can Help», 2020).

Распространение коронавируса COVID–19 происходило в мире быстро и агрессивно, в связи с чем все силы научного сообщества были направлены на локализацию и недопущение распространения вируса, на разработку вакцины, изучение оптимальных путей терапии и снижения смертности от последствий коронавируса, на преодоление психологических проблем, вызванных карантином и самоизоляцией (Баранова, 2020; Прокопенко, 2020). Уже появились, в том числе русскоязычные, обзоры, суммирующие научные достижения и инновации в период пандемии по отраслям знания (Мизинцева, 2020а, 2020б; Kanesarajah & White, 2020). Ряд организаций, связанных с медицинским сообществом, начиная с лета 2020 г. активно проводит научные форумы, вебинары, обучающие программы с участием клинических психологов для предотвращения негативных тенденций в психо-эмоциональном состоянии представителей различных профессий (например,

серия онлайн-семинаров ОИПИ совместно с Российским красным крестом «Медик – медику: Психологическая помощь в условиях затянувшегося стресса», в частности - семинар «Первая психологическая помощь» 24 ноября 2020 г.; семинар «COVID-19 и посттравматические стрессовые реакции» 8 декабря 2020 г. и др.). Именно последствия психической травмы, нанесенной пандемией обществу, являются наиболее существенными для личности и государства как в краткосрочной, так и в долговременной перспективе. Так, процессы нерегулируемой паники в массовом бессознательном закономерно ведут к росту агрессии в обществе, а проявления посттравматического стрессового расстройства для личности, нарушающие ее функционирование, могут растягиваться на десятилетия.

Введенный режим самоизоляции или режим карантина в странах Евросоюза и в США привел к эффекту последствия, выразившемуся прежде всего в растормаживании психических реакций. Острое стрессовое расстройство, рост тревожности, враждебности, формирование фобий, обсессивно-компульсивных расстройств, использование неэффективных форм стратегий совладания со стрессом и психологических защит, в целом общее ухудшение психоэмоционального состояния общества привело к проблемам, которые уже проявили себя в социальной жизни (например, домашнее насилие, рост преступности, рост экстремистской и протестной активности и др.). Данные явления оказались в разных странах подготовленными, в том числе, и информационной повесткой СМИ и Интернет-ресурсов, к которым общество в период карантина и самоизоляции было приковано, пытаясь найти ответы на интересующие вопросы как о пандемии, эффективном лечении, так и об экономических прогнозах и т.д.. Таким образом, не только режим ограничения социального взаимодействия и экономической активности, но и психическая травма, нанесенная социуму пандемией, в совокупности с Интернет-контентом и электронными СМИ, многократно усиливавшими её, во многом сформировали ту социальную напряженность, которая возникла и вылилась в череду актов массовой агрессии в мире в марте–августе 2020 г.. Весомыми оказались и экономические потери, нанесенные не только режимом самоизоляции и карантина в различных странах мира, но и мошенничеством, осуществлявшимся с помощью Интернет-контента и IT-технологий.

В случае с пандемией 2020 года был важен контроль информации, поступающей о коронавирусе и его последствиях к жителям страны. Не случайно и своевременно Российским законодательством была введена ответственность за распространение недостоверной информации о пандемии коронавируса.

ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ, МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – роль неконтролируемого Интернет-контента апреля–августа 2020 г. в обеспечении социальной безопасности, формировании адекватного психоэмоционального климата в обществе в период пандемии.

Предмет исследования – содержание Интернет-контента апреля–августа 2020 г. в связи с проблемами реактивных и отложенных последствий пандемии для психики, здоровья населения, для социальной и государственной безопасности; приемы и ракурс обращения в контенте к тематике пандемии, в том числе оценочные и ценностные смыслы, вкладываемые в контент.

Материал исследования: электронный контент (текстовый и размещенный на платформе YouTube) за апрель–август 2020 г., в том числе информационный, новостной, образовательный, аналитический, открытая пользователю сети Интернет в свободном доступе научная и научно-популярная литература.

Гипотеза исследования: в эффективном преодолении пандемии и ее последствий в современном высокотехнологичном мире со значительной долей виртуальности и высокой быстротой распространения информации адекватная информационная политика и информационная безопасность населения является главной обеспечивающей стабильность и здоровье общества стратегией, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Цель исследования – выявить основные угрозы пандемии с точки зрения эмоционально-психологического благополучия социума, полезные и снижающие тревожность, социальную напряженность в период пандемии (первая волна) образцы контента; охарактеризовать не соответствующий требованиям информационной безопасности контент; описать основные признаки данных видов контента, а также последствия их использования на финал 2020 года.

Задачи работы: 1) охарактеризовать возможные последствия пандемии как экстремальной ситуации для социальной безопасности и поведенческого здоровья социума (в связи с информационным воздействием); 2) описать механизмы возникновения массовой паники и агрессии в период пандемии с точки зрения информационного воздействия; 3) описать набор видов агрессии, психологических защит, копинг-стратегий, актуализирующихся при переживании жизнеугрожающих состояний, неопределенности будущего, социальной изоляции в период пандемии; 4) охарактеризовать стратегии, используемые в русскоязычном контенте за апрель–август 2020 г. с точки зрения ин-

формационной корректности для общественной безопасности и стабилизации эмоционально-психологического состояния населения; 5) внести рекомендации по предупреждению роста социальной дестабилизации под влиянием информационного контента в период пандемии.

Методы исследования: анализ копинг-стратегий, психологических защит, механизмов паники, видов агрессии и враждебности, психических расстройств, актуализирующихся или формирующихся в период пандемии; рассмотрение производимого с помощью электронных технологий в период пандемии русскоязычного контента с точки зрения психологической, социальной, информационной безопасности.

В исследовании используется терминология клинической психологии и социальных наук.

Информационная безопасность рассматривается как понятие, характеризующее техническую, психологическую, экономическую защищенность интересов личности, общества, государства в условиях развития высокотехнологичных электронных средств передачи и хранения информации в соответствии с пониманием данного термина в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в редакции Федерального закона от 29.12.2020 № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Несанкционированный доступ к информации, имеющиеся угрозы ее конфиденциальности, возможности ее преднамеренного искажения (дезинформация, введение в заблуждение) наиболее часто становятся инструментом нарушения личной и государственной безопасности, не только в связи с хищением этой информации для получения экономической или политической выгоды, но и через формирование на основе некорректной искаженной информации деструктивных событий, выработку дезадаптивных долгосрочных стратегий, логически ущербных личных или групповых мыслительных и поведенческих паттернов. В психологии и психиатрии нарочито искаженная индуктором или двойственная, неоднозначная информация рассматривается как ментальный агент, вызывающий у реципиента болезненные реакции – от ведущих к дефектному реагированию на внешние стимулы и к дефектной социализации интроектированных ценностей и моделей поведения до индуцированных психических расстройств. Нередко такие

искажения приводят и к гибели введенного в заблуждение о реальности реципиента. В масштабах государства использование деструктивных информационных стратегий, в том числе основанных на искажении фактов или двойственности их интерпретации, на нагнетании противоречивого и негативного психоэмоционального фона, ведет к общей дестабилизации в интересах порождающего их индуктора.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Среди типов влияний экстремальных ситуаций на психику выделяются наступающие мгновенно и отложенные. Главной угрозой для социума из последствий, наступающих мгновенно, является паника как состояние ужаса, сопровождающееся резким ослаблением волевого контроля поведения. Отечественные исследователи имеют опыт изучения данного явления как следствия эмоциональной и физиологической реакции человека на общий стресс и психическую травму, прежде всего при экстремальных ситуациях (Александровский, Лобастов, & Спивак, 1991; Барденштейн, Копытин, Молодецких, & Курашов, 2007; Бойко, 2003; Бундало, 2009; Волошин, 2005; В. М. Гарнов, 1988; Т. Б. Дмитриева, 2005; Татьяна Борисовна Дмитриева и др., 2001; Друмова, 2003; Ефанов, 2016; Кадыров, 2012; Михайлов, 2009; Назаретян, 2005; Семке, Погосова, & Погосов, 2003). Среди отдаленных последствий наиболее распространено посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), приводящее к серьезным эмоционально-личностным нарушениям, среди которых у условно здоровых лиц молодого возраста, например, наиболее распространенными являются органическое тревожное расстройство, апатический и дисфорический варианты этого заболевания. При этом исследователи отмечают, что важную роль играет прогноз тяжести отложенных последствий экстремальной ситуации (Дедова, 2012, сс. 19–20).

У пострадавших происходит

«формирование стойких невротических расстройств: астенические расстройства, диссоциативные (истерические) расстройства, фобические расстройства, депрессивные расстройства, ипохондрические расстройства», появляются «признаки заметного снижения интереса к значимым видам деятельности», чувство «отстраненности или отчужденности от окружающих, неспособности испытывать переживания любви и ощущение ограниченных перспектив будущего» (Вячеслав Михайлович Гарнов, 2002, с. 38).

Отмечается, что психогенные расстройства, помимо острой реакции на стресс, появляются на фоне имеющихся у пострадавших потерь

– смертей близких, лишения имущества, социальной поддержки (с. 38).

Последствия для психики очевидцев пандемии 2020 года исследованы на данный момент пока лишь зарубежными научными коллективами (Atalan, 2020; Chakraborty & Maity, 2020; «COVID-19 Related Publications. COVID-19: How You Can Help», 2020; Esparza, 2020; Fontanesi et al., 2020; Galea, Merchant, & Lurie, 2020; Horesh & Brown, 2020; Kanzler & Ogbeide, 2020; Koushik, 2020; Mazza et al., 2020; Nicola et al., 2020; Qiu et al., 2020; Roden-Foreman et al., 2017; Shiina et al., 2020; Watkins, Sprang, & Rothbaum, 2018; Wheaton, Abramowitz, Berman, Fabricant, & Olatunji, 2012). Так, например, Аталан Абдулкадир рассматривает влияние вводимого карантина не только на сдерживание пандемии, но и на психику населения (Atalan, 2020, pp. 38–42). Исследователем проанализированы стратегии 49 стран, где был установлен карантин между определенными датами (без перерыва), в среднем – 35 дней, минимум – 3 дня, максимум – 68 дней. Было подтверждено, что применение карантина сказывалось на психологическом состоянии социума: основными реакциями на COVID-19 в рассматриваемой выборке стал стресс (8,0% населения) и депрессия (16,0–28,0% населения).

Исследованиям влияния пандемии COVID–19 на состояние психики социума посвящен выпуск журнала «Психологическая травма: теория, исследование, практика и политика». Рассматривается, в частности, влияние введения карантина и дистанционного обучения на состояние итальянских семей, имеющих детей (Fontanesi et al., 2020, pp. 79–81). Многодневная социальная изоляция стала хронической психической травмой с потенциальными негативными последствиями. В числе рекомендации по их преодолению предлагается информирование родителей об особенностях влияния карантина и социальной изоляции на состояние детей, обучение приемам воспитания в сложившихся условиях.

В работе «Перспективы психического здоровья населения в отношении воздействия COVID-19» (Koushik, 2020, pp. 529–530) автор доказывает, что вызванные пандемией социальные и экономические последствия будут оказывать как краткосрочное, так и долгосрочное влияние на психическое здоровье населения. Характерной чертой состояния пациентов, страдающих депрессией, становится утрата мотивации, усиление отстраненности, снижение уровня физической активности, суицидальные намерения. Симптомы тревоги особенно усиливаются после пандемии, когда пациенты возвращаются к выполнению обычных обязанностей. Снижают негативные проявления депрессии, развивающейся и усугубляющейся на фоне пандемии, такие факторы,

как низкий уровень семейных конфликтов, наличие доступа к Интернет, возможность общения на различных электронных платформах, возможность доступа к терапии и консультированию по заболеваниям с помощью телемедицины.

Исследователи особенностей психической травмы, нанесенной COVID-19 (Horesh & Brown, 2020, pp. 331–335), уже в ее начале отмечали, что, хотя большая часть населения мира демонстрирует устойчивость к потерям, стрессу и страху, связанным с COVID-19, но все же пандемия усугубит существующие расстройства психического здоровья и будет способствовать возникновению новых расстройств, связанных со стрессом. Сложности в диагностике и лечении последствий COVID-19 для психики связаны с двумя нерешенными вопросами: не определена уникальность данной социальной катастрофы как травмирующего события. Она обладает уникальными характеристиками: глобальна по своим масштабам, воздействует на каждый аспект жизни общества. Авторы особо отмечают, что данная психическая травма имеет беспрецедентно высокий уровень публичности, степень освещения в средствах массовой информации, а значит – и повышенного информационного воздействия. Кроме того, даже «теракт 11 сентября» не имел такого уровня публичности, какой имело освещение пандемии, так как смартфоны и социальные сети в то время только начинали развиваться. Травму COVID-19 отличает высокий уровень упреждающей тревоги. Учитывая прогнозируемые сроки пандемии и скорость распространения вируса, люди испытывают страх перед неопределенным будущим, а не перед прошлым.

При этом пандемия COVID-19 включает в себя большой ряд признаков, характерных для событий массовой психической травмы. Например, люди, в том числе и из-за обилия разнородной информации, находятся в состоянии повышенной бдительности, демонстрируют синдром / психологическую защиту через избегание (прерывание контакта), которое поощряется правительствами. Население пребывает в состоянии дисфории, защищается через рационализацию (постоянное массированное получение информации). Как отмечают исследователи, несмотря на то, что подавляющее большинство населения вирус все же не затронул, подробное освещение пандемии в СМИ и возможная перспектива заражения вызвали повседневный стресс и тревогу. В связи с этим центральное внимание при изучении последствий психической травмы должно быть направлено на процессы, происходившие в сфере коммуникации и общественной деятельности. Авторы анализируют информационную политику государств в период пандемии. На раннем этапе пандемии наблюдалась недостаточность обсу-

ждения вопросов социального самообслуживания и психологического благополучия в свете угрозы COVID-19. Кроме того, рекомендации, которые обсуждались в средствах массовой информации, не были единообразны и, вероятно, не основывались на лучших практиках преодоления экстремальной ситуации. Ощущалась нехватка набора четких руководящих принципов, тем для обсуждения, которые СМИ и государственные лица должны использовать при общении с обеспокоенным и потенциально травмированным населением.

Вместе с тем, в сообществе специалистов, изучающих массовые психические травмы (включая теракт 11 сентября 2001 г. в США, массовые расстрелы и иные террористические акты) и вызываемые ими поведенческие реакции, были готовы рекомендации по сохранению стабильности в состоянии социума. Исследователи психической травмы могли дать ответ на вопрос: каковы общие последствия травмы, какие виды преступных проявлений следует ожидать и как готовиться к их недопущению путем проведения профилактических и оперативных мероприятий. Авторы считают, что наступило время для исследователей ПТСР использовать весь имеющийся научный арсенал, включая сотрудничество различных научных дисциплин, изучающих психическую травму (биология и психология, психиатрия и социальная политика, криминология и уголовное право), чтобы углубить понимание последствий для психического здоровья и национальной безопасности социальной катастрофы 2020 года.

Чтобы лучше понять пери- и посттравматические последствия кризиса COVID-19, необходимы крупномасштабные научные лонгитюдные исследования последствий травмы. Они помогут определить факторы риска и устойчивости, а также масштабы и тяжесть травматического стресса вследствие пандемии среди населения мира.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем в связи с психической травмой стал вопрос об оказании неотложной, экстренной психологической помощи населению в период стресса (Kanzler & Ogbeide, 2020, pp. 177–179). С этой целью необходимым оказывается увеличение числа специалистов по поведенческому здоровью, применение, в том числе, виртуальных методов поддержки (телемедицина, сеть Интернет).

Отдельно обсуждается вопрос о распространенности рискованного поведения под влиянием пандемии (Shiina et al., 2020). Помимо роста тревожности, авторами констатируется и снижение комплаенса в соблюдении требований государственных органов, в том числе в области сохранения социальной безопасности и профилактики коронавируса. Согласно проведенному онлайн-анкетированию (более 8000 ответов граждан в Японии, Великобритании и Испании), уровень знаний о

пандемии и уровень тревожности, а также склонность к профилактическому поведению были выше в Великобритании и Испании, также жители данных стран более стремились получить информацию о COVID-19, при этом граждане Испании были склонны не доверять официальной информации, более полагаясь на комментарии специалистов.

Огромный опыт изучения вопросов информационной безопасности, в том числе в сети Интернет, имеется в ЦИПБ РАН, как в контексте сохранения социальной стабильности, так и в контексте противодействия идеологии насилия, предотвращения радикализации представителей виртуального социума, возможных экономических и иных преступлений (Вихрян, Синицын, & Тиунов, 2018; Вихрян, 2016; Килячков & Чалдаева, 2020; Чалдаева, Килячков, & Якорев, 2020). Особенно стратегически эффективным является сценарный подход, разрабатываемый для диагностики, анализа и предотвращения информационных, экономических, террористических угроз исследовательской школой крупнейшего отечественного специалиста по безопасности и социолога, доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента РАН, генерал-полковника, научного руководителя ЦИПБ РАН В. Л. Шульца (Шульц, Кульба, Чернов, & Шелков, 2019).

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА И ИНТЕРНЕТ- ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ COVID-19

Режим самоизоляции и карантина превратил сеть Интернет в «дорогу жизни» – нередко единственный путь выживания, снабжения средствами защиты и продуктами первой необходимости, организации профессиональной деятельности, обеспечения образовательной и финансовой активности. Данная ситуация привела к увеличению числа новых приемов мошенничества с использованием Интернет-технологий. Еще до пандемии до 90% мошеннических действий создавались, по актуальным данным, с использованием Интернета (Комаров, 2013; Простосердов, 2017; Смирнова, 2016). Мошенничество растет в любые кризисные моменты, если у населения формируется паника и снижается способность к анализу ситуации. Психологически население становится более уязвимым, снижается уровень внимания и критичности к получаемой в момент паники информации.

Интернет-мошенничество часто обозначается через термин «фишинг» («рыбная ловля») – это информационная интернет-атака, в которой используются поддельные сообщения с целью заставить получателей передать персональные данные, осуществить платеж или уста-

новить вредоносное программное обеспечение (Лэнс, 2008). Существуют стратегические подходы и специальный инструментарий противодействия фишингу. Между мошенниками и специалистами по безопасности идет «гонка вооружений». Пулы прокси-серверов и доменных имен для сокрытия местоположения фишинга («fast flux») увеличивают средний срок жизни фишингового веб-сайта (до того, как будет удалено место фишинг-атаки). Учитывая распространение фишинга, гигантскую теневую экономику данного вида мошенничества и связанный с этим экономический ущерб, а также ущерб репутации информационных ресурсов, которые подвергались взлому, можно сказать, что разработка эффективных контрмер, направленных против фишинга, имеет для экономики и информационной безопасности решающее значение. Это фильтры, черные списки, активные и пассивные индикаторы, которые сообщаются пользователям. Обучение пользователей методам защиты считается низко результативным из-за невыработанной у населения мотивации и отсутствия потребности изучать информационные материалы (Hong, 2012; Jagatic, Johnson, Jakobsson, & Menczer, 2007).

В работе «Семь смертоносных атак на социальные сети» («Seven Deadliest Social Network Attacks»), описывая технологии фишинга, авторы рассказывают об одном из изоциренных методов получения персональных данных пользователей из наиболее защищенных информационных ресурсов – сетей MySpace, Facebook, Twitter методом перенаправления на фишинговую страницу входа в социальную сеть с целью повторного введения конфиденциальных данных, пароля (Timm & Perez, 2010). Аналогичные мошеннические действия по отношению к отечественным пользователям производятся в период пандемии, например, при вводе ими данных для входа в ресурсы онлайн-платежей крупнейших банков (Сбербанк-онлайн и др.). Другими последствиями киберпреступности в период пандемии стала организация массовых сбоев в работе государственных и региональных информационных ресурсов, прежде всего в связи с социальными выплатами, оформлением и блокированием рабочих пропусков в регионах с наиболее сложной эпидемиологической ситуацией, оформлением штрафов за нарушение самоизоляции для болеющих или контактных лиц или за нарушения режима передвижения по пропускам для работающих граждан. Данные действия подрывали авторитет органов власти и провоцировали рост социальной напряженности. Экономические угрозы при нарушении конфиденциальности информации были связаны с вынужденным переходом сотрудников многих учреждений на удаленный режим работы без соблюдения должных мер безопасности.

Помимо опасностей для государственных учреждений и бизнеса в части повреждения или воровства конфиденциальных данных, внедрение хакеров вызывало, например, нарушения в процессе дистанционного обучения и научной работы (проведения научных форумов).

В США в начале 2000-х годов сложилось открытое межотраслевое научное сообщество, изучающее проблемы киберпреступности (прежде всего фишинга), регулярно публикующее годовые отчеты по активности фишинга в соотнесении с реестром доменных имен, используемых в различных странах мира. Согласно данным сообщества на 2017 г., Россия замыкала топ-10 стран, доменные имена которых наиболее активно используются при создании временных мошеннических фишинговых ресурсов (Aaron & Rasmussen, 2017, p. 13). Исследователи APWG (Американской рабочей группы по изучению фишинга) выявили ежегодный прирост числа фишинговых атак более, чем на 10 процентов, описали механизм создания, специфику и длительность существования мошеннических ресурсов (как правило, от 60 до 200 часов). Отмечается, что из года в год многократно растет число доменов, регистрируемых специально для размещения фишинговых сайтов, остальные домены (примерно половина от задействованных в фишинге ежегодно) взламываются на уязвимых веб-хостингах. При этом около половины регистраций доменных имен с целью фишинга производятся с территории Китая. 75 % доменных имен, с которых ведется мошенническая деятельность, имеют расширение .com, .cc, .pw и .tk. Более половины (56%) из мошеннических ресурсов были организованы в 2016 году (взломаны или созданы) в реестрах .com и .net. (pp. 10-11).

Изучающая киберпреступность «Anti-Phishing Working Group», проводящая ежегодные симпозиумы под брендом «eCrim», исследует защищенность интернет-платежей и личных ресурсов, развитие навыка у населения к использованию защищенных паролей доступа, проблемы преступности в Darkweb и др., в условиях пандемии 29 июля 2020 г. также организовала онлайн-совещание для членов ассоциации по теме «Cybercrime trends due to COVID-19» («Тенденции киберпреступности, связанные с COVID-19»), где впервые публично в научном сообществе обсудила данную проблематику по отношению к периоду пандемии («APWG | Members' Webinar», 2020).

Методологическая работа по предотвращению данных угроз активно ведется компанией MITRE (<https://www.mitre.org/>), регулярно пополняется перечень возможных угроз и сценариев поведения злоумышленников *Att&ck* (Adversarial Tactics, Techniques & Common Knowledge: Тактики, техники и общеизвестные знания о злоумышленниках, <https://attack.mitre.org/>).

Для Российской Федерации в период пандемии был характерен профессиональный уровень работы структур, обеспечивающих экономическую безопасность населения в сфере кибермошенничества. Мошенничество направлено было прежде всего на получение персональных данных, финансовых данных с целью обогащения, а также на создание атмосферы нестабильности, недоверия к органам власти, в частности, через выведение из строя официальных информационных ресурсов (Госуслуги, Официальный сайт Мэра Москвы и др.). IP адреса мошенников, как правило, были связаны со странами Европы, США, Китаем, Украиной, в противном случае наличие таких ресурсов в Российской Федерации своевременно отслеживается и они блокируются.

Действует Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ. Данной проблематикой активно занимаются специалисты ФСТЭК России, где разрабатываются стандарты информбезопасности в различных сферах. Экстренное реагирование на экономические киберугрозы производят специалисты Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере (FinCERT) Банка России. Существуют созданные приказами ФСБ России Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам в критической инфраструктуре Российской Федерации (Приказ от 24 июля 2018 г. № 366), а также Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (Приказ от 24 июля 2018 г. № 367), ведущая учет данных угроз. Центры изучения киберугроз и противодействия им имеются при многих региональных органах власти в субъектах Российской Федерации, при Федеральных органах исполнительной власти, в высших учебных заведениях инженерного профиля.

Контроль ситуации осуществляли компьютерные и экономических подразделения МВД, Роспотребнадзор, отечественные банки, прежде всего Сбербанк, отечественные лаборатории Касперского и «Доктор Веб» с линейкой продуктов под брендом Dr. Web, словацкая лаборатория ESET с продуктами серии NOD («Nemocnica na Okraji Disku»), частные отечественные компании, специализирующиеся на предотвращении кибер-атак.

Проблематика киберпреступности в период пандемии освещалась, прежде всего, в средствах массовой информации (приоритет оказался за наиболее мобильными электронными СМИ, связанными с органами власти субъектов Федерации), а также через самооповещение пользователями в социальных сетях, что, несомненно, в связи с мо-

бильностью доведения информации о возможных угрозах, снизило риски и финансовые потери населения. Одной из популярных форм доведения информации стали интервью с первыми лицами отделов обеспечения финансовой безопасности банковских структур в электронных СМИ и специализированный информационный видеоконтент для населения, посвященный профилактике финансового мошенничества. Несмотря на это, ряд государственных информационных ресурсов подвергся DDoS-атакам, с них происходило массовое хищение персональных данных граждан, функционирование ресурсов приостанавливалось из-за создававшихся злоумышленниками сбоев в их работе.

Удавалось мошенничество, как правило, при наличии уязвимостей у информационного ресурса, а также благодаря неосведомленности, доверию и невнимательности граждан в моменты наибольшей психической уязвимости (сужения коридора восприятия, флуктуации внимания в момент паники). Прежде всего, были подвержены мошенничеству граждане, находящиеся в особо сложной жизненной ситуации (многодетные семьи, лишившиеся работы граждане, одинокие престарелые люди и др.), а также сотрудники в режиме удаленной работы, оперирующие данными организаций, не предназначенными для обнародования. Интернет-мошенничество особенную опасность представляло для населения с низкой финансовой, правовой и компьютерной грамотностью. Если речь идет о мошенничестве по отношению к гражданам, то кроме неосведомленности, оно апеллирует к сильным эмоциям и жизненным приоритетам потребителей: к сочувствию, тревоге за жизнь близких, к фобиям и страхам (например, к страху перед болезнью, страху остаться без средств к существованию, а также страху дефицита продуктов потребления).

Распространение информации о борьбе с мошенниками, помимо указанных выше каналов, шло через печатную прессу, радио, телевидение, видеозэкраны в общественных пространствах, объявления в общественном транспорте.

Применявшиеся меры профилактики мошенничества были связаны с усилением защиты информационных ресурсов с целью предотвращения их взлома, а также с информированием населения о приемах распознавания и о порядке реагирования на действия мошенников для исключения утечки персональных данных и финансовых потерь.

СВОЙСТВА ПАНИКИ, КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И ПСИХИЧЕСКИХ ЗАЩИТ, ФОРМ АГРЕССИИ И ВРАЖДЕБНОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Паника, в момент стресса включающая архаические, безусловно-рефлекторные поведенческие механизмы, в психологии рассматривается как защитный механизм, позволяющий живому существу спастись в ситуации витальной угрозы, прежде всего, бегством (убежать от угрозы и хищника, при крайних проявлениях – футиформная реакция) или минимизацией энергетических затрат, затаиванием (если бегство невозможно, затаиться от хищника, спасаясь «неподвижностью», при крайних проявлениях – ступорозная реакция). Однако в ситуации пандемии включение в привычный механизм развертывания паники не может привести к облегчению переживания, так как оба варианта спасения (облегчения напряжения) не срабатывают. Третий вариант спасения – сражение с угрозой – порождает возникающую из паники агрессию (прямое столкновение с угрозой или замещающими и символизирующими ее объектами), что, как и ступорозная реакция и астенизация, вполне проявилось в период пандемии и после ослабления мер социальной изоляции, карантина.

Катализатором паники является информация, полученная как непосредственно субъектом, так и распространяемая с помощью современных технологий передачи информации, в том числе с помощью сети Интернет. Доказано при этом, что к развитию паники ведет как недостаток информации, так и ее неопределенность, избыточность и особенно – противоречивость (Ольшанский, 2001, с. 62). Важнейшую роль играет источник информации, а также индукторы (лидеры) паники, диктующие социуму образцы поведения, адаптивные или дезадаптивные. От информационной установки источника информации зависит и вероятность перерастания паники в реакции враждебности и массовой агрессии.

Паника в период пандемии COVID-19 характеризовалась следующими признаками: возникшая при длительно действующей угрозе, массовая, средней тяжести, пролонгированная.

Паника в период пандемии приводила к повторению частично оправданных требованиями санитарно-эпидемиологического режима многократно повторяемых защитных ритуализированных действий, фиксация на которых позволяла не только осуществлять эффективную профилактику заражения коронавирусом, но и нередко могла вести к формированию обсессивно-компульсивного расстройства. Это, например, происходившая во многом под влиянием распространявшейся через электронный СМИ и Интернет информации, в том числе фейко-

вой, о методах защиты или о возможном дефиците, ажитированная скупка санитайзеров, медицинских препаратов, термометров, масок и респираторов, продуктов первой необходимости, неумеренно повторяющееся мытье рук, употреблении «профилактических» народных средств и т.п.. Автор материала в период работы над исследованием (апрель – август 2020 г. и далее) осуществлял деятельность, в том числе, и в аптечном сегменте и наблюдал изменение поведенческих реакций вовлекаемого сначала в панику, а затем – в дисфорию, апатию, враждебность в ответ на следовавшие информационные поводы населения – как в части развития пандемии и версий об эффективных методах лечения и профилактики COVID–19, так и в части мер регуляции социального функционирования и соблюдения санитарно-эпидемиологического режима.

Помимо ситуационных, физиологических, психологических условий формирования паники наибольшее влияние на ее протекание и последствия имеют идеологические и политико-психологические условия, а именно: наличие эффективного управления в экстремальной ситуации, ориентация социума на единство действий, осознанность общей для общества цели, сплоченность и общая ценностная система (Ольшанский, 2001, с. 63).

Целью противодействия массовой панике на всех уровнях управления ею обычно является снижение интенсивности эмоциональных переживаний в социуме, рационализация поведения граждан, возвращение их реакций и поведения (при мобилизации ресурсов) в состоящие нормы.

Знание о высокой контагиозности вируса, его неявных симптомах, угрозе гибели даже для молодых и здоровых людей были причиной возникновения более четкого ощущения конечности и хрупкости человеческой жизни, застревания, обсессивно-компульсивной фиксации на теме болезни и гибели по образцу «Memento mori». Особенно сильное влияние происходило как на включенных в режим самоизоляции граждан, так и работающих, прежде всего, в сфере обслуживания или медицины с риском контакта с больными коронавирусом. Вырос градус ощущения неопределенности и общая тревожность, связанная с неуверенностью в завтрашнем дне. Вся данная ситуация явилась сильнейшей массовой эмоциональной травмой, приведшей к переживанию посттравматического стрессового расстройства миллионы соотечественников.

Как кратковременное шоковое состояние, так и психическое истощение, наступающее при панике, вне зависимости от ее формы, ведет

в дальнейшем к формированию психопатологических проявлений и заболеваний.

В условиях пандемии, в том числе как следствие переживания паники и длительного стресса, возможно формирование таких расстройств, как депрессия, тревожное расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство, острое стрессовое расстройство, генерализованное тревожное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство, диссоциативное расстройство личности, дисфория, фобии, в том числе агорафобия и др.

Паника в данном контексте должна рассматриваться с позиций политических и социальных последствий, причин и регуляторов.

Рассмотрим копинг-стратегии, а также психологические защиты, применяемые для реализации совладающего со стрессом поведения, возможные и использовавшиеся для снижения тревожности населением в период пандемии. Также обсудим наиболее часто присутствовавшие в информационном пространстве формы проявления агрессивного поведения. Метод выявления – наблюдение, констатация наличия признаков копинг-стратегии, психологической защиты, формы проявления агрессии / враждебности.

Наиболее конфликтогенный конфронтационный копинг проявляется в активных, «агрессивных» усилиях, используемых для изменения ситуации, сопровождается наличием у использующего его лица в разной степени проявляющейся враждебности и готовности к риску. Он активно реализовывался пользователями в период пандемии в социальных сетях, а также был использован в интернет-контенте альтернативных видеоканалов платформы YouTube, протестных электронных СМИ. Его проявление связано было с недоверием официальной статистике по COVID–19, с критикой ограничительных действий федеральных и региональных органов власти, неудовлетворенностью и критикой медицинской помощи, организацией работы медицинских учреждений в период пандемии (Васильева, 2020).

При использовании копинга «дистанцирование» когнитивные усилия применяющего его лица направлены на исключение себя из ситуации, на уменьшение значимости травмирующей ситуации. Данный вид копинга был присущ населению, находящемуся на самоизоляции, что проявилось в высокой заинтересованности развлекательными видеоканалами, кинофильмами, классической и современной музыкой, чтением, развитием кулинарного мастерства. В период пандемии в социальных сетях вошли в обиход образы-мемы, не связанные с пандемией.

Наиболее социально ценным в период пандемии (но провоцирующим, возможно, в отдаленной перспективе, как следствие, рост психологического напряжения и формирование симптомов ПТСР у использовавших его лиц) следует признать копинг-стратегию «самоконтроль», связанную с приложением существенных усилий со стороны населения по регулированию эмоциональных проявлений и поведения. Распространению данной модели копинга способствовали меры государственного регулирования социального и общественного взаимодействия в регионах, использовавших наиболее «жесткие» модели профилактики распространения COVID – 19 («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020; «Коронавирус COVID–19», 2020). А именно: своевременное оформление электронных пропусков для перемещения с использованием личного и общественного транспорта, регулирование пешего перемещения по неотложным нуждам, соблюдение требований в части использования средств индивидуальной защиты («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020). Распространенность данной копинг-стратегии можно было проследить, опираясь на ежедневно обновляемый «индекс самоизоляции» по регионам.

В связи с длительной самоизоляцией и, как следствие, одиночеством или ростом психоэмоциональных проблем в изолированных в пространстве квартиры семьях, возросшая активность общения в социальных сетях и мессенджерах доказывает востребованность копинг-стратегии «поиск социальной поддержки». Данная стратегия совладания была особенно востребована для пациентов с COVID-19, проходивших лечение в стационаре (как больничных учреждениях, так и в мобильных временных госпиталях в Москве и Санкт-Петербурге), в домашних условиях (с установкой системы «социального мониторинга» для контроля передвижения лица), а также для контактных лиц, находящихся во временных обсерваторах в связи с обязательным 14-дневным карантином). Данную стратегию использовали представители медицинского сообщества при наличии проблем в учреждении или в связи с эмоциональным выгоранием в связи с повышенной профессиональной и эмоциональной нагрузкой. Данный копинг предполагает поиск информационной, эмоциональной и деятельностной (в случае с волонтерскими, курьерскими службами) поддержки.

Копинг «принятие ответственности» был присущ лицам, работавшим во время пандемии. Он был связан с принятием ответственности за риск, а также с выстраиванием рациональной модели поведения с учетом методов эффективной профилактики COVID-19. Также данный вид копинга был присущ лицам с диагностированным COVID-19, имеющим семьи с престарелыми родителями, а также представителям врачебного сообщества, органов власти, использовавшим самоизоляцию на рабочем месте в случае заболевания и т.п.

Копинг «бегство-избегание» оказался, вероятно, наиболее социально-опасным (опасным как для общественного здоровья, так и для жизни и здоровья личности). Он использовался COVID-диссидентами, а также частично реализовывался в работе служб и специалистов, не приостанавливавших работу и мало изменивших ее режим в период пандемии. Данный копинг связан с существенными мыслительными и поведенческими усилиями, направленными на избегание проблемы и уход от любых информационных ресурсов, связанных с психологической травмой (отказ от информирования в части COVID-19 и др.). Наиболее эффективный в случае его использования в жизнеугрожающих ситуациях, лицами, отвечающими за функционирование социума и общественное здоровье, копинг «планирование решения проблемы» применялся как органами федеральной и региональной власти («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020; «Коронавирус COVID-19», 2020), так и гражданами. Он предполагает аналитический подход, разработку стратегий и действий, приложении проблемно-фокусированных усилий, направленных на изменение ситуации и решение проблемы. Склонность должностных лиц к данному копингу была свойственна прежде всего регионам, где наиболее успешно оказалась выстроена работа по предупреждению пандемии, прежде всего – в Москве («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020).

Копинг-стратегия «положительная переоценка» была присуща семьям с детьми и сфере творческой интеллигенции, а также людям, склонным к саморазвитию, так как условия самоизоляции были восприняты ими как уникальная возможность больше времени проводить с детьми, иметь условия заниматься саморазвитием или полу-

читать возможность удаленной работы без необходимости затрат времени на пребывание в пути, в учреждении и т.п..

Из механизмов психологической защиты, использовавшихся населением, наиболее конструктивными могут считаться компенсация и рационализация, деструктивными – прежде всего проекция и вытеснение. Важно было то, насколько используемая защита помогает снизить беспокойство и разрешить травмирующую ситуацию.

В силу уникальности и быстроты развертывания ситуации, а также в силу невысокого уровня заболеваемости в целом по стране (для средней полосы России) для многих актуальной психологической защитой было «отрицание» – то есть отказ признавать, что произошли некие меняющие привычный уклад жизни события, отрицание возможности заболеть (по принципу «Этого со мной не случится»).

Защита в форме «компенсация» предполагала реализацию в режиме самоизоляции и карантина какой-либо ранее игнорируемой способности или потребности лица, в том числе в ущерб невозможных или утраченных других (например, увеличение употребления психоактивных веществ в период пандемии, увеличение контактов в соцсетях, количеств просмотров видеофильмов, возросший интерес к творческой активности, домашней кулинарии, семейным взаимоотношениям).

Можно отметить, что в контексте рассматриваемой нами темы наиболее распространенной психологической защитой населения была защита по типу рационализации («интеллектуализация»). В этом случае особенно важно, кто является источником передаваемой населению информации, кто – с каким наполнением – является копируемым, тиражируемым образцом для поведения в период паники, какие структуры позиционируются как обладающие достоверной информацией и каково доверие к ним со стороны населения, кем оно может расшатываться, подвергаться сомнению, а также наличие альтернативных источников информации, вносящих неуверенность в достоверности основного источника информации. В данном случае необходимо учитывать, что в период паники критичность к воспринимаемой информации резко упала, так как на пике эмоций и тревоги становился ослабленным контроль сознания, в силу чего информация, полученная из непроверенных источников в Интернет-пространстве во время пандемии, вместо снижения стресса, нередко приводила к социальной дестабилизации. Иногда через получаемую из СМИ и интернет-контента аргументацию следующего затем иррационального поведения у граждан провоцировалось формирование индуцированного психоза.

Агрессия (иначе – «конфронтационный копинг») как защитный механизм и реакция на психическую травму и тревогу в период пандемии заслуживает особого внимания, так как агрессия отдельных лиц в период паники как поведенческий образец мгновенно индуцируется, трансформирует этические нормы и превращается в массовую реакцию. Не случайно в периоды исторических катаклизмов, войн и революций, стихийных природных и техногенных катастроф констатируется ее нарастание, вплоть до мародерства и открытого, в том числе массового, противоправного поведения. В ситуации пандемии данная защитная реакция была особенно востребованной, так как не мог реализовываться в силу особенностей данной экстремальной ситуации важнейший этап состояния паники, приносящий облегчение от стресса и снимающий угрозу, бегство. Склонность к агрессии и конфронтации проявилась в активизации противоправной деятельности в сфере кибермошенничества и социальной инженерии («фишинга»), манипуляции информацией.

Агрессия в ситуации воздействия на лицо длительного травмирующего стимула обладает накопительным эффектом, но может длительно же проявляться в латентной форме. Для ее проявления вовне нужен провоцирующий триггер.

В силу специфики развертывания пандемии и информационного вакуума на первых ее этапах, начальной реакцией социума стала «подозрительность», как реакция враждебности и агрессии, проявляющаяся в диапазоне от недоверия к источникам и к достоверности информации, до формирования конспирологических версий, сопровождающихся формированием фобий, о нанесении вреда.

Как защита от неопределенности будущего и от нарастающего витального страха проявлялась «косвенная агрессия», изживающая данный страх, направленная на предположительных «виновников» снижения качества жизни – прежде всего на структуры управления, вводящие и поддерживающие контроль за режимом самоизоляции, использованием СИЗ и др., на близких, находящихся в момент самоизоляции в ограниченном пространстве дома, сослуживцев и др., а также не имеющая направленности агрессия, проявляющаяся в интересе к криминальным сводкам, фильмам ужасов, сведениям о смертности и др.

На следующем этапе и по сей день реакцией психики стал «негативизм» – оппозиционность в поведении в части неприятия установленных на период пандемии социальных норм - от пассивного сопротивления им, до активной борьбы против них (COVID-диссиденты, оппозиционные лидеры и СМИ).

Пиковым проявлением «негативизма» стала вербальная агрессия, выраженная на личных страницах пользователей в социальных сетях, в многочисленных публикациях альтернативной прессы, в репортажах каналов платформы YouTube, а также в живом общении как с близкими, так и с представителями органов власти, полиции и т.п. Высшая степень реализации данной формы агрессии обнаружилась в Российской Федерации в скандируемых слоганах и содержании плакатов участников запрещенных на период пандемии протестных массовых мероприятий.

Для переживших потерю близких, а также перенесших заболевания и выживших, для медицинского персонала способами выражения аутоагрессии стало «чувство вины», усугубляющееся в случае гибели близких от COVID-19, смертей пациентов и т.п., выражающееся в сентенциях о себе: я не спас, я являюсь плохим человеком, я не достоин жить и др. (Красовский, 2020а, 2020b), а также противоположное ему чувство – «обида» по отношению к окружающим за действительные и вымышленные действия.

Обладая кумулятивных эффектом, латентная агрессия привела за несколько месяцев к формированию «раздражения» как формы враждебности и готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении и наличии повода (вспыльчивость, грубость). Вовлечение в реакцию раздражения привело к многочисленным протестным видео-выступлениям и публикациям в интернет-пространстве, а также к конфронтующим действиям (Егоров, 2020) по субъективно-эмоционально значимым для лица или имеющим ценностный социальный смысл поводам (Васильева, 2020), в том числе запрещенные массовые акции в отдельных регионах.

Результатом и апогеем кумуляции агрессии стал высокий уровень «физической агрессии» – как со стороны населения, так и со стороны органов охраны правопорядка по всему миру.

Необходимо помнить об уникальности пандемии как экстремальной ситуации. Она провоцирует панику, однако бегство как реакция невозможно. В силу чего массовая агрессия может стать закономерным этапом паники и массовой травмирующей ситуации.

Как отмечает Ольшанский, агрессия – реакция на эмоциональное переживание непреодолимости каких-либо барьеров, мешающих достижению цели; агрессивная толпа озабочена достижением своих целей и «наказанием» тех, кто стоит, по ее мнению, на пути их достижения. Часто одни и те же внешние обстоятельства могут порождать как паническое, так и агрессивное поведение. Это определяется особенно-

стями психологического состояния, в котором находятся в данный момент люди (Ольшанский, 2001, с. 69).

Для массовой агрессии специфическими особенностями будут следующие (с.с. 66-68): она стихийна, имеет «циркуляторный характер» (эффект кружения, повторения, репликации), не подчиняется рациональным оценкам происходящего и поведенческим нормам, имеет повышенный динамизм и высокий эмоциональный накал (эмоции негативного комплекса – гнев, враждебность, ненависть и др.), характеризуется анонимностью (а значит, безнаказанностью) участников, на раннем этапе имеет лидера-зачинщика (по мере роста импульсивности и накала теряющего свою роль и влияние на толпу), ее причиной становится внутреннее эмоциональное состояние в связи с переживанием непреодолимости ситуации, блокированием потребностей, дефинируется как «массовые враждебные действия, направленные на причинение страдания, физического или психологического вреда или ущерба либо даже на уничтожение данной массой (толпой) других людей или общностей» (стр. 66-69). Как отмечает исследователь, «если войны обычно вели организованные армии, то восстания и революции совершали именно агрессивные толпы <...> Если же агрессия заблокирована, спираль ее принимает еще более крутую форму, взрыв насилия происходит по причинам прежде всего психологическим, приобретая подчас экстатический характер, когда восстание становится для его участников самоцелью» (стр. 66-67).

Следствием пандемии, даже при отсутствии иных патологических проявлений на уровне эмоций, воли, когнитивных функций и поведения (например, тревожности, астении, дисфории, агорафобии, враждебности и агрессии), при развитии средней степени глубины паники и длительного стресса, таким образом, было массовое формирование новой модели выученного условно-рефлекторного сохраняющегося ритуализированного поведения (в тяжелых случаях закрепляющегося в психике как заболевание – обсессивно-компульсивное расстройство, существенно снижающее социальную и профессиональную эффективность лица), заключавшегося в наличии повторяющихся поведенческих актов, используемых для снижения тревожности, например: ежедневное ознакомление с обновляемой информацией о развитии пандемии по данным сети Интернет и электронных СМИ, навязчивое использование санитайзеров и мытье рук, ритуализированное поведение, связанное с использованием средств защиты – масок и перчаток, многократной проверкой активности электронного пропуска для проезда в транспорте и др. Компульсивные поведенческие реакции могли сопровождаться обсессиями – навязчивыми мыслями и образа-

ми, вызывающими дискомфорт, тревожность, формирующими фобии. Например, навязанные информацией из электронных СМИ и Интернет образы смертей близких, мысли о вероятности заражения вирусом и гибели.

АНАЛИЗ КОНТЕНТА

Рассмотрим образцы Интернет-контента апреля – августа 2020 г. и его соответствие требованиям информационной безопасности, а также его возможное влияние на состояние социума.

Важнейшей целью информационных ресурсов в части воздействия на социум в период пандемии должно было быть поддержание у населения рационального типа реакций и поведения. Реальный информационный контент при этом мог как наращивать панику, так и быть сформированным в русле поддержки одного из типа психологической защиты, копинг-стратегий. Контент мог быть также ориентирован на конфронтационный копинг и формирование враждебности и агрессии.

Одним из очевидных способов поддержания стабильности социума стало использование и на личном, и на государственном уровне стратегий рационализации: с экстремальной ситуацией и наносимой ею травмой проще справиться, если обладать исчерпывающей непротиворечивой информацией о протекающих процессах и их динамике, отсюда – наблюдаемый в первые месяцы пандемии и самоизоляции повышенный интерес к информационным передачам и контенту о COVID-19. Стратегию рационализации поддерживали как государственные федеральные информационные ресурсы («Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус COVID-19», 2020), так и личные блоги представителей врачебного сообщества (Доктор Комаровский, 2020a, 2020b), некоторых журналистов.

Помимо информации о самом вирусе и динамике пандемии, ключевой для государства в части сохранения здоровья населения была стратегия формирования образцов поведения, обеспечивающих выживание. Данную повестку поддерживали как федеральные и региональные ресурсы («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020), так и интуитивно ее определившие, например, блогеры-эспатрианты, транслировавшие на своих YouTube каналах репортажи о ежедневной жизни различных стран или районов мегаполисов, мировых столиц в период пандемии (Левашов, 2020; Burenok, 2020a, 2020b, 2020c, 2020d, 2020e; Samsebeskazal, 2020b, 2020d, 2020e, 2020g, 2020h, 2020i, 2020a, 2020a, 2020c,

2020f; Smart Beauty, 2020). Данные трансляции в период карантинов и вынужденного пребывания огромной части граждан в замкнутом пространстве дома обладали психотерапевтической функцией и набирали большое число просмотров. Посредством данных трансляций преодолевалось культурное и психологическое отчуждение, являющееся в том числе одним из психопатологических симптомов ОСР и ПТСР, а также других расстройств, возникающих под влиянием психической травмы. Данная модель общения с пользователями была подхвачена и российскими блогерами (Егоров, 2020), однако в отличие от соотечественников-эмигрантов, создававших нейтральные информационные репортажи, отечественный контент имел конфронтационный протестный оттенок: часто в нем использовалась установка на демонстрацию неповиновения введенным ограничительным мерам, на эмоциональное, не аргументированное отрицание данных мер, звучала обценная лексика и т.п.

Части населения была присуща стратегия избегания информации, отрицания пандемии. Ее поддерживали и некоторые региональные информационные ресурсы, стараясь снизить панику, используя прием замалчивания.

Большая часть отечественного негосударственного контента и источников информации была, к сожалению, ориентирована, в том числе в силу отсутствия понимания личных и массовых психологических реакций в экстремальной ситуации, на поддержание конфронтационного копинга, а именно – поддержку в социуме реакций враждебности, обиды (Васильева, 2020). Вместо разработки и передачи населению информации о наиболее эффективных образцах поведения, профилактических мерах, многими протестными ресурсами реализовывалась стратегия «поиска виноватого», конкретно – население, подверженное ежедневной массивной информационной атаке, снабжалось информацией о ненадлежащем, угрожающем жизни граждан, поведении отдельных представителей и целых органов власти, медицинских работников и учреждений (Васильева, 2020). Данная установка во многом формировала третий путь развития паники – ее преломление в социальный протест. В Российской Федерации реакция враждебности была адресована прежде всего органам субъектов Федерации, вводивших меры ограничения социальных контактов и функционирования бизнеса, медицинским организациям.

В июле-августе 2020 г. даже оппозиционно настроенные по отношению к государственной политике электронные СМИ и российские журналисты начали публиковать материалы о последствиях массового

бесконтрольного использования непроверенной, «фейковой», информации (Маковская, 2020).

Наблюдение над информационной повесткой и контентом средств массовой информации в условиях пандемии дает возможность определить основные стратегии СМИ, ведущие к формированию паники и агрессии, а также методы и приемы, позволяющие их избежать, повысив комплаенс социума по отношению к медицинским рекомендациям («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020), снизить число жертв пандемии и негативные социальные последствия.

В ходе наблюдения над информационной повесткой и контентом средств массовой информации в условиях пандемии (апрель-август 2020 г., русскоязычные Интернет-ресурсы) было выявлено два подхода, ведущих к формированию паники, психо-эмоциональных расстройств и протестной активности:

1) утаивание (копинг избегания) – дает рост конспирологических теорий, повышает тревогу в связи с неопределенностью будущего;

2) создание инфоповодов и сенсаций в связи с пандемией (копинг «проекция», конфронтационный копинг) – негативная эмоциональная повестка, аналитические программы с негативными комментариями, в том числе в адрес проводимых государством мер по преодолению пандемии.

Вместе с тем, были определены и подходы, позволяющие снизить уровень паники и сформировать у населения образец здоровьесберегающего поведения, а именно: видеорепортажи блогеров-очевидцев; текстовые интернет-дневники пациентов-очевидцев, переживающих заболевание; текстовые материалы – свидетельства врачей / репортажи журналистов по итогам работы врачей и клиник (зарубежных и отечественных) и в целом о течении пандемии и случаях заболевания, а также о стратегии выживания; специальный видеоконтент врачебного сообщества, включающий ответы на вопросы о течении заболевания и мерах профилактики, сопровождающийся направленным психотерапевтическим воздействием для нормализации психо-эмоционального состояния населения; документальные фильмы о пандемиях прошлого, позволяющие неспециалисту увидеть процесс развития и исхода пандемий и тем самым снизить неопределенность будущего.

Необходимо отметить, что реакция на те же информационные источники, которые были значимы в период действия строгих ограничительных мер и после их завершения, менялась. По мере формирования ПТСР место первичного ажитированного испуга и паники как реакции на экстремальную ситуацию заняли ангедония, дисфория, апатия, анархические настроения, COVID-диссидентство.

Психика существенной части населения «вытеснила», ликвидировала тяжелые воспоминания.

Барьер чувствительности к витальной угрозе повысился, тенденция ежедневно переживать напряжение, витальный страх в социуме снизилась. Данные факты являются угрожающими: в случае наступления экстремальной ситуации в будущем мобилизация населения с целью выполнения предписаний, обеспечивающих безопасность, не будет эффективной.

Витальный страх сменился менее сильным, но значимым страхом финансовой нестабильности (связанной с разрушением бизнеса и др.), мотивом «поиска виновного» в пережитых испытаниях, что привело к росту социальной напряженности.

Тональность репортажей блогеров-экспатов сменилась с тревожно-эмотивной на критически-недоверчивую: если ранее материалом для репортажей были сюжеты о необходимости соблюдения диктуемых властями требований профилактики заболевания, то в июне основным мотивом стало отрицание заболевания и угрозы повторения опасной эпидемиологической ситуации.

Переживание витального страха, паники (и как следствие – острого стрессового расстройства) заняло около 2-х месяцев, сменившись агрессией и враждебностью (с мотивами конфронтации: поиск ответственных за снижение доходов, разрушение бизнеса и др.).

В протестных информационных источниках место разжигающих страх репортажей о неблагополучии в системе здравоохранения, о летальных случаях заняли сюжеты о пандемии как политическом инструменте, также ориентирующие на конфронтационный копинг и репликацию реакции враждебности.

Результатом активно используемой на частных каналах платформы YouTube и в негосударственных СМИ конфронтационной повестки, а также следствием повышения психологического барьера к переживанию витального страха после многодневного воздействия травмирующей ситуации стал опасный эффект «анархического» невосприятия норм и запретов, принятых на государственном и региональном уровне в период пандемии.

К концу июля 2020 года нормативные образцы поведения, обеспечивающие выживание («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы — Минздрав России», 2020; «Коронавирус COVID-19», 2020), а также ограничительные меры, регулирующие экономическую и социальную жизнь отдельных регионов Российской Федерации, в массовом порядке перестали соблюдаться гражданами. Данный эффект сопровождался ростом в социуме активных проявлений враждебности. На момент завершения работы над статьей в связи с этим в отдельных регионах Российской Федерации («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020) были введены меры усиления контроля за соблюдением санитарно-эпидемиологического режима, прежде всего в общественных пространствах и организациях.

Сформировавшееся у населения сопротивление по отношению к мерам регуляции общественной жизни в период сложной эпидемиологической обстановки к концу августа 2000 г. убедило в необходимости действовать на поведенческой реакции с целью сохранения эффективности санитарно-эпидемиологических мер и формирования поведенческого стереотипа с помощью психотерапевтических методик - в первую очередь с использованием видеоконтента по образцу социальной рекламы, содержащего приемы недирективной суггестии (профессиональный короткометражный кино контент на видеодисплеях в метро г. Москвы, посвященный ношению средств защиты).

ВЫВОДЫ

Содержание информационного контента и установка на определенный тип совладающего поведения и психологической защиты (как и знание механизмов развертывания массовой паники при экстремальных ситуациях) со стороны информационного источника, таким образом, может существенно влиять на состояние социума как в период пандемии, так и после нее (отложенные последствия).

Для снижения уровня напряженности в социуме в связи с пандемией являются актуальными роли Очевидца (участника событий) и Эксперта (специалиста в проблеме по существу) и диктуемые ими образцы здоровьесберегающего поведения. При этом обе роли должны исполняться не Сторонним наблюдателем - представителем журналистского сообщества и ученым, а прежде всего участником событий в роли рядового врача или пациента.

Аналитические программы могут повышать уровень тревожности населения, предлагая противоречивую или избыточную информацию о пандемии, но, не предлагая образцов поведения и норм, снижающих уровень стресса и обеспечивающих выживание. Данный информационный жанр не может вызвать комплаенс представителей социума по отношению к рекомендациям врача или предписанию государственной власти, так как формируют релятивистскую модель представлений об угрозе.

Астенизированный читатель и зритель в период паники на ранних этапах пандемии нуждается как в официальных квалифицированных медицинских рекомендациях, так и в юморе.

В отсутствие распространяемых официально медицинских рекомендаций данную лакуну занимают в информационном пространстве малоинформативные бытовые рекомендации и рецепты из сферы «нетрадиционной медицины», существенно снижающие комплаенс населения по отношению к установкам врачебного сообщества и ухудшающие эпидемиологическую обстановку.

Причиной паники часто оказывается низкий уровень медицинских знаний населения, а также установка на ложный авторитет. Этот факт вызывает отсутствие комплаенса к рекомендациям государственной власти и врачебного сообщества.

Наиболее опасным в период экстремальной ситуации является используемый источниками информации конфронтационный копипинг, с высокой долей вероятности обеспечивающий перерастание паники в массовое враждебное и агрессивное поведение.

Наиболее успешными для снятия паники в период пандемии были репортажи блогеров-очевидцев, описывающие образцовые модели поведения населения в странах, переживших пандемию с наиболее существенными потерями, но преодолевшими её, а также информационный интернет-контент, своевременно размещавшийся на платформах Правительства Москвы.

На поздних этапах первой волны пандемии (август 2020 г.) эффективным для сохранения здоровьесберегающего поведения и соблюдения населением требований санитарно-эпидемиологического режима в условиях отсутствия комплаенса к рекомендациями медицинского сообщества и власти является использование в электронном видеоконтенте приемов недирективной суггестии, направленных на воспроизведение модели поведения, обеспечивающей как снижение тревожности, так и соблюдение мер профилактики распространения COVID-19.

Население в период первой волны пандемии было особенно уязвимо перед мошенничеством, организованным с использованием информационных технологий в сети Интернет, фишинга и распространения «фейковой» информации.

Своевременное информирование населения о специфике механизмов паники и постстрессового поведения снизит эффективность манипулятивных и мошеннических технологий, применяемых по отношению к населению, а также предотвратит рост социальной напряженности, поможет противостоять перерастанию массовой паники в массовую агрессию.

Уже после окончания работы над статьей в социуме был зафиксирован новый и более сильный, чем весной и летом 2020 г., всплеск паники, психо-эмоциональной нестабильности, сформировавшийся прежде всего в связи с актуализацией сложившихся фобий новыми «подкреплениями»: прежде всего быстрым ростом заболеваемости (более, чем в три раза по Российской Федерации на начало 2021 года по сравнению с первой волной пандемии) и смертности (до шестисот умерших в сутки по регионам России) осенью – зимой 2020 года. Если в первую волну пандемии основной источник получаемой информации был связан с электронными СМИ и платформой YouTube, то во вторую волну COVID-19 продиктованная острым витальным страхом паника, характеризующаяся недоверием к СМИ, стала распространяться обычным путем – через устные рассказы, слухи (от семей переболевших и умерших, от медицинского сообщества), а также вследствие роста сообщений в официальных СМИ и на телеканалах о смертях от коронавируса и его последствий культовых деятелей журналистики, киноиндустрии, культуры, науки. Паника осенью – зимой 2020 года была связана, прежде всего, с дефицитом лекарственных средств в регионах Российской Федерации при высоком числе заболевших (сформировавшегося не только из-за нарушения логистики поставок в связи с приостановкой производства и закрытием границ, но и в связи с введением новой процедуры учета контрольно-измерительных знаков на фармацевтическом ассортименте), с отсутствием качественной срочной медицинской помощи и достаточного количества койко-мест, страхом перед госпитализацией или с невозможностью ее своевременно получить. Паника и витальный страх (а также страх смерти близких или гибели в больничном учреждении – вне дома) проявились прежде всего в отказах от госпитализации (чаще со стороны пожилых людей), бегствах из стационаров по лечению COVID-19, вербальной и поведенческой агрессии (зафиксированной в личных видеоблогах и соцсетях), а также в ажитированной, руководствующейся слухами, скупке «в

запас» или с целью пересылки в регионы рецептурных и дорогостоящих фармпрепаратов для тяжело больных (антибиотиков (левофлоксацин, азитромицин и др.), антикоагулянтов и антиагрегантов (ривароксабан, эписабан, надропарин натрия и др.), ампулированных кортикостероидов (дексаметазон)). Менее информированное население пользовалось рекомендациями электронных СМИ и неконтролируемо скупало и употребляло бесполезные, а зачастую – небезопасные при бесконтрольном приеме высокие дозы безрецептурных препаратов и биологически активных добавок, содержащих аскорбиновую кислоту, цинк, холекальциферол (витамин D3), отвергая, однако, возможность вакцинации (во многом в результате неадекватного освещения данной темы на самостоятельных и протестных информационных ресурсах). Вместе с тем, имела место усталость от стресса и, как следствие, распространение COVID-диссидентства (ранее известного в истории под образным наименованием «пира во время чумы»): так, несмотря на угрозу заражения и гибели после отмены самоизоляции большая часть населения активно отказывалась от использования средств индивидуальной защиты в местах скопления людей - в общественных пространствах, транспорте, торговых организациях. Вернулась тенденция проведения массовых развлекательных мероприятий, посещения мест коллективного отдыха в пределах городской черты или за городом, путешествий в иные регионы или государства мира во время уик-эндов и праздничных выходных дней. Под давлением общественности в начале 2021 года во многих регионах было отменено дистанционное обучение в школах.

Финалом 2020 года стало сформировавшееся в психике россиян (во многом – под влиянием непоследовательной информационной политики и бесконтрольного распространения противоречивого контента) философское приятие конечности жизни, и как следствие - безразличие к угрозе заражения и гибели. Во многом данные явления сложились из-за неправильной информационной политики и отсутствия научного анализа стратегий и эффективных практик информирования населения о рисках, необходимых мерах защиты, из-за отсутствия действующих и регулярных мер директивного контроля и юридической ответственности за нарушения санитарно-эпидемиологического режима.

Вследствие высокой напряженности психологических защит, нерационально использованных во время второй волны пандемии, на момент публикации статьи в социуме наблюдается два противоположных явления: рост агрессии и рост анозогнозии как нерациональных способов снятия психологического напряжения. Данные тенденции

проявляются в усилении антигосударственных выступлений в различных странах мира, а также в быстром росте заболеваемости и смертности от коронавируса и его последствий у лиц с анозогнозией (отрицанием болезни).

В указанной ситуации крайне важно, чтобы предлагаемое здесь исследование, посвященное обзору тенденций в информационном пространстве, свойственных первой волне пандемии, было воспринято как призыв обратиться к научному анализу информационных стратегий, допустимых в период экстремальных ситуаций, в том числе - текущей пандемии, когда человечество оказывается особенно уязвимым в силу возможной индукции любого попадающего в виртуальное пространство инфополюса, в том числе - снижающего эффективность санитарно-эпидемиологических мер и порождающего серьезные негативные отложенные последствия как для личности, так и для государства.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годы (НИР 0006-2020-0001).

Список литературы

- Aaron, G., & Rasmussen, R. (2017). Global Phishing Survey. Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/globalphishingsurvey/>
- Atalan, A. (2020). Is the lockdown important to prevent the COVID-19 pandemic? Effects on psychology, environment and economy-perspective. *Annals of Medicine and Surgery*, 56, 38–42. doi: 10.1016/j.amsu.2020.06.010
- Burenok, A. (2020a). *Амстердам, который ты не узнаешь: Очереди в кофейню без масок*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=3FpOmvtpoLs>
- Burenok, A. (2020b). *Канада на карантине. Жизнь во время эпидемии в Торонто*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=RseCckxPR6Y>
- Burenok, A. (2020c). *Стамбул, который ты не узнаешь: Турция в плену эпидемии*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=S4HYckEtGc8>
- Burenok, A. (2020d). *Франция, которую ты не узнаешь, и Швеция против правил*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=jB7v2o-UbdE>
- Burenok, A. (2020e). *Япония на карантине. Почему же у нас не так?* Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=CQ7tehdvAx8>

- Chakraborty, I., & Maity, P. (2020). COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention. *Science of The Total Environment*, 728, 138 882. doi: 10.1016/j.scitotenv.2020.138882
- COVID-19 related publications. COVID-19: How you can help. (2020). Retrieved from Publons.com website: https://publons.com/publon/covid-19/?sort_by=date
- Esparza, J. (2020). Lessons From History: What Can We Learn From 300 Years of Pandemic Flu That Could Inform the Response to COVID-19? *American Journal of Public Health*, 110(8), 1160–1161. doi: 10.2105/AJPH.2020.305761
- Fontanesi, L., Marchetti, D., Mazza, C., Di Giandomenico, S., Roma, P., & Verrocchio, M. C. (2020). The effect of the COVID-19 lockdown on parents: A call to adopt urgent measures. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1), S79–S81. doi: 10.1037/tra0000672
- Galea, S., Merchant, R. M., & Lurie, N. (2020). The Mental Health Consequences of COVID-19 and Physical Distancing: The Need for Prevention and Early Intervention. *JAMA Internal Medicine*, 180(6), 817. doi: 10.1001/jamainternmed.2020.1562
- Hong, J. (2012). The state of phishing attacks. *Communications of the ACM*, 55(1), 74–81. doi: 10.1145/2063176.2063197
- Horesh, D., & Brown, A. D. (2020). Traumatic stress in the age of COVID-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(4), 331–335. doi: 10.1037/tra0000592
- Jagatic, T. N., Johnson, N. A., Jakobsson, M., & Menczer, F. (2007). Social phishing. *Communications of the ACM*, 50(10), 94–100. doi: 10.1145/1290958.1290968
- Kanesarajah, V., & White, E. (2020). *Chasing change: Innovation and patent activity during COVID-19. A report on the pandemic's impact on the global R&D community and innovation lifecycle*. 18. Retrieved from https://clarivate.com/derwent/wp-content/uploads/sites/3/dlm_uploads/2020/06/DW507408683-COVID-19-Report_FINAL.pdf
- Kanzler, K. E., & Ogbeide, S. (2020). Addressing trauma and stress in the COVID-19 pandemic: Challenges and the promise of integrated primary care. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1), S177–S179. doi: 10.1037/tra0000761
- Koushik, N. S. (2020). A population mental health perspective on the impact of COVID-19. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(5), 529–530. doi: 10.1037/tra0000737
- Mazza, C., Ricci, E., Biondi, S., Colasanti, M., Ferracuti, S., Napoli, C., & Roma, P. (2020). A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(9), 3165. doi: 10.3390/ijerph17093165
- Members' Webinar: Cybercrime Trends due to COVID-19. (2020). Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/members-webinar-cybercrime-trends-due-to-covid-19/>

- Nicola, M., Alsafi, Z., Sohrabi, C., Kerwan, A., Al-Jabir, A., Iosifidis, C., ... Agha, R. (2020). The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review. *International Journal of Surgery*, 78, 185–193. doi: 10.1016/j.ijssu.2020.04.018
- Qiu, J., Shen, B., Zhao, M., Wang, Z., Xie, B., & Xu, Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: Implications and policy recommendations. *General Psychiatry*, 33(2). doi: 10.1136/gpsych-2020-100213
- Roden-Foreman, J. W., Bennett, M. M., Rainey, E. E., Garrett, J. S., Powers, M. B., & Warren, A. M. (2017). Secondary traumatic stress in emergency medicine clinicians. *Cognitive Behaviour Therapy*, 46(6), 522–532. doi: 10.1080/16506073.2017.1315612
- Samsebeskazal, D. (2020a). *Жизнь во время: Что там в глубинке? Городок Варвик, штат Нью-Йорк*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=r722I9fyofk>
- Samsebeskazal, D. (2020b). *Жизнь во время эпидемии: Актер излечился и теперь поет из окна*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=3QJRjSKL9tg>
- Samsebeskazal, D. (2020c). *Жизнь во время эпидемии: Брайтон - единственный район, где в продаже есть маски и санитайзеры*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=ghlST54nmkA>
- Samsebeskazal, D. (2020d). *Жизнь во время эпидемии: Верхний Вест-Сайд*. Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=S6Di_DgT08I
- Samsebeskazal, D. (2020e). *Жизнь во время эпидемии: Зброшенный аэродром, авеню U и госпиталь, где не хлопают*. Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=AwZ22OkH9_Q
- Samsebeskazal, D. (2020f). *Жизнь во время эпидемии: Количество умерших постоянно растет*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=hBzDGVFWxwk>
- Samsebeskazal, D. (2020g). *Жизнь во время эпидемии: Пик пройден?* Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=_cdDq8DXM5E
- Samsebeskazal, D. (2020h). *Жизнь во время эпидемии: Самоизоляция самозакончилась. Нас ждет вторая волна?* Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=xVPXrtwxCs8>
- Samsebeskazal, D. (2020i). *Жизнь во время эпидемии: Что там в Гарлеме*. Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=Hp_пуHGqRJY
- Shiina, A., Niitsu, T., Kobori, O., Idemoto, K., Hashimoto, T., Sasaki, T., ... Iyo, M. (2020). Perception of and anxiety about COVID-19 infection and risk behaviors for spreading infection: An international comparison. *BioRxiv*, 2020.07.30.228643. doi: 10.1101/2020.07.30.228643
- Smart Beauty. (2020). *Коронавирус в Италии. Ломбардия. Хроники*. Извлечено от https://www.youtube.com/playlist?list=PLTuj_TXHUZX7TZW0sHvbs6YFuDu-FLDDr9
- Timm, C., & Perez, R. (2010). Chapter 3—Phishing Attacks. In C. Timm & R. Perez (Eds.), *Seven Deadliest Social Network Attacks* (pp. 43–61). Boston: Syngress. doi: 10.1016/B978-1-59749-545-5.00003-3

- Watkins, L. E., Sprang, K. R., & Rothbaum, B. O. (2018). Treating PTSD: A Review of Evidence-Based Psychotherapy Interventions. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 12. doi: 10.3389/fnbeh.2018.00258
- Wheaton, M. G., Abramowitz, J. S., Berman, N. C., Fabricant, L. E., & Olatunji, B. O. (2012). Psychological Predictors of Anxiety in Response to the H1N1 (Swine Flu) Pandemic. *Cognitive Therapy and Research*, 36(3), 210–218. doi: 10.1007/s10608-011-9353-3
- Аверков, О., Барчук, А., Боде, И., Киселев, Ю., Мацкеплишвили, С., Напалков, Д., ... Эрлих, А. (2020). Резолюция совета экспертов: Актуальные вопросы пандемии COVID-19 в РФ. Извлечено от <https://magboard.online/covid/>
- Александровский, Ю. А., Лобастов, О. С., & Спивак, Л. И. (1991). *Психогении в экстремальных условиях*. Москва.
- Баранова, А. (2020). *Коронавирус. Инструкция по выживанию*. Москва: Litres.
- Барденштейн, Л. М., Копытин, В. А., Молодецких, В. А., & Курашов, А. С. (2007). К истории учения о посттравматическом стрессовом расстройстве. *Российский Медицинский Журнал*, (4), 51–53.
- Бойко, Ю. П. (2003). Особенности антистрессовой медицинской помощи при чрезвычайных ситуациях и их последствиях. *Социальная и клиническая психиатрия*, 13(2), 60–67.
- Бундало, Н. Л. (2009). *Хроническое посттравматическое стрессовое расстройство: Монография*. Красноярск: КрасГМУ.
- Васильева, А. (2020). Альянс Врачей [Видео-контент о деятельности врачебного сообщества в период пандемии]. Извлечено от <https://www.youtube.com/c/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%92%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B9>
- Вихрян, А. П. (2016). *Интернет как фактор радикализации сознания молодежи*. 117–122. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет).
- Вихрян, А. П., Сеницын, И. М., & Тиунов, С. В. (2018). *Здоровье Нации Как Фактор Обеспечения Информационно-Психологической Безопасности Российского Социума*. 27–53. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН).
- Волошин, В. М. (2005). *Посттравматическое стрессовое расстройство: Феноменология, клиника, систематика, динамика и современные подходы к психофармакотерапии*. Москва: Анахарсис.
- Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации. (2020). Извлечено от Минздрав России website: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/051/777/original/030902020_COVID-19_v8.pdf
- Гарнов, В. М. (1988). Распространенность нервно-психических расстройств в условиях стихийных бедствий. *Журнал невропатологии и психиатрии им. Корсакова*, (8), 125.

- Гарнов, В. М. (2002). *Формирование психопатологии в рамках посттравматического стрессового расстройства у лиц, переживших землетрясение* (Doctoral Thesis). Москва.
- Горенков, Д. В., Хантимирова, Л. М., Шевцов, В. А., Рукавишников, А. В., Меркулов, В. А., & Олефир, Ю. В. (2020). Вспышка нового инфекционного заболевания COVID-19: β -коронавирусы как угроза глобальному здравоохранению. *БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение*, 20(1), 6–20. doi: 10.30895/2221-996X-2020-20-1-6-20
- Дедова, К. Н. (2012). *Роль посттравматического стрессового расстройства в патогенезе органических эмоционально-личностных нарушений у комбатантов в периоде отдалённых последствий боевой психической травмы* (PhD Thesis). Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург.
- Дмитриева, Т. Б. (Ред.). (2005). *Посттравматическое стрессовое расстройство*. Москва: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского.
- Дмитриева, Т. Б., Воложин, А. И., Александровский, Ю. А., Кекелидзе, З. И., Коган, Б. М., Положий, Б. С., ... Субботин, Ю. К. (2001). *Социальный стресс и психическое здоровье*. Москва: Всероссийский учебно-научно-методический центр по непрерывному медицинскому и фармацевтическому образованию.
- Доктор Комаровский. (2020a). *Коронавирус | События и комментарии*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=eIbwdObYZ1g>
- Доктор Комаровский. (2020b). *Коронавирус: Обзор нового и актуального*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=YLA4jz70pM>
- Друмова, М. В. (2003). *Клинико-психологические особенности комбатантного посттравматического стрессового расстройства* (PhD Thesis). Новосибирская государственная медицинская академия, Новосибирск.
- Егоров, И. (2020). *Пропускной режим в Москве*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=LLMeaDyFFp4>
- Ефанов, А. А. (2016). *Моральные паники как фактор социальных изменений* (PhD Thesis). Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск.
- Кадыров, Р. (2012). *Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD): Состояние проблемы, психодиагностика и психологическая помощь*. Санкт-Петербург: Речь.
- Килиячков, А. А., & Чалдаева, Л. А. (2020). *Риски Взаимодействия Виртуального И Реального Пространства*. 216–222. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К».
- Комаров, А. А. (2013). *Интернет-мошенничество: Проблемы детерминации и предупреждения*. Москва: Издательство «Юрлитинформ». Извлечено от <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22800022>
- Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы— Минздрав России. (2020). Извлечено от Минздрав России website: <https://covid19.rosminzdrav.ru/>

- Коронавирус COVID–19: Официальная информация о коронавирусе в России на портале. (2020). Извлечено от Стопкоронавирус.рф website: <https://xn--80aesfpebagmfbcl0a.xn--p1ai/>
- Коронавирус в Москве: Статистика, полная официальная информация и последние новости. (2020). Извлечено от Официальный сайт Мэра Москвы website: https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/?adfox&utm_place=893819&utm_ban=3710761&ues=1
- Красовский, А. (2020a). *Как умирали первые жертвы коронавируса в России / ЭПИДЕМИЯ с Антоном Красовским*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=0TC7ksGAuUM>
- Красовский, А. (2020b). *Почему коронавирус в Дагестане стал катастрофой? / Эпидемия с Антоном Красовским*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=bJvLW-lYH6I&feature=youtu.be>
- Левашов, Я. (2020). *Из закрытой Москвы в Испанию. Полёт в КАРАНТИН [4К]*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=GaVGTpG40HI>
- Лэнс, Дж. (2008). *Фишинг. Техника компьютерных преступлений* (Р. В. Гадицкий, Пер.). Москва: NT Preaa.
- Маковская, А. (2020). Анна Маковская: Фейки, иммунитет и волны коронавируса. Извлечено от Эхо Москвы website: https://echo.msk.ru/blog/mayakov_a/2696293-echo/
- Мизинцева, М. Ф. (Ред.). (2020a). *Пандемия COVID-19. Биология и экономика. Специальный выпуск: Информационно-аналитический сборник*. Москва: ВИНТИ РАН.
- Мизинцева, М. Ф. (Ред.). (2020b). *Пандемия COVID-19. Химия и экономика. Специальный выпуск: Информационно-аналитический сборник*. Москва: ВИНТИ РАН.
- Михайлов, Л. А. (2009). *Психологическая защита в чрезвычайных ситуациях*. Москва: Издательский дом «Питер».
- Назаретян, А. П. (2005). *Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании*. Москва: Academia.
- Никифоров, В. В., Суранова, Т. Г., Чернобровкина, Т. Я., Янковская, Я. Д., & Булова, С. В. (2020). Новая коронавирусная инфекция (COVID-19): Клинико-эпидемиологические аспекты. *Архивъ внутренней медицины*, 10(2), 87–93. doi: 10.20514/2226-6704-2020-10-2-87-93
- Ольшанский, Д. В. (2001). *Психология масс*. Санкт-Петербург: Питер.
- Прокопенко, И. (2020). *Коронавирус. Вирус-убийца*. Москва: Эксмо.
- Простосердов, М. А. (2017). *Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве*. Москва: Издательство «Юрлитинформ».
- Семке, В. Я., Погосова, И. А., & Погосов, А. В. (2003). *Панические расстройства: Клиника, факторы риска, лечение*. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет.

- Смирнова, И. Г. (2016). *Киберпреступность: Криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ*. Москва: Издательство «Юрлитинформ».
- Чалдаева, Л. А., Килячков, А. А., & Якорев, А. А. (2020). К вопросу о формировании государственных функций по обеспечению безопасности в виртуальном пространстве России. *Власть*, 28(3), 37–46. doi: 10.31171/vlast.v28i3.7293
- Шульц, В. Л., Кульба, В. В., Чернов, И. В., & Шелков, А. Б. (2019). Методы и технологии управления обеспечением социальной стабильности на основе сценарного подхода. *Сборник трудов XIII Всероссийского совещания по проблемам управления ВСПУ-2019, 2034–2039*. Москва: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. doi: 10.25728/vspu.2019.2034

References

- Aaron, G., & Rasmussen, R. (2017). Global Phishing Survey. Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/globalphishingsurvey/>
- Alexandrovsky, Y. A., Lobastov, O. S., & Spivak, L. I. (1991). *Psychogenias in extreme conditions*. Moscow. (In Russian).
- Atalan, A. (2020). Is the lockdown important to prevent the COVID-19 pandemic? Effects on psychology, environment and economy-perspective. *Annals of Medicine and Surgery*, 56, 38–42. doi: 10.1016/j.amsu.2020.06.010
- Averkov, O., Barchuk, A., Bode, I., Kiselev, Y., Matskeplishvili, S., Napalkov, D., ... Erlich, A. (2020). Resolution of the Council of Experts: Current Issues of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation. Retrieved from <https://magboard.online/covid/> (In Russian).
- Baranova, A. (2020). *Coronavirus. Survival Instructions*. Moscow: Litres. (In Russian).
- Bardenstein, L. M., Kopytin, V. A., Molodetskikh, V. A., & Kurashov, A. S. (2007). Toward a History of the Study of Post-Traumatic Stress Disorder. *Russian Medical Journal*, (4), 51–53. (In Russian).
- Boyko, Y. P. (2003). Peculiarities of anti-stress medical care in emergencies and their consequences. *Social and Clinical Psychiatry*, 13(2), 60–67. (In Russian).
- Bundalo, N. L. (2009). *Chronic Post Traumatic Stress Disorder: A Monograph*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. (In Russian).
- Burenok, A. (2020a). *Amsterdam you wouldn't recognize: Queues at a coffeeshop without masks*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=3FpOmvtpoLs> (In Russian).
- Burenok, A. (2020b). *Canada under quarantine. Life during an epidemic in Toronto*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=RseCckxPR6Y> (In Russian).
- Burenok, A. (2020c). *The Istanbul You Don't Recognize: Turkey Captured by an Epidemic*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=S4HYckEtGc8> (In Russian).

- Burenok, A. (2020d). *France you wouldn't recognize, and Sweden against the rules*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=jB7v2o-UbdE> (In Russian).
- Burenok, A. (2020e). *Japan is quarantined. Why is it not so with us?* Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=CQ7tehdvAx8> (In Russian).
- Chakraborty, I., & Maity, P. (2020). COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention. *Science of The Total Environment*, 728, 138 882. doi: 10.1016/j.scitotenv.2020.138882
- Chaldaeva, L. A., Kilyachkov, A. A., & Yakorev, A. A. (2020). On the formation of state functions to ensure security in the virtual space of Russia. *Power*, 28(3), 37–46. doi: 10.31171/vlast.v28i3.7293 (In Russian).
- Coronavirus - symptoms, signs, general information, answers to questions-Minister of Health of Russia. (2020). Retrieved from Ministry of Health of Russia website: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (In Russian).
- Coronavirus COVID-19: Official information about coronavirus in Russia on the portal. (2020). Retrieved from Stopcoronavirus.rf website: <https://xn--80aesfpebagmf-blc0a.xn--p1ai/> (In Russian).
- Coronavirus in Moscow: Statistics, full official information and the latest news. (2020). Retrieved from Official site of the Mayor of Moscow website: https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/?adfox&utm_place=893819&utm_ban=3710761&ues=1 (In Russian).
- COVID-19 related publications. COVID-19: How you can help. (2020). Retrieved from Publons.com website: https://publons.com/publon/covid-19/?sort_by=date
- Dedova, K. N. (2012). *The role of post-traumatic stress disorder in the pathogenesis of organic emotional and personality disorders in combatants during the period of long-term effects of combat mental trauma* (PhD Thesis). Kirov Military Medical Academy. S.M. Kirov Military Medical Academy, St. Petersburg. (In Russian).
- Dmitrieva, T. B. (Ed.). (2005). *Post-traumatic stress disorder*. Moscow: V.P. Serbsky SSP State Research Center. (In Russian).
- Dmitrieva, T. B., Volozhin, A. I., Aleksandrovsky, Y. A., Kekelidze, Z. I., Kogan, B. M., Polozhyi, B. S., ...Subbotin, Y. K. (2001). *Social stress and mental health*. Moscow: All-Russian Research and Training Center for Continuing Medical and Pharmaceutical Education. (In Russian).
- Dr. Komarovskiy. (2020a). *Coronavirus | Events and Comments*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=eIbwdObYZ1g> (In Russian).
- Dr. Komarovskiy. (2020b). *Coronavirus: An overview of what's new and current*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=YLAv4jz70pM> (In Russian).
- Drumova, M. V. (2003). *Clinical and psychological features of combatant post-traumatic stress disorder* (PhD Thesis). Novosibirsk State Medical Academy, Novosibirsk. (In Russian).
- Efanov, A. A. (2016). *Moral panics as a factor of social change* (PhD Thesis). N.P. Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk. (In Russian).

- Egorov, I. (2020). *Moscow permit regime*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=LLMeaDyFFp4> (In Russian).
- Esparza, J. (2020). Lessons From History: What Can We Learn From 300 Years of Pandemic Flu That Could Inform the Response to COVID-19? *American Journal of Public Health, 110*(8), 1160–1161. doi: 10.2105/AJPH.2020.305761
- Fontanesi, L., Marchetti, D., Mazza, C., Di Giandomenico, S., Roma, P., & Verrocchio, M. C. (2020). The effect of the COVID-19 lockdown on parents: A call to adopt urgent measures. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy, 12*(S1), S79–S81. doi: 10.1037/tra0000672
- Galea, S., Merchant, R. M., & Lurie, N. (2020). The Mental Health Consequences of COVID-19 and Physical Distancing: The Need for Prevention and Early Intervention. *JAMA Internal Medicine, 180*(6), 817. doi: 10.1001/jamainternmed.2020.1562
- Garnov, V. M. (1988). Prevalence of neuropsychiatric disorders in natural disasters. *Korsakov Journal of Neuropathology and Psychiatry, 8*(8), 125. (In Russian).
- Garnov, V. M. (2002). *Formation of psychopathology within the framework of post-traumatic stress disorder in earthquake survivors* (Doctoral Thesis). Moscow. (In Russian).
- Gorenkov, D. V., Khantimirova, L. M., Shevtsov, V. A., Rukavishnikov, A. V., Merkulov, V. A., & Olefir, Yu. (2020). New infectious disease outbreak COVID-19: β -coronaviruses as a threat to global health. *Biodrugs. Prevention, diagnosis, treatment, 20*(1), 6–20. doi: 10.30895/2221-996X-2020-20-1-6-20 (In Russian).
- Hong, J. (2012). The state of phishing attacks. *Communications of the ACM, 55*(1), 74–81. doi: 10.1145/2063176.2063197
- Horesh, D., & Brown, A. D. (2020). Traumatic stress in the age of COVID-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy, 12*(4), 331–335. doi: 10.1037/tra0000592
- Interim Guidelines. Prevention, diagnosis and treatment of new coronavirus infection (COVID-19). Ministry of Health of the Russian Federation. (2020). Retrieved from Ministry of Health of Russia website: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/051/777/original/030902020_COVID-19_v8.pdf (In Russian).
- Jagatic, T. N., Johnson, N. A., Jakobsson, M., & Menczer, F. (2007). Social phishing. *Communications of the ACM, 50*(10), 94–100. doi: 10.1145/1290958.1290968
- Kadyrov, R. (2012). *Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD): State of the Problem, Psychodiagnosis and Psychological Assistance*. St. Petersburg: Speech.. (In Russian).
- Kanesarajah, V., & White, E. (2020). *Chasing change: Innovation and patent activity during COVID-19. A report on the pandemic's impact on the global R&D community and innovation lifecycle*. 18. Retrieved from https://clarivate.com/derwent/wp-content/uploads/sites/3/dlm_uploads/2020/06/DW507408683-COVID-19-Report_FINAL.pdf
- Kanzler, K. E., & Ogbeide, S. (2020). Addressing trauma and stress in the COVID-19 pandemic: Challenges and the promise of integrated primary care. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy, 12*(S1), S177–S179. doi: 10.1037/tra0000761

- Kilyachkov, A. A., & Chaldaeveva, L. A. (2020). *Risks of Virtual and Real Space Interaction*. 216–222. Moscow: Dashkov & K Publishing and Trading Corporation. (In Russian).
- Komarov, A. A. (2013). *Internet Fraud: Problems of Determination and Prevention*. Moscow: Yurlitinform Publishers. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22800022> (In Russian).
- Koushik, N. S. (2020). A population mental health perspective on the impact of COVID-19. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(5), 529–530. doi: 10.1037/tra0000737
- Krasovsky, A. (2020a). *How the First Coronavirus Victims Died in Russia / EPIDEMIA with Anton Krasovsky*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=0TC7ksGAuUM> (In Russian).
- Krasovsky, A. (2020b). *Why was the coronavirus in Dagestan a disaster? / Epidemic with Anton Krasovsky*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=bJvLW-IYH6I&feature=youtu.be> (In Russian).
- Lance, J., (2008). *Phishing. Techniques of computer crime* (P. V. Gaditsky, Trans.). Moscow: NT Preaa. (In Russian).
- Levashov, Ya. (2020). *From closed Moscow to Spain. Flight to Carantine [4K]*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=GaBGTpG40HI> (In Russian).
- Makovskaya, A. (2020). Anna Makovskaya: Fakes, immunity and coronavirus waves. Retrieved from Ekho Moskvyy website: https://echo.msk.ru/blog/mayakov_a/2696293-echo/ (In Russian).
- Mazza, C., Ricci, E., Biondi, S., Colasanti, M., Ferracuti, S., Napoli, C., & Roma, P. (2020). A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(9), 3165. doi: 10.3390/ijerph17093165
- Members' Webinar: Cybercrime Trends due to COVID-19. (2020). Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/members-webinar-cybercrime-trends-due-to-covid-19/>
- Mikhailov, L. A. (2009). *Psychological protection in emergency situations*. Moscow: Peter Publishing House. (In Russian).
- Mizintseva, M. F. (Ed.). (2020a). *The COVID-19 pandemic. Biology and Economics. Special Issue: Information and Analytical Collection*. Moscow: VINITI RAS.. (In Russian).
- Mizintseva, M. F. (Ed.). (2020b). *The COVID-19 pandemic. Chemistry and Economics. Special Issue: Information and Analytical Collection*. Moscow: VINITI RAS. (In Russian).
- Nazaretyan, A. P. (2005). *The Psychology of Spontaneous Mass Behavior: Crowds, Rumors, Political and Advertising Campaigns*. Moscow: Academia. (In Russian).
- Nicola, M., Alsafi, Z., Sohrabi, C., Kerwan, A., Al-Jabir, A., Iosifidis, C., ... Agha, R. (2020). The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review. *International Journal of Surgery*, 78, 185–193. doi: 10.1016/j.ijsu.2020.04.018
- Nikiforov, V. V., Suranova, T. G., Chernobrovkina, T. Ya., Yankovskaya, Y. D., & Burova, S. V. (2020). New Coronavirus Infection (COVID-19): Clinical and Epidemiological As-

- pects. *Archives of Internal Medicine*, 10(2), 87–93. doi: 10.20514/2226-6704-2020-10-2-87-93 (In Russian).
- Olshansky, D. V. (2001). *The Psychology of the Masses*. Saint Petersburg: Peter. (In Russian).
- Prokopenko, I. (2020). *Coronavirus. The Killer Virus*. Moscow: Eksmo.. (In Russian).
- Prostoserdov, M. A. (2017). *Economic crimes committed in cyberspace*. Moscow: Yurlitinform Publishers. (In Russian).
- Qiu, J., Shen, B., Zhao, M., Wang, Z., Xie, B., & Xu, Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: Implications and policy recommendations. *General Psychiatry*, 33(2). doi: 10.1136/gpsych-2020-100 213
- Roden-Foreman, J. W., Bennett, M. M., Rainey, E. E., Garrett, J. S., Powers, M. B., & Warren, A. M. (2017). Secondary traumatic stress in emergency medicine clinicians. *Cognitive Behaviour Therapy*, 46(6), 522–532. doi: 10.1080/16 506 073.2017.1315612
- Samsebeskazal, D. (2020a). *Life in Time: What's out there in the backcountry? Warwick Township, New York*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=r722I9fyofk> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020b). *Life during the epidemic: Actor cured and now sings from the window*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=3QJRjSKL9tg> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020c). *Life during an epidemic: Brighton is the only neighborhood where masks and sanitizers are on sale*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=ghlST54nmkA> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020d). *Life During the Epidemic: The Upper West Side*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=S6Di_DgT08I (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020e). *Life during an epidemic: An abandoned airfield, Avenue U, and a hospital that doesn't clap*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=AwZ22OkH9_Q (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020f). *Life during an epidemic: The number of deaths is steadily increasing*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=hBzDGVFWxwk> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020g). *Life during an epidemic: Has the peak been passed?* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=_cdDq8DXM5E (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020h). *Life during the epidemic: Self-isolation is over. Are we in for a second wave?* Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=xVPXrtwxCs8> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020i). *Life During the Epidemic: What's Up in Harlem*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=Hp_pyHGqRJY (In Russian).
- Semke, V. Y., Pogosov, I. A., & Pogosov, A. V. (2003). *Panic Disorders: Clinic, Risk Factors, and Treatment*. Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russian).
- Shiina, A., Niitsu, T., Kobori, O., Idemoto, K., Hashimoto, T., Sasaki, T., ... Iyo, M. (2020). Perception of and anxiety about COVID-19 infection and risk behaviors for spreading infection: An international comparison. *BioRxiv*, 2020.07.30.228643. doi: 10.1101/2020.07.30.228643

- Shultz, V. L., Kulba, V. V., Chernov, I. V., & Shelkov, A. B. (2019). Methods and technologies for managing social stability based on a scenario approach. *Proceedings of the XIII All-Russian Meeting on Management Problems VSPU-2019, 2034-2039*. Moscow: Trapeznikov Institute of Control Problems of the Russian Academy of Sciences. V.A. Trapeznikov RAS. doi: 10.25728/vspu.2019.2034 (In Russian).
- Smart Beauty. (2020). Coronavirus in Italy. Lombardy. Chronicles. Retrieved from https://www.youtube.com/playlist?list=PLTuj_TXHUZX7TZW0sHvbs6YFuDuFLDDr9 (In Russian).
- Smirnova, I. G. (2016). *Cybercrime: Criminological, Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal Analysis*. Moscow: Yurlitinform Publishers. (In Russian).
- Timm, C., & Perez, R. (2010). Chapter 3—Phishing Attacks. In C. Timm & R. Perez (Eds.), *Seven Deadliest Social Network Attacks* (pp. 43–61). Boston: Syngress. doi: 10.1016/B978-1-59749-545-5.00003-3
- Vasilyeva, A. (2020). Physicians Alliance [Video content about the activities of the medical community during the pandemic]. Retrieved from <https://www.youtube.com/c/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%92%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B9> (In Russian).
- Vikhryan, A. P. (2016). *The Internet as a factor in the radicalization of young people's consciousness*. 117–122. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University). (In Russian).
- Vikhryan, A. P., Sinitsyn, I. M., & Tiunov, S. V. (2018). *Health of the Nation as a Factor in Information and Psychological Security of Russian Society*. 27–53. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). (In Russian).
- Voloshin, V. M. (2005). *Post-Traumatic Stress Disorder: Phenomenology, Clinic, Systematics, Dynamics, and Current Approaches to Psychopharmacotherapy*. Moscow: Anaharsis. (In Russian).
- Watkins, L. E., Sprang, K. R., & Rothbaum, B. O. (2018). Treating PTSD: A Review of Evidence-Based Psychotherapy Interventions. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 12. doi: 10.3389/fnbeh.2018.00258
- Wheaton, M. G., Abramowitz, J. S., Berman, N. C., Fabricant, L. E., & Olatunji, B. O. (2012). Psychological Predictors of Anxiety in Response to the H1N1 (Swine Flu) Pandemic. *Cognitive Therapy and Research*, 36(3), 210–218. doi: 10.1007/s10608-011-9353-3

CHAPAEV AS A MEDIA OBJECT: FROM THE CIVIL WAR TO THE BLACK LIVES MATTER MOVEMENT

Daniil A. Anikin

Lomonosov Moscow State University | Saratov State University. Moscow, Russia.
Email: [dandee\[at\]list.ru](mailto:dandee[at]list.ru)

Abstract

The article explores the dynamics of the image of V.I. Chapaev in the Soviet and post-Soviet media space. Using the theory of post-memory by M. Hirsch and S. O'Donoghue as methodology of research, the author analyzes the transformation of the main characteristics of the image, its place in Russian historical memory and in the cultural tradition. V.I. Chapaev became one of the most significant characters in the Soviet cultural tradition. After the fall of the Soviet Union the image of Chapaev however retained its significance in the context of rethinking the Soviet heritage. The article highlights the following stages of transformation of V.I. Chapaev's image: the inclusion in the "founding myth" and gradual transformation into a Soviet epic hero (crowding out collective trauma); debunking the heroic status within the framework of the "carnival culture" and turning into a character of anecdotes (de-traumatization in the process of post-memory formation); transformation into a hero of Internet memes (transformation of post-memory and de-actualization of the themes of the Civil War). The author argues that the burst of memes depicting Chapaev in 2020 demonstrates a post-ironic attitude to the Black Lives Matter movement in Russian society. The author concludes that the fact that Chapaev's image was included in a fundamentally different political and cultural context demonstrates that the symbolic potential of the Civil War memory in Russia is entirely exhausted and can no longer serve as a tool for the formation of commemorative practices.

Keywords

media; historical memory; post-memory; post-irony; meme; Chapaev; Civil War

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ЧАПАЕВ КАК МЕДИА-ОБЪЕКТ: ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К ДВИЖЕНИЮ BLACK LIVES MATTER

Аникин Даниил Александрович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова | Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского. Москва, Россия.
Email: [dandee\[at\]list.ru](mailto:dandee[at]list.ru)

Аннотация

В статье исследуется динамика образа В. И. Чапаева в советском и постсоветском медиапространстве. На основании методологии изучения пост-памяти М. Хирш и С. О'Донахью анализируется трансформация основных характеристик образа, выявляется его место в российской исторической памяти и в культурной традиции. В.И. Чапаев стал одним из наиболее значимых персонажей советской культурной традиции, а после распада Советского Союза его образ сохранил свое значение в контексте переосмысления советского наследия. В статье выделяются следующие стадии трансформации образа В.И. Чапаева: включение в состав «мифа основания» и постепенное превращение в советского эпического героя (вытеснение коллективной травмы); развенчание героического статуса в рамках «карнавальной культуры» и превращение в персонажа анекдотов (детравматизация в условиях формирования пост-памяти); актуализация в качестве героя интернет-мемов (трансформация пост-памяти и деактуализация тематики Гражданской войны). Включение образа в принципиально иную политическую и культурную повестку демонстрирует исчерпание символического потенциала памяти о Гражданской войне в качестве инструмента формирования определенных коммеморативных практик. Автор приходит к заключению что тот факт, что образ Чапаева оказался включен в принципиально иной политический и культурный контекст демонстрирует, что символический потенциал памяти о Гражданской стране в России окончательно исчерпан и не может больше служить инструментом формирования коммеморативных практик.

Ключевые слова

медиа; историческая память; пост-память; пост-ирония; мем; Чапаев; Гражданская война

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

FORMULATION OF THE PROBLEM

2020 is of great importance in the Russian politics of commemoration, because, along with the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, the country celebrates the 100th anniversary of the end of the Civil War, which relates to the evacuation of the troops of P.N. Wrangel from the Crimea.

Of course, we are talking exclusively about the political marking of this event, since the Civil War lasted until 1922, and, in a sense, it can be included in its composition and the fight against the Basmachi movement in Central Asia. The symbolic significance of linking the end of the Civil War with the defeat of Wrangel should be associated with the analogy between the annexation of Crimea to the Soviet state in 1920 and the reunification of Crimea with the Russian Federation in 2014.

It is not surprising that the anniversary of this event becomes a pretext for perpetuating the memory of the Civil War, despite the fact that there is no common position in the public consciousness regarding this event. Official political actors emphasize the educational significance of the Civil War, that is, the inadmissibility of internal political confrontation, but the issue of reflecting this position in the memorial landscape is also devoid of any uniformity. The culmination of this attitude to the Civil War was to be the construction of the Monument of Reconciliation in Sevastopol in November 2020. The opening date of which symbolically refers to the anniversary of the evacuation of the troops of P.N. Wrangel. Due to the complex epidemiological situation and the banal unredness of the monument, the event was postponed to a later date. It becomes very indicative in a figurative sense - reconciliation, which the authorities insist on, is once again postponed (Vasiliev, 2020). This is a sign of the lack of clarification of the causes and consequences of the Civil War in historical science. But to an even greater extent, it is a symptom of internal divisions in modern Russian society, which cannot fully determine its attitude to the events of the recent past.

Nevertheless, another monument directly referring to the events of the Civil War was unveiled in October 2020 in the village of Krasnoy, Orenburg District. The monument was the bust of Cossack Colonel Timofey Sladkov, who actively participated in the fight against the Bolsheviks and remained in history thanks to one cavalry raid, during which the headquarters of the 25th Infantry Division of the Red Army was defeated, and its commander, Vasily Chapaev, died. The unexpected angle of the installation of the monument was given by the fact that it was erected just on the street bearing the name of Chapaev. It gave another reason to think about the bizarre interweaving of the Russian past and present (Shcherbakova, 2020). The issue actively dis-

cussed in the media has several dimensions, two of which are worth noting – the ethical and political ones. In the ethical aspect, the desire, after a whole century, to confront two participants of the legendary battle again becomes strange as it was the last fight for one of them. In the political aspect, it becomes interesting not only to analyze the political actors behind the creation of an alternative version of the Civil War (in particular, the bust of Sladkov is installed on the territory that formally belongs to the local church), but also to identify those cultural frameworks that transforms the Soviet version of the memory of these events.

Does the competition of monuments and toponymics mean the preservation of the traumatic interpretation of the Civil War in modern Russian society? At first glance, this understanding is quite correlated with the cautious actions of the Russian authorities, avoiding reasons for public controversy about the causes and consequences of the post-revolutionary civil confrontation in Russia. But the significant question remains how much the images of the characters of the Civil War remain relevant symbolic capital for modern Russian society, how much is the use of their images in the media or Internet culture a reproduction of the ongoing worldview divisions, or, conversely, only evidence of turning into cultural stamps?

Within the framework of this article, the subject of the study will be the image of one of the Soviet heroes of the Civil War, Vasily Chapaev, in the conditions of post-Soviet reality, his transformation from the character of Soviet jokes into a kind of meme, the use of which goes far beyond the ideological differences of supporters and opponents of Soviet power. The purpose of the article is to determine the role of the memory of the Civil War in modern Russian society (on the example of using the image of Chapaev in folklore and post-folklore).

Addressing Chapaev's figure is no coincidence, since his figure is uniquely present in several cultural formations at once: in the classical Soviet epic of the 20-30s, in the late Soviet ironic culture, as well as in modern Internet folklore as one of the popular memes. The very presence of Chapaev in each of these cultural contexts nevertheless raises not only the question of the continuity of the historical memory of the Civil War, but also its nonlinear dynamics, gaps and shifts in the understanding and use of the past.

To achieve this goal, it is necessary to determine methodological toolkit, to reveal the evolution of Chapaev's image in Soviet and post-Soviet culture, as well as analyze the specifics of Internet culture in terms of the functioning of folklore images in it.

RESEARCH METHODOLOGY

From a methodological point of view, M. Hirsch's works on post-memory are of great importance for analyzing the evolution of the image of a historical character. In her book on Holocaust Post-Memory Shaping, she focuses on how the compilation of visual images through cinematography determines the emotional perception of the past that goes beyond the "living" human memory. Visualization leads to a peculiar effect, when certain images of the past become more visible and significant for subsequent generations than for their parents or more distant ancestors (Hirsch, 2012, p. 14-16).

Developing the ideas of M. Hirsch, S. O'Donoghue applies the concept of post-memory to the analysis of literary representations of the Spanish Civil War. From his point of view, this form of memory concentrates on traumatic events, creating a new form for their expression. Moreover, it is precisely the artistic representation of the distant events of the Spanish Civil War that becomes a powerful civil gesture, as it makes us return to those events again, look for new forms of their symbolic settlement (O'Donoghue, 2016). A significant clarification is only the fact that the post-memory sets a new framework for the perception of the past, which significantly changes the historical picture that was developed at a certain moment in time. This framework can serve to actualize those meanings that have been "displaced" as a result of ideological manipulations. It can also create new artistic images that are only indirectly related to those historical events that were reflected in the post-memory. In other words, the historical image, which has become an artistic character due to the circumstances, acquires its own existence and it is often extremely far from the real details of the life and death of its prototype.

Considering the specifics of the analyzed material, both from a substantive and a formal point of view, the use of philological literature for the analysis of the image of V.I. Chapaev is of great importance. K. Clark in his work on the Soviet novel identifies the plot and stylistic aspects that contributed to the assertion of Chapaev as an important element of the socialist founding myth (Clark, 2002, p. 43-44). B. Seth, who devoted the work to the evolution of the Soviet anecdote, emphasizes that not a literary, but a visual text played a large role in the formation of the myth about Chapaev. It was the famous film "Chapaev" of 1934 that became a precedent text for all mature and late Soviet culture, significantly transforming the heroic image that was formed in Soviet ideology (Seth, 1990, p. 48). As M. Odesskiy notes, it would be more correct to say that Chapaev became the hero of a number of myths – an epic, a Soviet, a Stalinist ones, and only then turned into a character of anecdotes and ironic rethinking (Odesskiy, 2007).

For the study of the modern image of Chapaev, literature on anthropology is of great importance, in particular, articles on the problem of the func-

tioning of folklore material in the Internet environment. The articles of S.Y. Neklyudov (Neklyudov, 1995), which raise the question of the specifics of post-folklore, especially in the context of the formation of a specific Internet culture, are of important methodological importance. To study the transformation of epic characters in post-folklore, it is worth turning to the works of A. S. Arkhipova, which especially understand the case of "film-dependent jokes" that are directly related to the image of Chapaev (Arkhipova, 2003; Arkhipova, 2020).

Within the framework of humor studies, works on the ratio of humor and traumatic memories are of great importance for this topic (Nevo, Keinan, Teshimovsky-Arditi, 1993; Hudak, Dale, Hudak, DeGood, 1991). According to these authors, humor performs a dual function. On the one hand, it contributes to abstraction from traumatic memories, but on the other hand, it is able to cause a repeated experience of a traumatic situation. However, it is worth noting that these conclusions were made by the authors when studying individual rather than collective injuries.

It is the understanding of the ambiguity and non-linearity of Chapaev's biography as an object of historical commemoration that makes us turn to the question of why he was in demand as a Soviet hero, what significant stages can be distinguished on the way of turning a real biography into a mythological narrative.

SOVIET "FOUNDING MYTH" AND THE IMAGE OF VASILY CHAPAEV

The formation of the Soviet system caused the need to form a "founding myth," which was the October Revolution of 1917, as well as the Civil War, which became a symbolic confrontation between the two antipodes - the side of good (Bolsheviks) and the side of evil (all their opponents, despite the internal contradictions between them). In this sense, the Civil War became an analogue of the US War of Independence, as a result of which not only a new political system was developed, but also national mythology was formed, in particular, the myth of the "founding fathers."

In the Soviet state there was an interesting pattern when the heroes of the Civil War began to claim the role of such founders with good reason. Since the composition of the political elite of Soviet power underwent significant changes in the first twenty years of its existence, the winning position was given not to those participants of the Civil War who were able to survive in it, but to those who died. The living heroes of the war risked taking the wrong political step, taking the wrong side in the internal party coalitions, while the dead heroes remained the eternal guarantors of Soviet power, regardless of which political configuration it acquired.

Already in the 1920s, that is, only a few years after the end of the Civil War, the pantheon of heroes who gave their lives for Soviet power began to take shape. It is significant that almost immediately the process of forming the memorial canon was closely intertwined with the struggle for real political power among the representatives of the Soviet elite.

Among the representatives of the command staff of the Red Army during the Civil War, Vasily Chapaev did not occupy the most important place, so his death during the Cossack raid at first did not receive close attention from the Soviet government.

Chapaev's fate was in the spotlight after the release of D. A. Furmanov's novel "Chapaev", in which the epic status of the protagonist was successfully combined with the needs of the emerging socialist mythology. D. A. Furmanov himself, as far as one can judge from the diary entries, was quite wary of V.I. Chapaev, but the image he created turned out to be not only convincing, but also very popular. The newly formed Soviet system, which had rejected the pre-revolutionary heroic pantheon, needed its own heroes. Moreover, it needed not only heroes, but also martyrs with their lives paving a bright path to communism. Chapaev (of course, not as a real historical character with a difficult personal life and a problematic biography, but as a literary hero) was perfect for this role.

It is worth noting that the first half of the 1920s, as K. Clark notes, was just the time when not only the literary canon of the Soviet novel but also memorial practices that legitimized the new political and cultural order were formed (Clark, 2002, p. 21). Together with Chapaev, other heroes of the Civil War entered this canon, either who died during the fighting or who passed away immediately after its end and therefore did not have time to spoil their combat biography with the difficulties of post-war life. Therefore, the novel by D.A. Furmanov, published in 1923, set the social "ritual" that was supposed to reproduce the memory of the Civil War, but additional political circumstances were required so that the secondary commander of the Red Army, even if he became the hero of the work of art, could claim a special place even in this heroic pantheon.

The fact is that the second half of the 1920s was a time of fierce political struggle between I.V. Stalin, absent from the pantheon of heroes of the Civil War and L. Trotsky, who was the People's Commissar (Minister) for military and naval affairs in 1918-1925. The commemoration of the Civil War became dangerous for I.V. Stalin, since it meant an increase in the symbolic capital of his main political opponent, but that is why at that time the emphasis in the representation of the revolutionary past shifted towards the glorification of the direct participants in the hostilities. The exaggerated emphasis on the role of V.I. Chapaev, G.I. Kotovsky, N.A. Shchors in the defeat of the anti-Soviet

forces automatically meant "belittling" the significance of L. Trotsky as the chief strategist and ideologist of military operations.

It is not surprising that such importance was attached to the creation of the "correct" cinematic representation of the Civil War, which was supposed to consolidate not only the status of the heroes, but also, indirectly, the status of I.V. Stalin himself in the mass consciousness. This is exactly the role played by the film "Chapaev," shot in 1934 and awarded in 1935 the prize of the I Moscow Film Festival, the jury of which was headed by S. Eisenstein.

The literary myth was replaced by the cinematic myth, which was gaining great popularity in the mass consciousness. Chapaev in the film was finally separated from his prototype, acquiring the features of the people's leader, whose death became the reason for the new military triumph of his army. The memory of Chapaev, preserved in the local narratives of his family and former fighters, was replaced by a post-memory, which, however, has a much more massive effect. M. Odessky cites the story that Chapaev's son once visited the Cinema Museum, the staff of which concluded that he was not at all like his famous father and only a little later they realized that he did not look like the actor, B.A. Babochkin, who had played the main role in the film "Chapaev." As in the case of "Alexander Nevsky" by S. Eisenstein, the cinematic image of the protagonist was so convincing that it became a prototype for all subsequent images (Schenk, 2007, p. 387-389).

Of course, such an image becomes an important element of Soviet (and more specifically, Stalinist) ideology, not only defining the contours of a new collective identity, but also forming the image of a "new person" - an ideological fighter for the achievement of communism. It was the abstraction and detachment of the hero, along with the frenzied popularity of the film itself, which instantly spread to quotes and became one of the first examples of the precedent text in Soviet culture that became a factor in the subsequent transformation of Chapaev's image.

According to D. L. Bykov, "The civil war remains the last topic of the Russian heroic epic. They tried to make Zhukov a national hero - but he was far from Chapaev's glory: there was, apparently, something in Zhukov that did not allow him to become his own. Chapaev is the last truly people's commander: probably because, despite all his military wisdom, he was in battle in the most dangerous place" (Bykov, 2020). This judgment seems too sharp, but the epic and folklore nature of Chapaev's image is one of the significant factors in his effectiveness as a symbol of the "national hero." It is worth noting that according to A.S. Arkhipova, it is worth distinguishing the cinematic image of Chapaev, which does not allow him a humorous interpretation, and subsequent film-dependent jokes about Chapaev, which became an ironic reaction to completely different political and cultural conditions (Arkhipova, 2003, p. 15-16).

FROM EPIC TO ANECDOTE: AN IRONIC RETHINKING OF CHAPAEV'S IMAGE

In the 60s of the XX century, there was a repeated appeal to the theme of the Civil War, which was caused by the desire of the political elite to level negative memories of Stalin and recreate the original Soviet myth. In the media environment, this was reflected in the emergence of a number of films reconstructing individual episodes of the Civil War, for example, «The Elusive Avengers» (1966), «New Adventures of the Elusive» (1968), «Adjutant of His Excellency» (1969), «Dangerous Tour» (1969), but offering a completely different aesthetic. The heroic pathos of revolutionary literature and cinematography was replaced by an adventurous lightness, combined with an ironic attitude to both the characters of the films themselves and the reality of the Civil War. Although Chapaev himself became the hero of one of these films (the film "Chapaev's Eagles" (1968)) only indirectly but his image was also significantly influenced by the new aesthetics.

A. S. Arkhipova notes that the re-release in cinemas of the restored film "Chapaev" in 1966 was of great importance. "Remember the White Sun of the Desert, Sukhov returns home and he does not want to participate in anything at all, but against his will he is always drawn in. And the restored film about Chapaev was very contrary to this idea - such a brave, rude, brutal voyage with a checkerboard. This then, apparently, caused, rather, an effect not heroic, but a comic effect." (Archirova, 2020).

The folk "carnival culture," which M. M. Bakhtin attributed the property of a unique antidote to excessive ideologization to, made the image of Chapaev the object of irony, reflected in numerous anecdotes (Bakhtin, 1990). The very change of narrative allows us to talk about Chapaev's transition to a new cultural layer, which S. Y. Neklyudov called "post-folklore" (Neklyudov, 1995, p. 4-6) In his opinion, post-folklore is fundamentally different from both popular and elitist culture, meaning the emergence of a new syncretic cultural layer, which is the generation of urbanized and technologically developed

The main features of post-folklore include polycentricism, fragmentation, transparency and relative marginality in relation to ideology. Polycentricism and fragmentation are directly related to the peculiarities of the social structure of an urbanized society, in which various narratives of a folklore, literary or ideological nature overlap each other. Transparency is manifested in the fact that post-folklore texts within a certain social segment do not form a closed tradition, penetrating into other communities, even if as separate elements.

The question of ideological marginality seemed more complex. S. Y. Neklyudov himself believes: "Post-folklore - again, unlike peasant folklore - is usually ideologically marginalized, since the fundamental ideological needs of cit-

izens are satisfied in other ways, they have no direct relation to the oral tradition (by the media, to a lesser extent - cinema and other spectacles, even less - popular literature)" (Neklyudov, 2016) But due to the lack of dominant ideology in post-folklore texts, they cannot be considered completely non-ideological, since the very fact of using ideological stamps outside the context of their official use already makes post-folklore instruments of desacralization of official discourse.

Chapaev's humorous image in anecdotes, as in examples of post-folklore texts, contributes to the desacralization of not only the hero himself, but also the official discourse within which his heroic nature was possible. A. S. Arkhipova believes that it is film-dependent jokes about Chapaev that become an important narrative, within the framework of which it becomes possible to debunk many other "Soviet myths," for example, the confrontation between the USSR and the USA, the high status of state security bodies, etc. (Arkhipova, 2020).

The mythologized image of the Soviet hero, who spared no effort to fight the enemy, was replaced by the equally mythologized image of an inventive, but not always successful commander, accompanied by a loyal orderly Petka and no less loyal Anka, the machine gunner. Several significant patterns can be seen in such a transformation. First, the natural disappearance of those life realities that were well known to the generation of the 30s led to a symbolic re-coding of the meaning of those quotes and episodes from the film, which turned into a precedent text of Soviet culture. Having got rid of the ideological frame that cinema gave them, the fragments acquired their own autonomous existence, finally ending any references to the real existence of the prototype.

Second, the image of Chapaev turns into the embodiment of an ironic attitude to Soviet reality, which is manifested even in the neutralization of the initial opposition of friends and foes. It was fundamentally important for the Soviet "founding myth" that the hero-martyr could die only at the hands of the enemy, who was understood not so much as a personal opponent, but as a symbolic "evil." The symbolic designation of the enemy as "white" passed from the everyday vocabulary of the Civil War era into the book, and then into the film (the White Army, in contrast to the Red Army, was named the armed forces that advocated the overthrow of the Soviet government, regardless of what political orientation they adhered to). But after the Great Patriotic War the negative areola around the image of the "Whites" decreased significantly, since "fascists" began to be perceived as the main embodiment of evil. The "Whites," as Chapaev's main opponents, ceased to represent "absolute evil," becoming, in fact, only a faceless mass against the background of which the action of the jokes took place.

Paradoxically, Chapaev became almost the only character of the Civil War era who had managed to safely overcome all the political vicissitudes of Soviet history. The Stalin era meant a "reassembly" of the revolutionary canon, as a result of which a number of participants in the Civil War were deleted from official historical memory except K. E. Voroshilov and S. M. Budyonny who belonged to a narrow circle of the political elite close to Stalin. In the conditions of the Khrushchev "thaw" many heroes of the Civil War, who were repressed under Stalin, returned to Soviet memorial culture. For example, in many cities in the 60s, streets named after M. N. Tukhachevsky, V. K. Blucher and other Soviet military leaders appeared. It is clear that the commanders who discredited themselves by participating in Stalinist repressions took a more marginal position in public space. But until the end of the existence of the Soviet Union Chapaev remained one of the most recognizable and politically neutral heroes of the early Soviet era, which was largely facilitated by his transformation into a hero of anecdotes.

Chapaev turns out to be a convenient character for a humorous rethinking of the trauma of the Civil War, since his image is in no way connected with more relevant traumatic memories of repressions or the consequences of World War II. And the uncertainty quite corresponding to the folklore status of the character regarding the completion of the life path creates in late Soviet society the opportunity for the appearance of a series of jokes about the "red" commander, as if he had safely survived the Civil War. In this sense, the image of Chapaev performs the function of desacralization not only of the character himself, translating his existence from a situation of folklore to a situation of post-folklore, but also of commemoration practices of Soviet society, trying to actualize the "myth of foundation." In the era of the late Soviet Union, the memory of the Civil War is already becoming a post-memory, but active attempts to actualize it in the official cultural narrative are offset by an ironic attitude towards the characters of that era, which is clearly manifested on the example of Chapaev.

CHAPAEV AND BLACK LIVES MATTER IN THE RUSSIAN MEDIA SPACE: BETWEEN POST-FOLKLORE AND NETLORE

In the post-Soviet media space, Chapaev continued his existence in an ironic way. His image was used in several computer games, as well as in the famous novel by V. I. Pelevin "Chapaev and Void" (US: Buddha's Little Finger", UK: "Clay Machine Gun"). It is worth making a reservation that a meme is a culturally significant unit of information, so the very existence of memes cannot be reduced to either Internet culture or Internet humor. As N. A. Zinovieva notes, "the phenomenon of memes is interdisciplinary and multifaceted, and even if we consider only those memes that are information prod-

ucts, we will see many objects, among which will be advertising images, images and slogans, quotes from films and literature, famous works of art and many random objects and idioms that have suddenly gained popularity, and, of course, Internet memes" (Zinovieva, 2016, p.114) Internet memes are only vivid and visual, but far from the only manifestation of the ability of information to crush and mix. It is natural that Internet memes are closely related to folklore and post-folklore, representing a kind of transformation of images already available in the cultural narrative. But the transformation of a certain image into an Internet meme does not mean that the information encoded in it is kept unchanged.

The question of the specifics of Internet folklore seems quite debatable. So, R. Dorson in his article prefers to talk about "facelore," beating the consonance of the words "folk" and "face" and emphasizing that Internet reality creates a space for mixing truth and lies, reliable facts, probabilistic hypotheses and implausible fiction (Dorson, 2004, p. 281).

D. Werner notes that the main similarities between Internet folklore and the usual ways of disseminating folklore texts (for example, anecdotes) are the viral nature of distribution, spontaneity, anonymity, high transmission speed (Werner, 2003) In this sense, jokes about Chapaev did not go anywhere in virtual space, they continue to exist and spread, although the question of generational differences in their perception remains interesting.

N. A. Zinovieva believes that the key feature of Internet folklore is the dominance of creolized texts in it, which mean objects consisting of two non-homogenic parts - verbal and non-verbal (Zinovieva, 2016, p. 114). In other words, most of the Internet memes offer a combination of text and its visualization, which contributes to the better absorption of broadcast information by the audience. That is why Internet memes with Chapaev most often appear in the form of creolized texts, the non-verbal part of which is a frame from the film, and the verbal is a direct quote or indirect reference. Of course, symbolic recoding of such a meme is achieved by changing the entire verbal or non-verbal part, or by changing individual elements thereof.

Chapaev's image in the conditions of Internet culture breaks away from the context of the Civil War, preserving only certain attributes, for example, enmity with the "whites," which are being rethought in a new socio-cultural and political meaning. This property of Internet folklore is noted on the example of I. V. Stalin and the attributes associated with him (tobacco pipe, mustache) N. B. Gramatchikova and T. I. Khoruzhenko (Gramatchikova, Khoruzhenko, 2017, p. 26). Visual quotes from the film became widespread as Internet culture spread, turning into numerous memes. In particular, the demonstration of the famous scene from the film "Chapaev" where the main

character said the phrase: "Here, Petka, we will kill all the whites", then we shall live!" became a popular meme.

The ironic meaning of this phrase is given by the symbolic recoding of the key opponent of the "Whites". If in the original context, perfectly understandable for the Soviet viewer, the "Reds" (soldiers of the Soviet Red Army) act as such an opponent, then in the conditions of the de-actualization of such a confrontation, the image of the opponent also changes. Instead of the "Reds," the "Blacks" become such an opponent, and the phrase itself acquires an initially unusual "American" meaning, since Vasily Chapaev acts as a defender of the African-American population of the United States.

But if in the 90s such a meme was an example of irony built on the placement of Chapaev's image in an initially unusual context, then the information agenda of 2020 has set a new trend in creating memes about Chapaev, or, more precisely, a new way of reading and interpreting them.

One of the information trends of the year, demonstrating its social significance even against the background of the pandemic, was the Black Lives Matter movement, which became widespread not only in the United States, but also almost all over the world. The appeal of this movement to the democratic values of legal equality and freedom made it the source of a number of flash mobs and symbolic acts aimed at supporting the values declared by the BLM (for example, standing of participants in sports competitions on one knee). At the same time, a certain character of symbolic pressure, forcing not only to agree with the values of this movement, but also with a specific form of their expression, caused an ambiguous reaction in the world, which manifested itself in the emergence of memes. It is interesting that the main source of memes expressing a dual attitude to the BLM movement for Russia was the image of Chapaev.

The use of the image of Chapaev in memes dedicated to the Black Lives Matter movement means his transition to a new high-quality level: from irony to post-irony.

If irony is a rhetorical technique in which there is a discrepancy between the explicit and hidden meaning of the statement, then the post-irony demonstrates the blurring of the boundaries between ridicule and truth, when the statement becomes ambivalent in nature that does not contain an unambiguous interpretation. We can say that post-irony, in many ways, becomes a sign of a new social reality, in which not only clear boundaries are absent, but the very attitude to any phenomenon cannot be unambiguous. Irony means a clearly expressed doubt about the truth of a statement, but if we are not ready to question this statement or believe that the doubt can be misinterpreted by others, then we can only resort to post-irony as a way to demonstrate our reaction with having a roundabout way. In fact, post-irony becomes a way of si-

multaneously expressing both support and doubt, reducing the likelihood of backlash in either case. (Konstantinou, 2017). A. V. Pavlov rightly notes that post-irony should not be seen as a manifestation of "new sincerity" as a way to overcome the postmodern critical view, since post-irony is a kind of cultural phenomenon generated by the features of modern media space and inextricably connected with the specific position of a person in this space (Pavlov, 2019, pp. 24-25).

How did memes about Chapaev formulate a post-ironic attitude to the Black Lives Matter movement? To do this, it is necessary to disassemble several of the most common memes that combine the image of Chapaev with the symbols of BLM. For example, one of the simplest but common variations of the meme is the poster of the film itself, depicting Chapaev pointing his hand forward. Unlike the original poster of the film, the meme is accompanied by the words "Black Lives Matter," which symbolically recodes the alleged enemies, and the character is portrayed as an undeniable ally of the movement, which gives the image a post-ironic effect.

A more complex meme containing a direct reference to the image of Chapaev is the imposition of the faces of Hollywood actors of African American descent Morgan Freeman and Willard Carroll "Will" Smith on the frame from the film "Chapaev", and to whom Chapaev's key quote is attributed: "Oh, Petka, here we will break up the "whites", what kind of life will come". This meme acquires a post-ironic character precisely because the quote, instead of Chapaev, is attributed to the representatives of the African-American community. Not only does it make us perceive the "whites" in the literal meaning of the word, but also create the effect of the uncertain attitude of the author of the meme to the depicted situation. The rest of the memes on this topic are variations of the ones analyzed above and it eliminates the need to analyze them in detail.

It is easy to note that in the analyzed Internet memes there is a final break in the image of Chapaev with the post-memory of the Civil War. The very demand for this image in a fundamentally different political and cultural context demonstrates not only its unique plasticity, but also important laws regarding the collective memories of modern Russian society.

CONCLUSIONS

The image of Chapaev demonstrated a unique plasticity, having survived the transformation from a Soviet epic hero to a character of anecdotes and then Internet-memes. From a socio-philosophical and political point of view, the history of the evolution of this image is important as an illustration of the patterns of change in Russian society in memory of the Civil War.

At the first stage, which occurred at the time of the formation of the Soviet state and the personality cult of I.V. Stalin, the Civil War acts simultaneously as a "myth of foundation," but also as a crowded out collective trauma. Displacement can be understood here both literally (leaving several million people outside Russia) and symbolically (displacement from the memory of not only ideological opponents of the new regime, but also those participants in the Civil War who did not fit into the contours of the new political order). Chapaev turns into an epic character, the function of which is to sacralize the existing order, and the tragic death acts as a sacrifice.

The second stage coincides with the period of the "thaw" and the formation of the era of "developed socialism," when the de-trumatization of the Civil War is achieved due to two main factors. Firstly, a traumatic narrative of repression is formed and, in parallel with it, a heroic narrative of the Great Patriotic War, against the background of which the Civil War loses its tragedy. Secondly, the communicative memory of eyewitnesses and participants in the war is replaced by post-memory, reflected in artistic and cinematic texts that smooth out the sharpness of the contradictions between the "red" and "white." The image of Chapaev is discredited, which is manifested in the emergence of numerous anecdotes. In the situation of post-folklore, on the one hand, the frank ideologization of the image disappears, and on the other, the ironic nature of Chapaev's placement in new cultural contexts (a trip to the United States, etc.) becomes an instrument of desacralization of the political regime. Irony becomes a tool for overcoming collective trauma, which is facilitated by the very image of Chapaev, which is not related to the new traumatic narrative.

The third stage is connected with the post-Soviet period of the existence of Russian society, when the theme of the Civil War ceases to be a significant source of collective identity and a resource for stabilizing/destabilizing the political order. Despite attempts by the Russian authorities to establish a symbolic connection between the reconciliation of the "Reds" and "Whites" and overcoming internal social and cultural divisions in modern Russian society, the images of the Civil War are losing their relevance. Memory finally turns into a post-memory, operating only in a few images that fit into the modern cultural agenda.

The paradox of the situation is that the modern memorial landscape of Russian society makes the figure of Chapaev irrelevant as a character of the Soviet revolutionary myth. But the common visual image generated by the film acquires a completely different cultural and political significance, becoming the object for creating ironic and post-ironic memes. It can be stated that such a transformation testifies to Chapaev's final transition from the cultural

memory of Russian society to the state of post-memory, which, however, does not prevent the preservation of particular family discourse.

ACKNOWLEDGEMENTS

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31 600.

References

- Anikin, D. A. (2020). Transfer of the past: cultural memory in conditions of migratory flows. *Bulletin of Tomsk State University*, (452), 66–72. (In Russian).
- Arkhipova, A. S. (2003). *Anecdote and his prototype: the genesis of the text and the formation of the genre*. Moscow: Publishing House of the Russian State Humanitarian University. (In Russian).
- Arkhipova, A. S. (2020, February 6). Anecdotes about Chapaev allowed Soviet citizens to laugh at everything sacred. Retrieved from Business FM St. Petersburg website: <https://bfmspb.ru/novosti/aleksandra-arxipova-anekdotyi-pro-chapaeva-pozvolyali-sovetskim-grazhdanam-smeyatsya-nad-vsem-sakralnyim> (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (2020). *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Science. (In Russian).
- Bykov, D. L. (2020, October 11). And ahead of Chapaev on a dashing horse. Retrieved from Sobesednik website: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20201005-a-vperedi-chapaev-na-lihom-kon> (In Russian).
- Clark, K. (2002). *The Soviet novel: history as ritual*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian).
- Connerton, P. (2008). Seven types of forgetting. *Memory Studies*, 1(1), 59–71. doi: 10.1177/1750698007083889
- Dorson, R. (2004). Fakelore. In A. Dundes (Ed.), *Folklore: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* (pp. 281–289). New York: Routledge.
- Fedor, J. (2017). Introduction: War and memory in Russia, Ukraine, and Belarus. In J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, & T. Zhurzhenko (Eds.), *War and memory in Russia, Ukraine, and Belarus* (pp. 1–40). London: Palgrave Macmillan.
- Gramatchikova, N. B., & Khoruzhenko, T. I. (2017). *Postfolklore and internetlor*. Yekaterinburg: Publishing House of Ural University. (In Russian).
- Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York: Columbia University Press.
- Hudak, D. A., Dale, J. A., Hudak, M. A., & DeGood, D. E. (1991). Effects of Humorous Stimuli and Sense of Humor on Discomfort. *Psychological Reports*, 69(3), 779–786. doi: 10.2466/pr0.1991.69.3.779

- Konstantinou, L. (2017). Four faces of postirony. In R. van den Akker, A. Gibbons, & T. Vermeulen (Eds.), *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism*. London; New York: Rowman & Littlefield.
- Koposov, N. E. (2011). *High security memory: History and politics in Russia*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Laruelle, M. (2019). Commemorating 1917 in Russia: Ambivalent State History Policy and the Church's Conquest of the History Market. *Europe-Asia Studies*, 71(2), 249–267. doi: 10.1080/09668136.2018.1552922
- Linchenko, A., & Anikin, D. (2020). The political uses of the past in modern Russia: The images of the October revolution 1917 in the politics of memory of Russian parties. *European Politics and Society*, 21(3), 356–370. doi: 10.1080/23745118.2019.1645430
- Malinova, O. Yu. (2018). The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution(s): Analysis of strategies of the key mnemonic actors. *Polis. Political Studies*, (1), 9–25. doi: 10.17976/jpps/2018.01.02 (In Russian).
- Neklyudov, S. Y. (2016). A few words about "postfolklore". Retrieved from Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics website: <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm> (In Russian).
- Neklyudov, S. Y. (1995). After folklore. *Living antiquity*, (1), 2–4. (In Russian).
- Nevo, O., Keinan, G., & Teshimovsky-Arditi, M. (1993). Humor and pain tolerance. *HUMOR*, 6(1), 71–88. doi: 10.1515/humr.1993.6.1.71
- Nora, P. (1999). Between memory and history, the problems of places. In *France-Memory* (pp. 17-50). St. Petersburg: St. Petersburg University Press.a. (In Russian).
- O'Donoghue, S. (n.d.). Postmemory as Trauma? Some Theoretical Problems and Their Consequences for Contemporary Literary Criticism. Retrieved from Politika website: <https://www.politika.io/fr/notice/postmemory-as-trauma-some-theoretical-problems-and-their-consequences-for-contemporary>
- Odesskiy, M. P. (2007). Heroic myth about Chapaev. *New look*, (11). (In Russian).
- Olick, J. K. (2016). *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago: University of Chicago Press.
- Olick, J. K., & Robbins, J. (1998). Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 105–140. doi: 10.1146/annurev.soc.24.1.105
- Pavlov, A. V. (2019). Brave New "Digital World": Postirony as a Value System of Millennials' Worldview. *Horizons of humanitarian knowledge*, (3), 16–31. doi: 10.17805/ggz.2019.3.2 (In Russian).
- Safronova, Yu. A. (2018). Third wave of memory studies: Twenty-three years against wool. *Political Science*, (3), 12–27. doi: 10.31249/poln/2018.03.01 (In Russian).
- Schenk, F. B. (2007). *Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero (1263-2000)*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Seth, B. A. (1990). *Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot*. BA: University of Texas.

- Shcherbakova, E. (2020, November 11). opening of the Monument of Reconciliation is postponed. Retrieved from Sevastopol newspaper website: <http://sevastopol.press/2020/11/11/otkrytie-pamjatnika-primirenia-otkladyvaetsja/> (In Russian).
- Sherlock, T. (2007). *Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future*. New York: Palgrave Macmillan.
- Vasiliev, Yu. (2020, November 4). Sladkov vs Chapaev: features of national reconciliation. Retrieved from Vzgljad website: <https://vz.ru/society/2020/11/4/1068927.html> (In Russian).
- Verch, J. (2018). Narrative tools, truth and quick thinking in national memory: the mnemonic confrontation between Russia and the West over Ukraine. *Historical Expertise*, (2), 15–32. doi: 10.31754/2409-6105-2018-2-15-32 (In Russian).
- Werner, D. (2003, June 13). Anecdotes from Russia" and folklore of the Internet era. Retrieved from Russian magazine website: http://old.russ.ru/netcult/20030617_verner.html (In Russian).
- Zinovieva, N. A. (2016). Translation of sociocultural codes in the creation of an information product: analysis of Internet memes (PhD Thesis). St. Petersburg State University, St. Petersburg. (In Russian).

Список литературы

- Connerton, P. (2008). Seven types of forgetting. *Memory Studies*, 1(1), 59–71. doi: 10.1177/1750698007083889
- Dorson, R. (2004). Fakelore. In A. Dundes (Ed.), *Folklore: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* (pp. 281–289). New York: Routledge.
- Fedor, J. (2017). Introduction: War and memory in Russia, Ukraine, and Belarus. In J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, & T. Zhurzhenko (Eds.), *War and memory in Russia, Ukraine, and Belarus* (pp. 1–40). London: Palgrave Macmillan.
- Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York: Columbia University Press.
- Hudak, D. A., Dale, J. A., Hudak, M. A., & DeGood, D. E. (1991). Effects of Humorous Stimuli and Sense of Humor on Discomfort. *Psychological Reports*, 69(3), 779–786. doi: 10.2466/pr0.1991.69.3.779
- Konstantinou, L. (2017). Four faces of postirony. In R. van den Akker, A. Gibbons, & T. Vermeulen (Eds.), *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism*. London; New York: Rowman & Littlefield.
- Laruelle, M. (2019). Commemorating 1917 in Russia: Ambivalent State History Policy and the Church's Conquest of the History Market. *Europe-Asia Studies*, 71(2), 249–267. doi: 10.1080/09668136.2018.1552922
- Linchenko, A., & Anikin, D. (2020). The political uses of the past in modern Russia: The images of the October revolution 1917 in the politics of memory of Russian parties. *European Politics and Society*, 21(3), 356–370. doi: 10.1080/23745118.2019.1645430

- Nevo, O., Keinan, G., & Teshimovsky-Arditi, M. (1993). Humor and pain tolerance. *HUMOR*, 6(1), 71–88. doi: 10.1515/humr.1993.6.1.71
- O'Donoghue, S. (n.d.). Postmemory as Trauma? Some Theoretical Problems and Their Consequences for Contemporary Literary Criticism. Retrieved from Politika website: <https://www.politika.io/fr/notice/postmemory-as-trauma-some-theoretical-problems-and-their-consequences-for-contemporary>
- Olick, J. K. (2016). *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago: University of Chicago Press.
- Olick, J. K., & Robbins, J. (1998). Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 105–140. doi: 10.1146/annurev.soc.24.1.105
- Seth, B. A. (1990). *Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot*. BA: University of Texas.
- Sherlock, T. (2007). *Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future*. New York: Palgrave Macmillan.
- Аникин, Д. А. (2020). Трансфер прошлого: Культурная память в условиях миграционных потоков. *Вестник Томского государственного университета*, (452), 66–72.
- Архипова, А. С. (2003). *Анекдот и его прототип: Генезис текста и формирования жанра*. Москва: Издательство РГГУ.
- Архипова, А. С. (2020, февраль 6). Анекдоты про Чапаева позволяли советским гражданам смеяться над всем сакральным. Извлечено от Business FM Санкт-Петербург website: <https://bfmspb.ru/novosti/aleksandra-arhipova-anekdotyi-pro-chapaeva-pozvolyali-sovetskim-grazhdanam-smeyatsya-nad-vsem-sakralnyim>
- Бахтин, М. М. (2020). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Наука.
- Быков, Д. Л. (2020, октябрь 11). А впереди Чапаев на лихом коне. Извлечено от Собеседник website: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20201005-a-vperedichapaev-na-lihom-kon>
- Васильев, Ю. (2020, ноябрь 4). Сладков против Чапаева: Особенности национального примирения. Извлечено от Взгляд website: <https://vz.ru/society/2020/11/4/1068927.html>
- Вернер, Д. (2003, июнь 13). «Анекдоты из России» и фольклор интернетовской эпохи. Извлечено от Русский журнал. website: http://old.russ.ru/netcult/20030617_verner.html
- Верч, Дж. (2018). Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: Мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины. Пер. с англ. С. Е. Эрлих. *Историческая Экспертиза*, (2), 15–32. doi: 10.31754/2409-6105-2018-2-15-32

- Грамматчикова, Н. Б., & Хоруженко, Т. И. (2017). *Постфольклор и интернетлор*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Зиновьева, Н. А. (2016). *Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта (анализ интернет-мемов)* (Автореферат диссертации). Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.
- Кларк, К. (2002). *Советский роман: История как ритуал*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Копосов, Н. Е. (2011). *Память строгого режима. История и политика в России*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Малинова, О. Ю. (2018). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: Анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. *Полис. Политические исследования*, (1), 9–25. doi: 10.17976/jpps/2018.01.02
- Неклюдов, С. Ю. (1995). После фольклора. *Живая Старина*, (1), 2–4.
- Неклюдова, С. Ю. (2016). Несколько слов о «постфольклоре». Извлечено от Фольклор и постфольклор: Структура, типология, семиотика website: <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>
- Нора, П. (1999). Между историей и памятью, проблематика мест. В *Франция-Память* (сс. 17-50). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Одесский, М. П. (2007). Героический миф о Чапаеве. *Новый взгляд*, (11).
- Павлов, А. В. (2019). Дивный, новый «цифровой мир»: Постирония как ценностная установка мировоззрения миллениалов. *Горизонты гуманитарного знания*, (3), 16–31. doi: 10.17805/ggz.2019.3.2
- Сафронова, Ю. А. (2018). Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти. *Политическая Наука*, (3), 12–27. doi: 10.31249/poln/2018.03.01
- Шенк, Ф. Б. (2007). *Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263-2000)*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Щербакова, Е. (2020, ноябрь 11). Открытие памятника Примирения откладывается. Извлечено от Севастопольская газета website: <http://sevastopol.press/2020/11/11/otkrytie-pamjatnika-primirenia-otkladyvaetsja/>

THE CONDITION OF POSTMODERNITY IN 2021

Eduard E. Safronov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
Email: [safroveduard\[at\]gmail.com](mailto:safroveduard[at]gmail.com)

Abstract

Book review: Harvey, D. (2021). *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).

Keywords

postmodernism; capitalism; Fredric Jameson; David Harvey; metamodernism; social theory; media; practical philosophy

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА В 2021 ГОДУ

Сафронов Эдуард Евгеньевич

Институт философии РАН. Москва, Россия. Email: [safronoveduard@\[at\]gmail.com](mailto:safronoveduard@[at]gmail.com)

Аннотация

Рецензия на книгу: Харви, Д. (2021). *Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Ключевые слова

постмодернизм; капитализм; Фредрик Джеймисон; Дэвид Харви; метамодернизм; социальная теория; медиа; практическая философия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Многие сегодня считают, что мы живем в эпоху метамодерна, пришедшую на смену эпохи постмодерна (Морозов, 2019). К сожалению, метамодерн – настолько же медийная категория, насколько и постмодерн. Их, главным образом, сближает именно это: оба термина используются без какого-либо понимания. Отличает два слова, однако, то, что постмодерн на протяжении долгого времени был одним из главных предметов дискуссий в гуманитарной и социальной науках, в то время как метамодерн остается местечковой концепцией, ориентированный на то, что сегодня называется «хайп». Мы с легкостью поняли бы это, если бы знали, что такое постмодерн на самом деле. Однако, как указывает социальный философ Николай Афанасов, в течение долгого времени в отечественной науке постмодерн мыслился некорректно (Афанасов, 2019). О том, что же такое постмодерн(изм) в действительности, русскоязычный читатель начал узнавать совсем недавно, а именно тогда, когда на русском языке вышла фундаментальная работа американского философа-марксиста Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» (Джеймисон, 2019).

Джеймисон, как считает левый историк Перри Андерсон, одержал победу в борьбе за термин среди философов (Андерсон, 2011), и джеймисоновское понимание постмодернизма сегодня является не менее популярным, чем лиотаровская «утрата доверия к метанарративам». К слову, пресловутые метамодернисты в своих размышлениях отталкиваются именно от анализа эпохи Джеймисона. Но что если... Что если допустить, что есть другие варианты теоретизации постмодерна, причем не менее влиятельные? В конце концов, есть, скажем, канадская исследовательница литературы Линда Хатчеон, авторитет которой в этой теме непоколебим. Хатчеон оспаривала джеймисоновское понимание постмодерна и предлагала собственную версию этого термина как в плане исторической периодизации, так в плане и направления в искусстве. В общем, можно быть уверенными в том, что разные мыслители совершенно по-разному понимали этот термин. И иногда понимание некоторых авторов оказывалось более эмпирически обоснованным и более глубоким, чем у Джеймисона, или же прекрасно дополняло теорию последнего.

К авторам, которые внесли существенный вклад в дискуссию о постмодерне, вне всякого сомнения, относится англо-американский географ-марксист Дэвид Харви. В 1989 году Харви выпустил свою самую известную книгу и одну из самых влиятельных работ, посвященных постмодерну вообще, которую после неоднократно переиздавали. Теперь эта книга, вслед за текстом Джеймисона, издали на русском

языке, что не может не радовать тех, кто давно хотел разобраться с такой не простой темой, как постмодернизм. То, что книга впервые вышла в 1989 году, не должно нас смущать. С одной стороны, она важна для русскоязычного читателя хотя бы как исторический источник. Мы уже многое узнаем по теме, прочитав первую и четвертую части книги. С другой стороны, как показывает в своем фундаментальном предисловии к книге философ Александр Павлов, текст на самом деле является весьма актуальным (Павлов, 2021). Во-первых, потому, что благодаря ему мы многое узнаем о самом Дэвиде Харви и о том, какое место он занимает в сегодняшней социальной теории, а также среди тех мыслителей, которых сегодня все еще считают марксистами. Но главное, и это во-вторых, «Состояние постмодерна» может служить рабочим инструментом для анализа эпохи, в том числе и в отношении медиакоммуникаций.

К сожалению, большинство марксистов, включая Андерсона, полагают, что Харви всего лишь развивал и дополнял общие интуиции Джеймисона. В частности, главным вкладом Джеймисона в дискуссии о постмодернизме было то, что он прочно увязал термин с поздним капитализмом – понятием, плотно вошедшим в дискурс левой социальной теории с подачи Эрнеста Мандела в 1976 году. Хотя последний якобы позаимствовал слово у Хоркхаймера и Адорно, он, в отличие от авторов «Диалектики Просвещения» провел детальный анализ трансформаций капитализма. По иронии сам Мандель не считал поздний капитализм принципиально новым этапом экспансии капитала, в то время как Джеймисон утверждал именно так. Более того, Джеймисон, будучи философом, сосредотачивался на философском анализе текущей культуры, утверждая, что 1) мы утратили историческое мышление, 2) чувство глубины, 3) аффект и стали децентрированными субъектами, то есть шизофрениками, скользящими по гладким поверхностям гляцевых образов популярной культуры. Очевидно, такое понимание постмодерна не могло не привлекать.

Что сделал Дэвид Харви? С присущей ему основательностью он объявил (это сказано уже в подзаголовке книги), что будет исследовать истоки нынешних культурных изменений, которые, как и можно было ожидать от марксиста, он наблюдал в базисе, то есть непосредственно в экономике. Его книга в этом смысле не просто дополняла теорию Джеймисона, но фактически выступала ее базисом, то есть джеймисоновский постмодернизм не устранился, но оставался надстройкой, куда менее важной, чем ее фундаментальная основа. При этом Харви не забывает рассказать и о самих культурных изменениях, часто ссылаясь на идею Джеймисона о шизофреническом восприятии

постмодернистами мира. Однако, в чем Харви определенно улучшал (можно даже сказать, оспаривал) концепцию Джеймисона, так это в плане ключевой категории понимания постмодерна. Там, где Джеймисон рассуждал о времени, печально констатируя «вечное настоящее» культуры, Харви делал акцент на пространстве, показывая, что именно оно, пускай и в тесной упряжке со временем, имеет ключевое значение для «состояния постмодерна».

Эту идею он развивает во второй и третьей частях книги, надо сказать, совсем неравномерных по объему с первой и четвертой. Вообще все четыре части текста Харви посвящены разным дисциплинам и будут интересны представителям разных предметных областей гуманитарного и социально-экономического знания. Первая часть окажется полезной историкам, урбанистам, культурологам и философам. Здесь Харви объясняет свое понимание модерна и постмодерна и описывает переход от одного к другому. Параллельно он предлагает несколько политических оценок постмодерну. Харви отмечает положительные стороны постмодерна («Положительный эффект постмодернизма обусловлен характерным для него вниманием к различию, трудностям коммуникации, сложности и нюансам различных интересов, культур, мест и т. д.» (Харви, 2021, с. 199), но в конце концов приходит к неутешительному выводу, что скорее он вреден, чем полезен. Ответ на вопрос, почему это так, читатель найдет в четвертой части книги. Во второй и третьей же, как и было сказано, будут исследованы сами истоки изменений в культуре.

Вторая часть все еще может быть интересна экономистам. В ней Харви, вкратце объяснив логику динамики капитала, описанную Марксом, рассказывает о том, как был осуществлен переход от фордизма к постфордизму как к способу организации капиталистической экономики. Для фордизма (или даже фордизма/тейлоризма), например, были характерны четкая структура, иерархия, стабильность, обернувшаяся негибкостью (ригидность). Эта модель, сопровождавшаяся компромиссом между профсоюзами, компаниями-производителями и государством, хорошо работала в течение нескольких десятилетий, пока не наступил кризис перенакопления как самого капитала, так и производимых товаров, которые нужно было куда-то сбывать. Решение было найдено в «гибком накоплении», характерном для постфордизма. Компании начали сбывать продукцию за рубеж, там же открывать производства и навязывать рабочим «гибкие контракты», защищаемые профсоюзами.

Капитал разрешил кризис перенакопления за счет международной экспансии. Однако то, как и почему это стало возможным, Ха-

рви раскрывает в третьей части книги, посвященной тому, что он называет «пространственно-временным сжатием». Эта часть книги будет интересна социологам и философам. Начиная с Ренессанса, путем картографирования местности и изобретением все более эффективных транспортных перевозок и средств связи, капитал уничтожал пространство за счет времени. Этот долгий, но постоянно интенсифицирующийся на протяжении веков процесс и привел к ситуации постмодерна. Не подкрепленный производством капитал стал фиктивным и изменил облик некоторых городов, ставших центрами финансового капитализма (постфордизма).

Следствия всего этого Дэвид Харви описывает в четвертой и последней части книги. Этот сюжет окажется интересным политологам, искусствоведам и тем социальным теоретикам, которые занимаются исследованиями марксизма как интеллектуального течения. И также – исследователям медиа. Итак:

«Измерения пространства и времени оказались подчинены постоянному давлению обращения и накопления капитала, кульминацией чего становились дезориентирующие и разрушительные приступы пространственно-временного сжатия (особенно во время периодических кризисов перенакопления, возникавших начиная с середины XIX века)» (Харви, 2021, с. 519).

Харви настаивает, что в такие периоды происходит поворот от этики к эстетике. И тогда культура становится пространством борьбы как левых против капитала, так и капитала против труда. Культура, развивавшаяся с 1973 года, становится культурой постмодерна. Она характеризуется господством образов над нарративами, эфемерности и фрагментарности над вечными истинами и сплоченными политическими действиями. Кроме того, можно было наблюдать медиатизацию политики, что особенно ярко выразилось в образе Рональда Рейгана, ответственного за радикальный разрыв в неравенстве имущих и неимущих.

Рейган, принявший в качестве своей программы «вуду-экономикку», предполагающую снижение налогов, привел к росту огромного количества бездомных в США, что свидетельствовало о максимальной социальной дисфункциональности. Например, 40 миллионов граждан самой богатой страны в мире лишились медицинской страховки. При этом для богатых и привилегированных все, как обычно, было прекрасно. Финансовый капитал ориентировался на недвижимость, денежные спекуляции и деловые услуги, и яппи – главным бенефициарам рейгановской политики, ориентированным на престижное по-

требление – была нужна своя культура, которую в свою очередь производила «культурная масса» – выставки, фото, изобразительное искусство, музыка, клипы, кино и т.д. Все это нашло отражение в постмодерне, вступившем в свои права именно тогда.

И здесь Харви в своих рассуждениях делает неожиданный ход. В конце концов, он приходит к тому, что

«постмодернистская гибкость попросту разворачивает господствующий порядок, обнаруживаемый в фордистском модерне» (Харви, 2021, с. 536),

то есть утверждает, что не имеет большого значения, живем ли мы в модерне или в постмодерне, ведь «в конечном счете» (Альтюссер) все упирается в логику капитала, неизменную с основания капитализма. Проблема в том, что

«Культурная жизнь зачастую считается происходящей вне этой капиталистической логики, а не в ее пределах. Утверждается, что в границах культурных сфер люди творят собственную историю весьма специфическими и довольно непредсказуемыми способами в зависимости от собственных ценностей и притязаний, традиций и норм» (Харви, 2021, с. 539).

Харви находит эти доводы глубоко ошибочными. Собственно, здесь он нападает на современных левых, сосредоточенных на культуре. И пока новые левые считали себя «культурной силой», они сами способствовали повороту к эстетике, совершенно упустив экономику и отвергнув по итогам веру не только в пролетариат, но и в исторический материализм. Здесь Харви говорит, как ему кажется, главное – он заявляет о необходимости возвращения категории исторического материализма и его обновления посредством географических знаний. Для кого-то покажется странным, что он как бы упраздняет все то, о чем речь шла ранее, и это противоречит рассуждениям о медиатизации политики и культуры. Но нет. Распространение культуры постмодерна и маркетинга в глобальном масштабе на самом деле было главным действующим лицом временно-пространственного сжатия. Так что вся эстетика постмодерна оказывается на деле логикой пространственно-временного сжатия, используемого капиталом.

Харви не предлагает иных советов за исключением возвращения к классическим категориям марксизма и в целом самой книгой закладывает фундамент будущих исследований. Он спрогнозировал, что посредством гибкого накопления капитал не разрешил кризис, но отложил его на XXI век. Уже в нашем столетии, не забывая о своем прогнозе, Харви написал не одну книгу про противоречия капитала,

которые на деле оказываются аргументами его главного тезиса, высказанного в 1989 году. Вот почему эта книга оказала такое влияние на последующую социальную теорию. Вот почему она так важна для нас сегодня. И вот почему, наконец, мы можем понять, что же такое постмодернизм. Достигнув последней цели, мы также посмеемся, что вообще употребляли когда-то термин «метамодернизм».

Список литературы

- Андерсон, П. (2011). Истоки постмодерна. Москва: Издательский дом «Территория будущего».
- Афанасов, Н. Б. (2019). В поисках утраченной современности. *Социологическое обозрение*, 18(1), 256-265. doi: 10.17323/1728-192x-2019-1-256-265
- Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. Москва: Изд-во Института Гайдара.
- Морозов, А. В. (2019). Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(3), 238-249. doi: 10.24411/2658-7734-2019-10032
- Павлов, А. В. (2021). «Состояние постмодерна» Дэвида Харви. В Д. Харви, *Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Харви, Д. (2021). *Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

References

- Anderson, P. (2011). *The Origins of Postmodernity*. Moscow: «Territory of the Future» Publishing House. (In Russian)
- Afanasov N. B. (2019). In Search of Lost Modernity. *The Russian Sociological Review*, 18(1), 256-265. doi: 10.17323/1728-192x-2019-1-256-265 (In Russian).
- Harvey, D. (2021). *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
- Jameson, F. (2019). *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian)
- Morozov, A. V. (2019). «Look Out! This is Metamodern»: Modernity as an Umbrella and a Pendulum. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(3), 238-249. doi: 10.24411/2658-7734-2019-10032 (In Russian)
- Pavlov, A. V. (2021). «The Condition of Postmodernity» by David Harvey. In D. Harvey, *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).

DIALECTICS OF CULT CINEMA

Alexander V. Pavlov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. Email: [ale-pavlov\[at\]yandex.ru](mailto:ale-pavlov[at]yandex.ru)

Abstract

Book review: Hunter, I.Q. (2016). *Cult Film as a Guide to Life. Fandom, Adaptation and Identity*. New York, London, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic.

Keywords

cult cinema; media; fandom; adaptation; meaning of life; identity; practical philosophy

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ДИАЛЕКТИКА КУЛЬТОВОГО КИНЕМАТОГРАФА

Павлов Александр Владимирович

Институт философии РАН. Москва, Россия. Email: [ale-pavlov\[at\]yandex.ru](mailto:ale-pavlov[at]yandex.ru)

Аннотация

Рецензия на книгу: Hunter, I.Q. (2016) *Cult Film as a Guide to Life. Fandom, Adaptation and Identity*. New York, London, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic.

Ключевые слова

культовое кино; медиа; смысл жизни; фандом; адаптация; идентичность; практическая философия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Журнал “Galactica media” выходит уже два года, и каждый год в первом номере издания публиковалась моя рецензия на новую книгу, посвященную культовому кинематографу (Павлов, 2019; Павлов, 2020a). В новом году я решил не нарушать хотя и не сложившуюся, но складывающуюся традицию и вновь предложить вниманию читателей что-нибудь по теме. Несмотря на то, что важнейшие книги про культ выходят ежегодно, и, например, внимания заслуживает свежий «Путеводитель по культовому кинематографу от Routledge» (The Routledge Companion to Cult Cinema, 2019), который я надеюсь отрецензировать в будущем, в этот раз я решил написать о работе 2016 года. Для кого-то текст, вышедший пять лет назад, может показаться устаревшим, для кого-то – нет, но на русском так мало пишут о культовом кинематографе, а сама книга мне показалась настолько важной и интересной, что для рецензии я выбрал именно ее. В конце концов, есть и объективная (весьма прозаическая) причина, почему я обращаюсь к ней именно сейчас – мне удалось прочитать ее лишь недавно. И я искренне надеюсь, что если не сам источник, который не так уж просто достать, то эта рецензия окажется полезной для заинтересованных читателей.

Автор книги «Культовое кино как путеводитель по жизни: фандом, адаптация, идентичность» (Hunter, 2016) Иэн Хантер преподает исследования кинематографа в Школе медиа в Университете Де Монфор, Лестер (De Montfort University, Leicester) и давно пишет по теме своих научных интересов. В 2013 году он выпустил книгу «Британский трэш-кинематограф», а в 2017 году стал соредактором «Справочника по истории британского кинематографа от Routledge» (Hunter, 2019; The Routledge Companion to British Cinema History, 2017). Кроме этих работ он написал множество статей, и некоторые из них попали в «Культовое кино как путеводитель по жизни» (вторая, пятая, седьмая и восьмая главы). Однако Хантер не просто собрал несколько статей и выпустил их под единой обложкой, но честно взял только то, что ложилось в общее повествование, которое было продиктовано его желанием разобраться с пониманием культового кино сегодня и, что важнее, хотя и вытекает как следствие из первой задачи, – высказать тезис о том, что культовые фильмы могут служить средством своеобразной терапии в жизни если не каждого человека, то хотя бы «культистов», как называют «культовых зрителей» в западной академии.

Иными словами, Хантер изучает культ не только как явление, но и как жизненный опыт, включая собственный. «Это в высшей степени личная, даже автобиографическая книга» (Hunter, 2016, p. xiii), потому что она отражает личные и навязчивые пристрастия автора. К таковым относятся «Челюсти» (1975), «Шоугелз» (1995), творчество Стэнли Куб-

рика. Хантер не стесняется этого и громко заявляет, что строил книгу, буквально описывая предметы личного удовольствия. Этот нарратив, заданный кратким предисловием, обрамляет все содержание книги, состоящей из девяти глав.

В первой главе Хантер рассказывает об истории и меняющемся содержании культового кино, отдельно и подробно останавливаясь на картинах «Касабланка» (1942), «Шоу ужасов Рокки Хоррора» (1975) и, что особенно примечательно, «Дрянные девчонки» (2004) как своеобразных вехах эволюции культа. Глава называется «Только для девственников» – одна из многочисленных аллюзий, используемых автором на протяжении всего повествования. Если вы ее не раскусили, то «девственниками» обычно называют зрителей, пришедших на костюмированный показ легендарной картины «Шоу ужасов Рокки Хоррора» в первый раз. Вторая глава – самый ранний текст автора, который он когда-то написал о культовом кино. Это уже классическая во всех смыслах статья о «Шоугелз» Пола Верховена, принесшая Хантеру столько же славы, сколько и критики.

Третья глава посвящена тому, как интерпретации некоторых загадочных фильмов постепенно перерастают в культовую интерпретацию и конспирологическое безумие. Это, между прочим, отличный кейс того, как изначально, вероятно, некультовый фильм вдруг становится культовым, потому что на протяжении десятилетий ярые поклонники и обычные зрители спорят о том, про что именно говорят нам такие ленты, как «Сияние» (1980) и «С широко закрытыми глазами» (1999) Стэнли Кубрика. От себя добавлю: к подобным картинам, определенно, относятся, и такие вещи, как «Шоссе в никуда» (1997) и «Маллхоланд драйв» (2001) Дэвида Линча. Помимо всего остального Хантер отвечает на вопрос, как мы можем использовать тот или иной фильм в своих целях (вчитывая в него разные смыслы) и в то же время оставаться открытыми и уважительными по отношению к источнику, чтобы последний обновлял наше восприятие окружающего мира и нас самих. Здесь автор останавливается на тезисе киноведа Эрнеста Матиса о том, что подобные интерпретации часто являются стратегическим и приятным средством тратить время впустую – невероятная роскошь по меркам сегодняшних дней.

В четвертой главе рассматривается взаимосвязь между культом и адаптацией литературного источника. Как отмечает Хантер, адаптация может быть шоком, предательством, воскрешением, коммерчески прибыльным проектом, данью уважения, актом любовного воспоминания или даже смертельным проклятием. Культовый французский писатель Борис Виан, например, умер при просмотре экранизации своего

произведения «Я плюю на ваши могилы» (Hunter, 2016, p. 59) – культовой эксплуатационной картины в категории «месть за изнасилование». Здесь Хантер отвечает на вопрос, насколько культовость книги может быть сохранена, когда ее адаптируют средствами кинематографа. И хотя ответ на этот вопрос весьма банален, вряд ли автор мог прийти к какому-либо другому выводу: фильм, в основу которого положен культовый источник, может стать культовым, но может и не стать. Далеко не все адаптации культовых книг приобретают репутацию культа. «Принцесса-невеста» (1987), «Гольф обед» (1991) и «На игле» (1996), вошедшие в канон культового кино – важные исключения. Отдельно Хантер останавливается на теме побочных продуктов адаптации – коммерческих и созданных фанатами. Это важно, потому что поклонники могут рассматривать адаптацию не только как долгожданную канонизацию или легитимацию книги в более широких слоях культуры, но и как угрозу, поскольку эти практики коммерциализируют уникальность книги. Поэтому адаптация культового текста может потребовать деликатного обращения. Или же нет? Какое это имеет значение, если можно просто игнорировать поклонников или культистов в интересах расширения потенциальной аудитории и коммерческой выгоды, – задается вопросом автор?

Четвертая глава является своеобразным методологическим фреймом для почти всех последующих глав, которые становятся примерами для рассуждений Хантера относительно адаптаций. В частности, в восьмой главе автор вновь обращается к Кубрику, чтобы рассмотреть «параллельную адаптацию» новеллы Артура Кларка и фильма «2001: Космическая одиссея» (1968) Кубрика. Как известно, Кларк писал текст для того, чтобы его мгновенно перенес на большой экран Кубрик, и «авторы» работали в сотрудничестве. Здесь же поднимается вопрос о том, как адаптация может пересекаться с синефилией. В пятой главе Хантер обращается к своему любимому фильму детства «Челюсти». Как он отмечает в предисловии, хотя блокбастер Спилберга не был культовым фильмом, эта картина сделала Хантера культистом, потому что он буквально помешался на всем, что было связано с «Челюстями» (Hunter, 2016, p. xi). Здесь автор рассуждает о том, что адаптация может быть концептуализирована как форма эксплуатации, что видно на примерах многочисленных «поделок», которые сам Хантер называет *jawsplotation* (эксплуатация картины «Челюсти»), но я предпочитаю называть *sharksploitation* (эксплуатация акул, так как любой фильм про акул все же не может быть сведен к одним лишь «Челюстям»), самым ярким примером чему является франшиза «Акулий торнадо» (2013–2018). С еще большей эксплуатацией культовых книг связаны шестая и

седьмая главы, в которых Хантер рассуждает про эротические и порнографические адаптации, пародирующие и имитирующие популярные кинохиты. Шестая глава посвящена британским фильмам, пытавшимся составить конкуренцию европейскому эротическому кино, в том числе посредством экранизаций классической эротической литературы, например, «Том Джонс» (1963) и «Томас Эндрюс» (1977). В седьмой глава речь идет о современности – в частности о порнопародии на «Властелин колец» (2001–2003) Питера Джексона.

Девятая глава – последняя и она (автор снова использует аллюзию), как ковер Чувака из фильма «Большой Лебовски» (1998), задает тон всей книге, или, как осторожно формулирует сам Хантер, «пытается это сделать». Здесь автор, наконец, обращается к обещанной теме культового фильма как путеводителя по жизни. Под этим загадочным словосочетанием подразумевается полезность культового фильма как терапии – самолечения, средства уединения и конкретного материала для обеспечения осмысленного существования.

Таково содержание книги. Ясно, что подавляющая часть ее объема – это рассказ о всевозможных адаптациях (очевидно, что вынесенные в подзаголовок «фандом» и «идентичность» подчинены этой теме). Это очень интересные кейсы, но ценность книги, на мой взгляд, отражена не в них. Конечно, так можно говорить только, если мы хотим получить какие-то новые знания о культовом кино непосредственно, а не о некоторых сторонах этого феномена. Вот почему мне бы хотелось сразу предупредить читателя, знакомого с темой (даже хотя бы по моей книге (Павлов, 2020b), что самые любопытные мысли Иэн Хантер высказывает в заключительной части первой главы («Культ сегодня»), в аппендиксе второй главы («Послесловие: Провинился») и, разумеется, в девятой главе, хотя она интересует меня меньше всего. Поэтому в дальнейшем я сосредоточусь на них. Но так как ключевая глава книги не так важна для главного тезиса рецензии, я начну с нее, а дальше освещу сегодняшнее определение культового кино и историю про «Шоугелз».

Итак, в девятой главе Хантер настаивает, что если даже культовые фильмы и не могут подсказать нам смысл жизни, то они могут быть «психологической самопомощью»:

«терапевтическое использование кино в качестве духовной самопомощи может быть переопределено как обеспечение более близкого соответствия стрессам и несправедливостям повседневной жизни» (Hunter, 2016, p. 161).

Этот тезис он аргументирует в первой подглавке «Терапия и самопомощь», рассказывая о практике, получившей на Западе название

«кинотерапия». Отличает подход автора от «кинотерапии» то, что он концентрирует внимание не на картинах типа «Дневник Бриджит Джонс» (2001), но именно на культуре. В подглавке «Некоторые фильмы» Хантер приводит в пример жизнеутверждающую философию картин «Большой Лебовски» и «Гарольд и Мод» (1971).

Поскольку автор не раз обращался в книге к тому, какое положительное воздействие на женскую аудиторию оказывает фильм «Дрянные девчонки», следующую подглавку он полностью посвящает теме «Маскулинность и ностальгия», в которой рассматриваются «мужские фильмы», которые предлагают нам когнитивные карты враждебных миров, как например, «Бойцовский клуб» (1999). Но как фильмы типа «Матрицы» (1999) могут помочь нам чувствовать себя более комфортно в жизни? Очень просто. Хантер отмечает, подозревает, что «одна из причин влияния и популярности фильма, помимо его существенных достоинств как боевика, заключалась в том, что его систематическое представление мира как обмана и тюрьмы воспринималось зрителями как в сущности правдивое». (Hunter, 2016, p. 154).

В предпоследней подглавке «Дионисий на диване» Хантер встает на защиту поклонников трэш-эстетики, заявляя, что любовь к фильмам типа «Розовые фламинго» (1972) или «Кровососущие уроды» (1976) является не только безобидной и даже милой, но и возвышенной: «на самом деле, большая часть трэша менее преступна, нежели художественный трэш с претензиями» (Hunter, 2016, p. 158). В конце концов, он приходит к выводу, что культовые фильмы не всегда могут быть хорошими и не всегда могут быть фильмами, которые подходят лично вам. Так что вы можете выбрать свои культовые фильмы. Но, если отдалиться абсолютному удовольствию от просмотра культовых фильмов, они могут просто спасти вам жизнь. Возможно, этот совет пригодится вам в жизни. Так автор говорит в заключительной подглавке – «Послание».

Правда в том, что, по моему мнению, тон книге задает не только и не столько последняя часть, но и предисловие, которое, как и обещал Хантер, оказывается предельно личным, а вместе с ним и другие «личные» отрывки в разных местах текста. Напомню, что Хантер рассказывает про то, как «Челюсти» стали для него навязчивой идеей на всю жизнь и, хотя он, когда только увидел кино, не знал концепции культуры, картина превратили его в культиста навсегда.

«Такие блокбастеры, как “Челюсти”, обычно не классифицируются как культовые фильмы, которые имеют тенденцию быть непонятными, упускаемыми из виду и необычными фильмами со страстными, а иногда и противоположными фанатами» (Hunter, 2016, p. ix).

Но никакое другое слово, кроме как «культ», не подходит для того, чтобы описать одержимость Хантера «Челюстями».

Автор не эксплицирует этого, но определенно считает, что культовое кино (вообще) – во многом буквально история его поколения. Поколения бэби-бумеров и в меньшей степени поколения X. Он пишет, что его одержимость «Челюстями», сперва казавшаяся ему случайной и очень личной, была характерна для миллионов «приятно травмированных» молодых людей. Так что «Челюсти» глубоко погрузились в коллективное бессознательное поколения, родившегося в 1950-1960-х. Он не отказывает другим поколениям в статусе культистов, потому что любовь к кино может служить таким, как Хантер источником вдохновения для преподавания и написания статей о кино, по крайней мере на Западе. Поэтому нет ничего удивительного, что он провел международный симпозиум, посвященный сороковой годовщине фильма в июне 2015 года. Но последующие поколения, с точки зрения Хантера, не имели возможности проживать эксклюзивный опыт полночного кино – «золотого века» кulta.

Дело в том, что 1975 стал годом выхода не только «Челюстей», но и «Шоу ужасов Рокки Хоррора» – фильма, который постепенно стал ключевой картиной и даже синонимом полночного кино. Здесь Хантер обращает внимание, что такие «возмутительные фильмы» обычно и считаются культом. Но «затем пришло видео, и культ изменился навсегда» (Hunter, 2016, p. xi). В 1980-е годы появились культовые фильмы «второй волны», такие как «Бегущий по лезвию» (1982), «Жидкое небо» (1983) и «Экспроприатор» (1984). Так что, сокрушается Хантер, культовые фильмы (как образ жизни) переставали быть уникальным коллективным опытом и становились предметом домашнего потребления на видеокассетах. Вместе с тем «видео сделало фильмы доступными для тщательного изучения, что стимулировало появление новых культовых стратегий просмотра» (Hunter, 2016, p. 16) – теперь можно было сколь угодно много раз перематывать важные моменты назад и дать паузы, чтобы остановить и подробнее исследовать конкретные моменты. Кроме того, осознав, что культ может быть жанром, которому можно подражать, режиссеры стали снимать фильмы, ориентированные на новое поколение культистов – например, «Плетеная корзина» (1982) и «Зловещие мертвецы II» (1987). В 1990-е эту практику довел до кульминации Тарантино.

С распространением интернета и легитимацией популярной культуры культ изменился еще больше. Последние классические культовые фильмы – голливудские провалы типа «Большой Лебовски» и «Бойцовский клуб», неголливудское «полночное кино»

«Донни Дарко» (2001) и «лучший худший фильм» XXI столетия «Комната» (2003). После них начинается новый этап, который менее всего симпатичен Хантеру, потому что: «На самом деле, больше никто в точности не знает, что значит культовое кино» (Hunter, 2016, p. xii). Культовые фильмы, считает Хантер, несомненно, все еще существуют. Сегодня разные кинотеатры по всему миру, как мы знаем, включая Россию, показывают культовые фильмы. Однако это, как уверяет Хантер, уже совсем не тот опыт, который был доступен культистам в 1970-е. Эти показы и домашние просмотры более не сопровождается реальная ауры эксклюзивности, как бы дорого они ни переупаковывались в форме костюмированных показов или подарочных изданий на BluRay культовых фильмов типа «Большого Лебовски». Более того, модные кинотеатры часто устраивают сеансы культового кино, но наряду с однозначным культом, там могут демонстрироваться классические блокбастеры типа «Чужой» (1979) и «Назад в будущее» (1985). Эти картины, к слову, как и «Бойцовский клуб» вообще выходили в России в повторный прокат. И, конечно, помимо личного удовольствия увидеть это на большом экране меня преследует именно эта грусть – культ становится общим местом и развлечением для широкой (а не культовой) аудитории, профанируется.

Все это не то, что расстраивает Хантера, сколько заставляет вздыхать об утраченном понимании культа, потому что отличать некультовое кино от культового становится все труднее. «Через сорок пять лет после “Крота” термин “культовый фильм” в его традиционном определении кажется немного неуместным и старомодным» [р. 18]. Культ теперь в большей степени связан с ностальгией поколения X по мейнстримным фильмам, которые теперь уже мужчины и женщины сорока лет видели на видео в детстве, например «Балбесы» (1985), «Лабиринт» (1986) и «Феррис Бюллер берет выходной день» (1987). Понятие культа расширяется и становится, как это давно сформулировал сам Хантер, «дискурсивной категорией». Культ перестал быть областью контркультурных бэби-бумеров и теперь относится скорее к широким «сообществам», гораздо более женским и культурно разнообразным. «Короче говоря, культ слился с популярным медиа-фандомом» (Hunter, 2016, p. xii). Теперь многие авторы в академических кругах, все больше движимы интересами фанатов. Этот лейтмотив присутствует во всей книги: культ лучше фандома. Это очень скоро мы увидим на еще одном важном примере. «Таким образом, до некоторой степени культ – это историческая категория с предысторией в 1920-х годах, активизацией в 1950-х, Золотым веком в 1970-х и долгой уходя-

щей переориентацией на новые практики фэндомов и новые определения культовых фильмов» (Hunter, 2016, p. xiii).

Как видим, подход Хантера к анализу культового кино, глубоко диалектичен. С одной стороны, он переживает об утрате классического определения культа, с другой – признает, что это – уже дискурсивная категория. В рамках первого определения он описывает элементы классического анализа культовых фильмов: 1. маргинальность (Marginality): содержание выходит за рамки общих культурных норм; 2. подавление (Suppression): предмет подлежит цензуре, подвергается насмешкам или судебным искам; 3. экономика (Economics): кассовый провал после релиза, но в конечном счете регулярная прибыль; 4. трансгрессия (Transgression): нарушает социальные, моральные или правовые нормы; 5. культовая репутация (Cult following): включает преданную аудиторию из числа меньшинств; 6. сообщество (Community): аудитория является или становится группой самоидентификации; 7. цитатность (Quotation): фразы из диалогов становятся общим языком; 8. иконография (Iconography): устанавливает или возрождает культовую икону (Hunter, 2016, p. 3).

В рамках второй дефиниции Хантер регулярно задает вопрос, как быть с аудиторией, которая любит культовые фильмы, но не обязательно считает себя культистами и которая, например, не смотрит «плохие фильмы» в предписанной иронической манере? Двадцать лет назад, осмысляя эти меняющиеся определения культа, Хантер попытался написать о персональном опыте восприятия «Шоугелз» – фильме, который, например, в 1997 году еще не был однозначным культом и считался просто «очень плохим кино». Текст про «Шоугелз» – вероятно, самый личный для Хантера. Эту его статью не взяли в сборник 1997 года, который сам же Хантер и редактировал. Текст был опубликован лишь в 2000 году (Hunter, 2000). В книгу он вошел без изменений, но с аппендиксом под ярким подзаголовком «Послесловие: Провинился» (My Bad) (Hunter, 2016, pp. 34-40).

«Слово фаната в защиту “Showgirls”» оказался тем текстом, с которым автор до сих пор отождествляется, но не всегда по приятным для него причинам, и то незначительное влияние, которое статья оказала на академию, было не совсем положительным. Хантер признает, что как ученый он был должен отделить то, что тогда называл «фанатским энтузиазмом», от традиционного анализа, но ему не хотелось работать с материалом средствами хладнокровной интерпретации, которую тогда предполагал доминирующий академический дискурс исследований кинематографа. Поэтому заключительный раздел оригинального эссе о Рорти был не только эстетической защитой, но и «подачкой к

требованию пренебречь некоторой теорией». Спустя почти двадцать лет автор, наконец, смог сказать это прямо.

Вместе с тем, Хантер признает, что несколько пассивно-агрессивный тон главы, написанной «белым гетеросексуальным мужчиной постмодернистом и академиком-фанатом», теперь раздражает даже его, и он сам долгое время не пересматривал фильм, опасаясь, что обнаружит, что кино настолько плохое, как все думали в 1990-е. Ныне ему уже неловко идентифицировать себя как фаната, потому что он перестал быть сторонником темы фанатов, несмотря на то, что фандом – само собой часть культа. Поэтому Хантер пришел к выводу, что его всегда интересовали сами фильмы, а не их фанаты с социологической точки зрения. А те академики, которые являются фанатами (акафаны), зачастую исследуют самих себя, но не кино как таковое.

Именно эта репутация фаната, с которым Хантер идентифицировал себя в 1990-е, и вызвала нескончаемые проблемы. Дело в том, что фандом в 1990-е очень быстро феминизировался, когда произошла интеграция темы культового кино в академическое сообщество в рамках довольно строго определенных параметров (уважать гендер). Собственно, многие исследовательницы раскритиковали Хантера, прошедшего путь от «мальчика-фаната» к «плохому мальчику в академии», за то, что его взгляд на предмет изучения был слишком маскулинным, и в принципе он легитимировал устаревшее понимание кино, потому что категории культа должны были быть рассмотрены в том числе через призму гендера. Так, фильмы «Грязные танцы» (1987), «Титаник» (1997) и «Дрянные девчонки» были конвенционально признаны культовыми. Сегодня Хантер среди тех, кто соглашается с этим тезисом, и поэтому отдельное внимание уделяет в своей книге культу вокруг «Дрянные девчонки».

Сегодня женский фандом стал коммерческой силой, с которой нужно считаться, и когда-то малоизвестные фанатские практики, возглавляемые женщинами, распространяются все более широко, чем когда-либо. В сравнении с историей мутации культа «Дрянные девчонки» – такой же культовый фильм, как и «Принцесса-невеста». Разошедшись огромным количеством DVD-копий, «Дрянные девчонки», кажется, отчасти обязаны своей репутацией повсеместной цитируемости. У поклонниц даже существует «День дрянных девонок». Он отмечается тогда, когда начался роман главных героев («Это третье октября»). Рассказывая обо всем этом, «бывший фанат» Хантер приходит к заключению, что если любимые фильмы могут вызывать чувство свободы у женщин, ищущих сильные образцы для подражания, так тому и быть.

Таким образом, «Дрянные девчонки» заставляют нас переосмыслить некоторые стандартные определения культового кино и ответить на вопрос, почему преданные зрительницы фильмов, ориентированных на женщин, традиционно считались просто фанатками, а не культистами? Так что определение культового фильма, раз уж это дискурсивная категория, в любом случае обязано меняться со временем. Но Хантер не унимается: может быть, мы просто путаем культ с устойчивой популярностью? Раз уж на то пошло, сколько людей составляют культ? Требуется ли для культового фильма целая команда энтузиастов или достаточно одного одинокого служителя?

Хантер прямо пишет, что, по его мнению, культовые фильмы – это все еще нетрадиционные, часто независимые картины, которые были упущены из виду или недооценены при первом релизе, слава о которых долго и эксклюзивно распространялась из уст в уста. В свою очередь мейнстримовые фильмы или блокбастеры вновь становятся культовыми лишь из-за их неизменной популярности после выхода в прокат. «Является ли это всего лишь сфабрикованным симулякром культа, китчевым ретро-возрождением феномена полуночного кино, но без подпитывающей его контркультурной политики? Ну, пожалуй». Хантер предлагает не забывать о коммерческом оппортунизме, стоящем за полуночными фильмами «Крот» (1970) и особенно «Шоу ужасов Рокки Хоррора». Культизм, как живой опыт, все еще имеет место, но стал более вовлеченным в способы современных кинопросмотров. Но это снова делает предыдущее понимание культа узким (р. 21).

Запутались? Ничего страшного. Легко понять, к чему ведет Хантер. Имплицитно мы вычитываем из его книги буквально следующее: 1) настоящих (типа «Крота») культовых фильмов больше не существует, 2) сегодня культовое кино – дискурсивная категория, которая включает в себя другие фильмы, в частности, кино, ориентированное на женщин (типа «Дрянные девчонки»), 3) но культовое кино как дискурсивная категория срослось с понятием фандома, 4) фандом – это не столько про само культовое кино, сколько про аудиторию, 5) поэтому настоящее культовое кино – не дискурсивная категория; да, его больше нет, но мы (белые гетеросексуальные мужчины) его помним, так что оно на самом деле есть. В общем, это главный смысл книги. Это удар одного из тех последних истинных культистов, который придерживается классического и строгого понимания культовых фильмов как полуночного кино. Говорить сегодня таким образом не принято. Поэтому эти мысли автора спрятаны за колеблющимися рассуждениями о том, как нам принять культ как дискурсивную категорию, а также за тем, что даже в качестве таковой культовые фильмы помогают нам жить. Это последнее слово Иэна Хантера в книге. Последнее, но отнюдь не главное.

Список литературы

- Hunter, I. Q. (2000). Beaver Las Vegas! A Fanboy's Defence of Showgirls. In G. Harper, X. Mendik (eds.), *Unruly Pleasures: The Cult Film and Its Critics*. Guildford: FAB Press.
- Hunter, I. Q. (2016). *Cult Film as a Guide to Life. Fandom, Adaptation and Identity*. New York, London, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic.
- Hunter, I. Q. (2019). *British trash cinema*. London: British Film Institute.
- The Routledge Companion to British Cinema History*. (2017). New York: Routledge.
- The Routledge Companion to Cult Cinema*. (2019). New York: Routledge.
- Павлов, А. В. (2019). Greatest Cults: новые слова о старом феномене. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(1), 162-177. doi: 10.24411/2658-7734-2019-00009
- Павлов, А. В. (2020a). Плохие фильмы, которые мы (искренне) любим. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(1), 185-204. doi: 10.46539/gmd.v2i1.81
- Павлов, А. В. (2020b). *Расскажите вашим детям: Сто двадцать три опыта о культовом кинематографе. 3-е изд.* Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

References

- Hunter, I. Q. (2000). Beaver Las Vegas! A Fanboy's Defence of Showgirls. In G. Harper, X. Mendik (eds.), *Unruly Pleasures: The Cult Film and Its Critics*. Guildford: FAB Press.
- Hunter, I. Q. (2016). *Cult Film as a Guide to Life. Fandom, Adaptation and Identity*. New York, London, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic.
- Hunter, I. Q. (2019). *British trash cinema*. London: British Film Institute.
- Pavlov, A. V. (2019). Greatest Cults: New Words about Old Phenomenon, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(1), 162-177. doi: 10.24411/2658-7734-2019-00009 (In Russian).
- Pavlov, A. V. (2020a). Bad Movies We (Sincerely) Love. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(1), 185-204. doi: 10.46539/gmd.v2i1.81 (In Russian).
- Pavlov, A. V. (2020b). *Tell Your Children: One hundred and Twenty-three Essays on Cult Cinema. 3rd ed.* Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- The Routledge Companion to British Cinema History*. (2017). New York: Routledge.
- The Routledge Companion to Cult Cinema*. (2019). New York: Routledge.

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75 215 since 07 march 2019

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414 056

Address of Editorial board: 57, Granovskiy per. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414 038

Editor-in-Chief: Rastyam T. Aliev, PhD

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: admin@galacticamedia.com

or galacticamedia@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2019 Galactica Media: Journal of Media Studies. e-ISSN: 2658-7734

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75 215 от 07 марта 2019

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2

Главный редактор: к.и.н. Растям Туктарович Алиев

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: admin@galacticamedia.com

или galacticamedia@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2019 Галактика медиа: журнал медиа исследований. e-ISSN: 2658-7734